

ОХОТНИКИ ЗА КОСТЯМИ

ТОМ 2

МАЛАЗАНСКАЯ КНИГА ПАВШИХ: СКАЗАНИЕ ШЕСТОЕ

СТИВЕН ЭРИКСОН

Малазанская империя

Стивен Эриксон

Охотники за костями. Том 2

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)

Эриксон С.

Охотники за костями. Том 2 / С. Эриксон — «Эксмо»,
2006 — (Малазанская империя)

ISBN 978-5-04-095444-5

Восстание в Семи Городах подавлено, Ша'ик мертва, её сторонники бежали. Все – за исключением одного. Леоман Кистень с теми, кто выжил, движется к древнему городу И'гхатану, чтобы дать там последний бой Четырнадцатой армии под предводительством адъютанта Тавор. Некогда именно И'гхатан стал роковым городом для Малазанской империи: здесь погиб великий воитель Дассем Ультор, а имперские войска захлебнулись кровью. Теперь же Четырнадцатой армии предстоит переломить судьбу – или пасть под её ударами... Впрочем, противостояние малазанцев и бунтовщиков – лишь часть великой игры, которую ведут могущественные и древние силы. Увечный бог отныне владеет собственным Домом, Престол Тени готовит некий гамбит, из дальних морей являются причудливые корабли, несущие безжалостных тисте эдуров. Вечные скитальцы Икарий и Маппо сталкиваются с новыми тайнами прошлого, а Карса Орлонг решительно шагает навстречу своей судьбе. И мало кто понимает, что ставка в этой многоуровневой игре – существование не только отдельных игроков, но и всего мира...

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-04-095444-5

© Эриксон С., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Карты	7
Список персонажей	9
Книга третья	12
Глава двенадцатая	13
Глава тринадцатая	33
Глава четырнадцатая	62
Глава пятнадцатая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Стивен Эриксон
Охотники за костями
Том 2
Сказание шестое из
Малазанской Книги Павших

*Посвящается Кортни Уэлчу.
Играй, играй, мой друг.*

* * *

Steven Erikson
The Bonehunters
Book Six of the Malazan Book of the Fallen

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2006 Steven Erikson. First published as the Bonehunters by Transworld Publishers

© Лихтенштейн Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

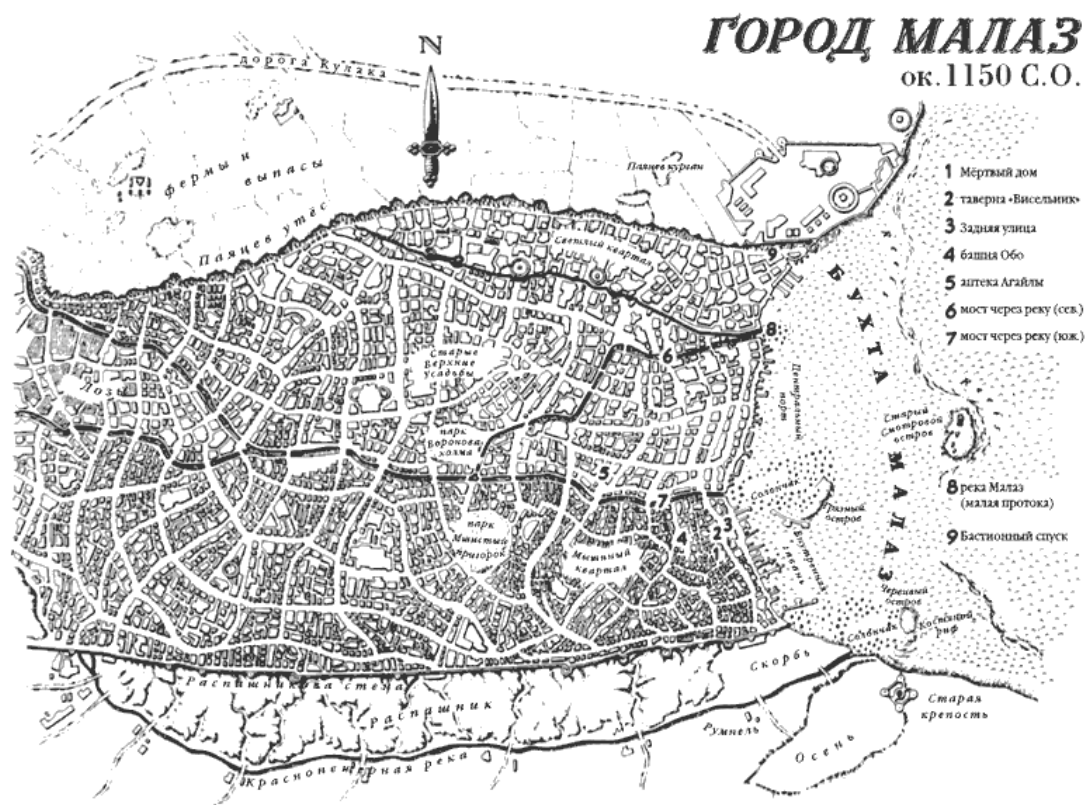
Карты

ЦЕНТРАЛЬНАЯ МАЛАЗАНСКАЯ ИМПЕРИЯ *Квон-Тали*

СЕМЬ ГОРОДОВ *Малазанская империя ок. 1160 Сна Огни*

Список персонажей

Малазанцы

Императрица Ласиин, правительница Малазанской империи
Адъютант Тавор, командующая Четырнадцатой армии
Кулак Кенеб, командир дивизии
Кулак Блистиг, командир дивизии
Кулак Тин Баральта, командир дивизии
Кулак Темул, командир дивизии
Нихил, виканский колдун
Бездна, виканская ведьма
Ян'Тарь, помощница Тавор
Лостара Йил, помощница Жемчуга
Жемчуг, Коготь
Нок, адмирал Имперского флота
Банашар, бывший жрец Д'рек
Хеллиан, сержант городской стражи в Картуле
Урб, картульский стражник
Дохляк, картульский стражник
Неженка, картульский стражник
Быстрый Бен, Высший маг в Четырнадцатой армии
Калам Мехар, убийца
Свищ, найдёныш

Некоторые солдаты Четырнадцатой армии

Капитан Добряк, Ашокский полк
Лейтенант Порес, Ашокский полк
Капитан Фарадан Сорт
Сержант Скрипач/Смычок
Капрал Битум
Спрут
Флакон
Корик
Улыбка
Сержант Геслер
Капрал Ураган
Мастер-сержант Смелый Зуб
Может
Мазок
Эброн
Синн
Хруст
Сержант Бальзам
Капрал Смрад

Горлорез
Масан Гилани

Другие

Кулат, селянин
Нуллисс, селянка
Хэйрит, селянка
Чаур, селянин
Ното Бойл, полковой лекарь (целитель) в Войске Однорукого
Хурлокель, всадник разъезда в Войске Однорукого
Капитан Речушка, офицер в Войске Однорукого
Капрал Футгар, офицер в Войске Однорукого
Кулак Рита Буд, офицер в Войске Однорукого
Ормулогун, художник
Гамбл, его критик
Апсалар, убийца
Телораст, дух
Кердла, дух

Самар Дэв, ведьма из Угарата
Карса Орлонг, воин-теблор
Ганат, яггутка
Злоба, одиночница и сестра Госпожи Зависти
Корабб Бхилан Тэну'Алас
Леоман Кистень, последний предводитель восстания
Капитан Синица, офицер городской стражи И'гхатана

Карполан Демесанд, из Тригалльской торговой гильдии
Торахаваль Делат, жрица Полиэль

Резчик, некогда – Крокус из Даруджистана
Геборик Призрачные Руки, Дестриант Трича
Скиллара, беженка из Рараку
Фелисин Младшая, беженка из Рараку
Серожаб, демон

Маппо Коротышка, трелль
Икарий, ягг
Искарал Прыщ, верховный жрец Тени
Могора, д'иверс

Трулл Сэнгар, тисте эдур
Онрак разбитый, развязанный т'лан имасс

Ибра Голан, т'лан имасс
Монок Охем, заклинатель костей из т'лан имассов
Минала, командир Теневого отряда

Ибра Голан, т'лан имасс

Монок Охем, заклинатель костей из т'лан имассов

Минала, командир Теневого отряда

Томад Сэнгар, тисте эдур

Пернатая Ведьма, рабыня-летэрийка

Атри-преда Ян Товис (Мгла), командир летэрийцев

Капитан Варат Тон, офицер под командованием Мглы

Таксилие, переводчик

Альрада Ан, шпион тисте анди среди тисте эдугов

Сатбаро Рангар, арапайский колдун

Книга третья

Королевские тени

Кто скажет, где проходит граница между истиной и воинством желаний, которые вместе и определяют воспоминания? Во всякой легенде есть глубокие складки, а видимая, внешняя её структура представляет ложное единство формы и интенции. Мы искажаем избранную цель, придаём огромное значение ограничениям воображаемой необходимости. И в этом скрываются одновременно дар и недостаток, ибо отрекаясь от истины, мы создаём – справедливо или ошибочно – универсальное значение. Частное уступает общему, деталь – грандиозной форме, и в таком повествовании мы сами возносимся над своей мирской сущностью. Этот узор слов действительно вплетает нас в некое большее человечество...

Геборик. Среди Переданных (Предисловие)

Глава двенадцатая

Он говорил о тех, кому суждено пасть, и в его холодных глазах была обнажённая истина: это о нас он говорит. Его слова о сломанном тростнике и обетах отчаяния, о поражении, принятом как дар, и кровопролитии, свершённом во имя спасения. Он говорил о большой войне и повелел нам бежать в неведомые земли, дабы мы не осквернили свои жизни...

Анибары (Плетёный народ). Слова Железного Пророка, Сакува Ареса

Только что в тених между деревьями никого не было, но мигом позже, бросив взгляд вверх, Самар Дэв увидела фигуры, и у неё перехватило дух. Со всех сторон, там, где заросли елей, папоротников и плюща закрывали солнце, стояли дикари...

– Карса Орлонг, – прошептала она, – у нас гости...

Теблор окровавленными руками срезал ещё кусок плоти с бока мёртвого бхедерина, затем осмотрелся. Мгновение спустя он хмыкнул и снова принялся разделять тушу.

Они приближались, появляясь из сумрака. Невысокие, гибкие, одетые в дублёные шкуры. Их предплечья были обёрнуты полосами меха, а болотная кожа на обнажённых плечах и груди пестрела ритуальными шрамами. Лица были разрисованы серой краской или золой у нижних челюстей и над губами, словно изображали бороды. Тёмные глаза обведены серым или ярко-голубым. Они были вооружены копьями, топорами и множеством поясных ножей, украшения из меди холоднойковки, похоже, изображали различные фазы луны. У одного из дикарей на груди красовалось ожерелье из позвоночника какой-то крупной рыбы, увенчанное чёрным медным диском, окаймлённым золотом. Самар предположила, что диск символизирует затмение. Мужчина – очевидно, какой-то вожак – выступил вперёд. Сделал три шага, глядя на безмятежного Карсу Орлонга, затем вышел на солнце и медленно преклонил колени.

Теперь Самар увидела, что он что-то держит в руках.

– Осторожнее, Карса. От твоих действий сейчас зависит, пройдем мы через их землю мирно, или из каждой тени в нас полетят копыя.

Карса перехватил огромный нож для свежевания, с которым возился, и вонзил его в тушу бхедерина. Затем поднялся, повернувшись к стоявшему на коленях дикарю.

– Вставай, – сказал он.

Мужчина вздрогнул, опустив голову ещё ниже.

– Карса, он предлагает тебе дар.

– Так пусть делает это стоя. Его люди прячутся в глуши, потому что он этому никак не обучится. Скажи ему, пусть встанет.

Они говорили на языке торговцев, и что-то в поведении коленопреклонённого воина заставило Самар заподозрить, что он понял, о чём речь... и что от него требуется, поскольку воин медленно встал.

– Человек из Высоких Лесов, – произнёс он; для Самар его говор звучал грубо и горланно. – Приносящий Разрушение, анибары предлагают тебе этот дар и просят у тебя дар взамен...

– Тогда это не подарок, – ответил Карса. – Вы предлагаете обмен.

В глазах воина отразился страх. Остальные из его племени – анибары – безмолвно и неподвижно стояли среди деревьев, но Самар ощущала почти осязаемое смятение среди них. Предводитель попробовал снова:

– Это язык обмена, Приносящий, да. Яд, который нам придётся проглотить. Он не подходит к тому, что мы предлагаем.

Нахмурившись, Карса повернулся к Самар Дэв.

– Слишком много слов, которые ведут в никуда, ведьма. Поясни.

– Это племя следует древней традиции, утерянной жителями Семи Городов, – ответила она. – Традиция обмена дарами. Сам по себе дар становится мерой множества вещей, причём ценность дара порой определяется довольно странным способом. Эти анибары были вынуждены познать торговлю, но они приписывают вещам не ту ценность, что мы, и поэтому зачастую оказываются в проигрыше. Думаю, они обычно сильно продешевляют, когда имеют дело с беспринципными, зубастыми торговцами из цивилизованных стран. Есть...

– Хватит, – вмешался Карса. Он махнул рукой в сторону вождя, снова вздрогнувшего, и сказал: – Покажи мне этот дар. Но сначала, назови своё имя.

– На языке отравы меня зовут Искатель Лодок. – Он выставил вперёд предмет, что держал в руках. – Памятка отваги, – произнёс он, – великого отца из племени бхедеринов.

Самар Дэв, приподняв брови, уставилась на Карсу:

– Это бакулюм, теблор.

– Я знаю, что это, – ворчливо ответил тот. – И что ты просишь у меня взамен, Искатель Лодок?

– Призраки пришли в лес, преследуя племена анибаров к северу отсюда. Безо всякой причины они убивают всех на своём пути. Они не умирают, потому что повелевают самим воздухом, и потому уходят в сторону от любого копья, летящего к ним. Так мы слышали. Мы потеряли много имён.

– Имён? – спросила Самар.

Он взглянул на неё и кивнул:

– Род. Восемь сотен и ещё сорок семь из моей родни среди северных кланов. – Он указал на молчаливых воинов за своей спиной. – Так же много имён потерял среди нас каждый. Нам известна скорбь потери своих, но больше мы скорбим по нашим детям. Имена, что нам не вернуть, – они уходят и не возвращаются, и мы исчезаем.

Карса произнёс:

– Вы хотите, чтоб я убил призраков, – он указал на подарок, – в обмен на это.

– Да.

– И сколько там этих призраков?

– Они приходят на больших кораблях с серыми крыльями и отправляются в леса на охоту. Охотников всегда числом двенадцать. Их ведёт злость, но что бы мы ни делали, их злость не угасает. Мы не знаем, чем мы их оскорбили.

Наверное, тоже преподнесли им треклятую кость от члена. Самар Дэв решила не озвучивать эту мысль.

– Сколько охотников?

– Пара десятков, их лодки пока не отплыли.

Лицо Карсы потемнело. Самар Дэв никогда раньше не видела его в такой ярости. Внезапно она испугалась, что он попросту разорвёт съёжившегося человечка на части. Но вместо этого он сказал:

– Отбросьте свой стыд, вы все. Отбросьте! Убийцам не нужна причина убивать. Такова их сущность. Само ваше существование для них достаточное оскорбление.

Он шагнул вперёд и выхватил кость из рук Искателя Лодок.

– Я убью их всех. Я затоплю их проклятые корабли. В том я...

– Карса! – перебила его Самар.

С горящими глазами он обернулся к ней.

– Прежде чем ты поклянёшься сделать нечто столь... категоричное... может, стоит склониться к чему-то более достижимому? – Выражение его лица заставило Самар ускориться. – Ты мог бы, к примеру, остановиться на том, чтоб изгнать их из этих земель, загнать обратно на корабли. Сделать лес для них... непривлекательным.

После долгой тягучей паузы теблор вздохнул:

– Да. Этого хватит. Хотя меня тянет поплыть за ними.

Искатель Лодок смотрел на Карсу с восторгом и благоговением.

Ненадолго Самар показалось, что теблор – внезапно – попытался пошутить. Но нет, огромный воин был совершенно серьёзен. И, к вящему своему ужасу, Самар ему верила, так что в этих словах не было ничего смешного или абсурдного.

– Это решение ведь можно отложить на потом?

– Да. – Он ещё раз бросил взгляд на Искателя Лодок. – Опиши этих призраков.

– Высокие, но не такие высокие, как ты. Плоть у них цвета смерти. Глаза холодные, как лёд. Они носят железное оружие, и есть среди них шаманы, чьё дыхание само есть болезнь – ужасные облака ядовитого смрада. Те, кого он касается, умирают в мучениях.

Самар Дэв сказала Карсе:

– Думаю, они зовут призраками всех, кто пришёл не из их мира. Но те, о ком он говорит, пришли с кораблей. Не похоже, чтоб это и правда была нежить. Дыхание шаманов напоминает колдовство.

– Искатель Лодок, – произнёс Карса, – когда я закончу здесь, ты отведёшь меня к призракам.

Кровь отлила от лица мужчины.

– Это много, много дней пути, Приносящий. Я думаю послать кланам севера весть, что ты идёшь...

– Нет. Ты пойдёшь с нами.

– Но... но почему?

Карса двинулся вперёд, ловко прихватив Искателя Лодок за шею. Он подтащил мужчину к себе.

– Ты узришь, и это сделает тебя бóльшим, чем ты есть сейчас. Ты должен быть готов ко всему, что ожидает тебя и твой несчастный народ. – Он выпустил человечка, и тот попятился назад, задыхаясь. – Когда-то мой народ верил, что сможет спрятаться, – сказал теблор, оскалив зубы. – Он ошибся. Я это постиг, теперь постигнешь и ты. Думаешь, призраки это самое страшное, что вам грозит? Глупец. Это лишь начало.

Самар наблюдала, как огромный воин вернулся к свежеванию туши.

Искатель Лодок следил за ним сверкающими от страха глазами. Затем он развернулся, прошипел что-то на своём языке. Шестеро воинов выступили вперёд, приближаясь к Карсе с обнажёнными ножами.

– Теблор, – предупредила Самар.

Искатель Лодок воздел руки:

– Нет! Никакой угрозы тебе, Приносящий. Они помогут тебе резать, вот и всё. Подарок тебе приготовлен, потому нет нужды терять время...

– Кожи нужно выделать, – сказал Карса.

– Да.

– И пусть скороходы доставят нам эти шкуры и вяленое мясо.

– Да.

– Тогда мы можем идти.

Искатель Лодок закивал, будто бы не рискнул довериться своему голосу в ответ на последние требования.

Ухмыляясь, Карса высвободил свой нож, подошёл к ближайшему озерцу с солоноватой водой и принялся отмывать кровь с лезвия, рук и предплечий.

Пока полдюжины воинов разделявали мёртвого бхедерина, Самар Дэв приблизилась к вождю анибаров.

– Искатель Лодок.

Он пугливо взглянул на неё:

– Ты – ведьма. Так зовёт тебя Приносящий.

– Так и есть. Где женщины вашего рода? Ваши дети?

– За болотом, к западу и к северу, – ответил он. – Земля поднимается, там есть озёра и реки, там растёт спорынья, а между камнями – ягоды. Закончилась великая охота на открытой земле, нынче они возвращаются в лагеря с зимним мясом. Теперь, – он указал на своих воинов, – мы следуем за вами. Мы видели, как Приносящий убил бхедерина. Он едет на костяной лошади – мы не видали езды на костяной лошади. У него меч из камня рождения. Железный Пророк говорит нам о таких воинах, обладателях камня рождения. Он говорит, они придут.

– Я не слыхала об этом Железном Пророке, – хмуро сказала Самар Дэв.

Искатель Лодок сотворил ритуальный знак и повернулся к югу.

– Раз об этом пошла речь, нынче замёрзшее время. – Он закрыл глаза, и внезапно его голос изменился. – Во время Великого Смертоубийства, что было в замёрзшем времени прошлого, анибары обитали на равнинах и доходили почти до Восточной реки, где стояли в каменных стенах большие лагеря угари, и с угари анибары торговали мясом и шкурами, меняли на железные орудия и оружие. Затем Великое Смертоубийство дошло до угари, и многие бежали, чтобы скрыться у анибаров. Но убийцы последовали за ними. Мезланы, так звали их угари. И была ужасная битва, и все, кого приютили анибары, пали перед мезланами. Боясь наказания за помощь угари, анибары собрались бежать вглубь одана, но глава мезланов нашёл их первым. Он пришёл с сотней тёмных воинов, но те оставили своё оружие. Анибары не враги им, сказал он, и затем предупредил – придут другие, и те будут безжалостны. Они уничтожат анибаров. Этот главарь был Железный Пророк, король Сакув Арес, и анибары вняли его словам, и бежали на запад и на север, пока эти земли, а также леса и озёра за ними не стали нашим домом.

Он бросил взгляд в сторону Карсы, собиравшего вещи и седлавшего коня, и его голос вновь изменился:

– Железный Пророк говорит, что есть время, когда в миг величайшей опасности для нас носящие камень рождения придут нам на защиту. Поэтому, когда мы увидели, кто едет через нашу землю, увидели меч в его руках... это время скоро станет замёрзшим временем.

Самар Дэв долго всматривалась в лицо Искателя Лодок, затем обернулась к Карсе.

– Не думаю, что ты сможешь ехать на Погроме, – заявила она. – Нас ждёт не самая ровная местность.

– Буду ехать, пока удастся, – ответил теблор. – Можешь вести свою лошадь под узды. Ты можешь даже нести её на руках всюду, где тебя смущает дорога.

В раздражении она отвернулась к своей лошади.

– Ладно. Отныне я буду ехать за тобой, Карса Орлонг. По меньшей мере, можно будет не волноваться получить веткой по лицу, раз уж ты собираешься сносить все деревья на пути.

Искатель Лодок дождался, пока оба будут готовы, затем двинулся вперёд вдоль северного склона каменистого холма, где моментально скрылся в лесной чаще.

Карса придержал Погрому, рассматривая густой подлесок и сплетение еловых веток.

Самар Дэв рассмеялась, заслужив свирепый взгляд теблора.

Затем он соскочил с коня.

Искатель Лодок ждал их с виноватым выражением на раскрашенном лице.

– Звериные тропы, Приносящий. В этих лесах водятся олени, медведи, волки и лоси. Даже бхедерины не забредают далеко от полян. Дальше к северу есть карибу и косули. Как видишь, эти тропы – низкие. Даже анибары пробегают, пригнувшись. Сколько-то времени спустя, конечный отрезок, выйдем на равнину, где путь будет проще.

Дорога по бесконечному, однообразному мелколесью изобиловала зарослями и гушаком, как будто всё здесь росло с единственной целью – преграждать дорогу. Тонкий слой почвы лежал на потрескавшемся пурпурно-чёрном камне, местами пронизанном длинными жилами

кварцита. Потрескавшаяся земля перекошена и укрыта складками, в которых открывались глубокие провалы, долины и овраги, заполненные камнями, утопавшими в изумрудно-зелёном мху. Всё это закрывали поваленные деревья, жёсткая, как акулья кожа, кора чёрных елей и лишённые иголок тончайшие ветви, беспощадно впивающиеся в плоть.

Солнечные лучи тут и там пробивались вниз, разбрасывая по мрачному, изрытому, будто подземному миру яркие цветочные пятна.

Ближе к закату Искатель Лодок привёл их к шаткой с виду каменистой осыпи, на которую тут же взобрался. Карса и Самар Дэв с лошадьми в поводу сочли подъём опасным: каждая точка здесь выглядела ещё менее надёжной, нежели предыдущая – мох сползал, будто гниющая кожа, обнажая острые угловатые камни и глубокие дыры, где конь мог бы сломать ногу.

Насквозь промокнув от пота, перепачкавшись и испарапавшись, Самар Дэв наконец-то достигла вершины, повернувшись, чтобы провести лошадь на последних шагах. Перед ними расстиралось более или менее ровное плато, серое от лишайника. Из небольших ущелий кое-где тянулись рыжие и чёрные ели, одинокий клочковатый дуб, окружённый можжевельником и зарослями черники и грушанки. В лучах закатного солнца бабочки размером с воробья порхали в облачках из мелкой мошкеры.

Искатель Лодок указал на север.

– Этот путь ведёт к озеру. Встанем там.

Они двинулись в путь.

Нигде вокруг не было видно ни одной вершины, базальтовые тропы извивались и поворачивали, то тут, то там перемежаясь углублениями или выступами. Самар Дэв быстро осознала, как просто было бы заблудиться в этих диких землях. Дорога впереди разделилась; у самой развилки Искатель Лодок взобрался на восточный край, некоторое время вглядывался вниз, затем выбрал правый путь.

Следя за его передвижениями, Самар Дэв заглянула за край и увидела, что искал анибар. Извилистая линия из небольших булыжников лежала на каменном выступе чуть ниже тропы. Камни складывались в фигуру, похожую на змею, голова которой состояла из клинообразных плоских камушков, последние же звенья хвоста были чуть больше ногтя её большого пальца. Камни покрывал местный лишайник, что указывало на почтенный возраст дорожного указателя. Ничто в очертаниях каменного знака не указывало на верное направление, хотя голова змеи была повернута в ту сторону, куда они шли.

– Искатель Лодок, – окликнула она, – как ты читаешь эти змеиные камни?

Он обернулся к ней:

– Змея далека от сердца. Черепаха – путь сердца.

– Ладно, а почему они не на возвышенности, чтоб их не приходилось искать?

– Когда на юге собрана спорынья, мы нагружены. Ни черепаха, ни змея не должны потерять форму или остроту. Мы идём этими каменными тропами. Нагруженные.

– Куда вы относите урожай?

– В свои лагеря на равнинах. Каждый род. Мы собираем урожай. Весь вместе. И делим его, так что у каждого рода достаточно зерна. Рекам, озёрам и их берегам доверять нельзя. Порой урожай хорош. Порой урожай слаб. Как вода прибывает и убывает. Это не то же самое. Плоскогорье желает стать равниной, так везде в мире, но этому не быть, и потому вода поднимается и вода падает. Мы не склоняемся перед несправедливостью, иначе мы сами утратим честность, а тогда нож найдёт на нож.

– Старые правила борьбы с голодом, – согласно кивнула Самар.

– Правила замёрзших времён.

Карса Орлонг взглянул на Самар Дэв:

– Что ещё за замёрзшее время, ведьма?

– Прошрое, теблор.

Она увидела, как он задумчиво прищурился, затем вздохнул и произнёс:

– Тогда ненайденное время – это будущее, а значит нынче – текущее время...

– Да! – воскликнул Искатель Лодок. – Ты произнёс величайшую тайну жизни!

Самар Дэв вскочила в седло – на этом перешейке можно было ехать верхом, пусть и осторожно. Она увидела, что Карса Орлонг последовал её примеру. Странное спокойствие переполняло Самар. И это спокойствие, как она осознала, породили слова Искателя Лодок. *«Величайшая тайна жизни». Это текущее время ещё не замёрзло, и лишь теперь откроется ненайденное.*

– Искатель Лодок, Железный Пророк пришёл к вам очень давно – в замёрзшее время, – но он говорил с тобой о ненайденном времени.

– Да, ведьма, ты понимаешь. Сакув Арес говорит одним языком, но в нём есть все и каждый. Он – Железный Пророк. Король.

– Ваш король, Искатель Лодок?

– Нет. Мы его тени.

– Потому что вы существуете лишь в текущем времени.

Человек обернулся и отвесил почтительный поклон, тронувший что-то в душе Самар Дэв.

– Твоя мудрость – честь для нас, ведьма, – сказал он.

– Где же, – спросила она, – королевство Сакува Ареса?

Глаза мужчины внезапно наполнились слезами.

– Ответ, что мы всё ещё ищем. Оно потеряно...

– В ненайденном времени.

– Да.

– Сакув Арес был мезланом.

– Да.

Самар Дэв было открыла рот, чтоб задать ещё один вопрос, но поняла, что в этом нет необходимости. Она уже знала ответ. Вместо этого, она спросила:

– Скажи, Искатель Лодок, есть ли мост между замёрзшим временем и текущим временем?

Он улыбнулся грустно и печально:

– Он есть.

– Но вы не можете его пересечь.

– Не можем.

– Поскольку он пылает.

– Да, ведьма, мост пылает.

Король Сакув Арес и ненайденное королевство...

Каменные выступы ниспадали в бушующую пену прибоя подобно гигантским ступеням. Яростный ветер швырял волны северного моря до самого горизонта, где небо тонуло в штормовых облаках цвета чёрной брони. За их спинами по западному краю побережья высился изломанный лес, ветви сосен, елей и кедров причудливо изгибались под напором ветра.

Дрожа, Таралак Вид подтянул шкуры поближе и повернулся к бушующему морю спиной.

– Теперь пойдём на запад, – он повысил голос, чтобы перекричать ветер. – Вдоль побережья, пока береговая линия не свернёт на север. Тогда направимся вглубь, прямо на запад, в страну озёр и камней. Будет непросто, там нелегко найти дичь, но можно будет ловить рыбу. Хуже то, что там полно кровожадных дикарей, слишком трусливых, чтобы нападать днём. Только ночью. К этому нужно быть готовыми. Мы принесём кровопролитие.

Икарий ничего не ответил. Его нечеловеческий взгляд всё ещё был прикован к приближающемуся шторму.

Таралак нахмурился и вернулся к ограждённому скалами лагерю, где присел с благословенной подветренной стороны, протянув покрасневшие от холода руки к горящему топляку. От легендарного, прославленного хладнокровия ягга осталось всего ничего. Суров и мрачен, так-то. Икарий, переделанный руками Таралака Вида, хоть он всего лишь следовал точным инструкциям, что ему выдали Безымянные. *Лезвие потускнело. Тебе его и полировать, грал.*

Но точильные камни бесчувственны и безразличны к лезвию и руке, что его держит. Для преисполненного страстью воина подобная беспристрастность была труднодостижима, и равно сложно было её сохранить. Теперь он ощущал всю тяжесть, и груз лишь возрастал, поэтому он знал, что однажды позавидует милосердной смерти, доставшейся Маппо Коротышке.

До сих пор они хорошо справлялись. Икарий был неустойчивым. Достаточно было указать направление. Таралак же, несмотря на выносливость и мастерство, был истощён. *Я не трелль, а это не просто путешествие. Уже нет, и никогда больше не станет таким для Икария.*

Как, похоже, и для Таралака Вида.

Он поднял голову, услышав, как кто-то карабкается. К нему спускался Икарий.

– Дикари, о которых ты говорил, – спросил ягг без вступления, – с чего им нападать на нас?

– Их заброшенный лес полон священных мест, Икарий.

– Тогда нужно просто обойти их стороной.

– Эти места не так просто опознать. Полоса булыжников на уступе, почти скрытая мхом и лишайником. Или обломок рога в кроне деревьев, так заросший, что он почти невидим. Или жила кварцита, мерцающая вкраплениями золота. Или зелёный алмаз – места его добычи выглядят как бледные полосы на вертикальных скалах, откуда огнём и холодной водой добывают зелёные камни. Везёт, если это что-то большее, чем отпечаток медвежьей лапы на камне, оставленный бедной тварью грядущим бесчисленным поколениям. Всё это священо. Непостижимо, что творится в головах этих дикарей.

– Похоже, ты многое знаешь о них, хотя говорил, что никогда раньше не бывал в этих землях.

– Мне много рассказывали о них, Икарий. И подробно.

Внезапная искра в глазах ягга:

– И кто был тот, что рассказал тебе о них, Таралак Вид из гралов?

– Я бывал в далёких землях, друг мой. Я слышал тысячи сказок...

– Ты готовился. Ко мне.

Слабая улыбка была к месту и легко далась Таралаку.

– Большая часть этих странствий прошла в твоей компании, Икарий. Хотел бы я подарить тебе воспоминания о том времени, что мы провели вместе.

– Жаль, что не можешь, – согласился Икарий, глядя на огонь.

– Конечно, – прибавил Таралак, – в этом даре было бы много тьмы, множество мрачных и неприглядных деяний. Свобода от этой памяти одновременно благословение и проклятие, Икарий, ты ведь это понимаешь?

– В этой пустоте нет благословения, – ответил ягг, встряхнув головой. – Я не могу достойно заплатить за сотворённое мной. Это не оставляет следа в моей душе. И я остаюсь неизменным, навеки наивным...

– Невинным...

– Нет, не невинным. Незнание ничего не оправдывает, Таралак Вид.

Теперь ты зовёшь меня не другом, а по имени. Неужели недоверие уже отравило тебя?

– И потому моя задача – всякий раз возвращать тебе утраченное. Увы, это тяжело, и это мой долг. Моя слабость растёт из моего желания скрыть от тебя наичернейшие из воспоминаний. В моём сердце столько сожалений, но пытаюсь уберечь тебя, я вижу, что лишь ранил. – Он сплюнул на ладони и загладил волосы назад, затем вытянул руки обратно к огню. – Что ж,

друг мой. Однажды, давным-давно, тебя гнала необходимость освободить твоего отца, которого захватил Дом Азатов. Столкнувшись с ужасным поражением, ты породил глубокую и смертоносную силу – собственную ярость. Ты воспользовался повреждённым Путём и уничтожил Азат, выпустив в мир множество демонических созданий, одержимых жадой власти и тиранией. Часть из них ты убил, но многие избежали твоей кары, они по сей день живы, разбросаны по миру множеством семян зла. И горше всего то, что твой отец не желал освобождения. Он сам, по своей воле решил стать стражем Дома Азатов – и, может быть, остаётся им по сей день. В результате учинённых тобой разрушений, Икарий, появился культ, с начала времён преданный Азатам, члены которого решили, что им необходимы собственные стражи. Избранные воины, которые буду сопровождать тебя, куда бы ты ни пошёл – ведь твоя ярость и разрушение Пути вырвали память о твоём прошлом – и теперь ты обречён, казалось навеки, искать правду о том, что сделал. И снова впадать в ярость, раз за разом, учиняя разгром. Этот культ, Безмянные, придумал приставить к тебе спутника. Такого, как я. Да, мой друг, были другие, задолго до моего рождения, и все были овиты магией, замедляющей старение, защищены от всех болезней и ядов до тех пор, пока честно выполняли свои обязанности спутника. Наша задача – вести тебя через ярость, подсказывать нравственный путь и, что превыше всего, быть твоими друзьями – и это, последнее задание снова и снова оказывается самым простым и самым притягательным, ведь найти в себе глубокую и неугасимую любовь к тебе – очень просто. Тебя просто любить за твою честность, твою верность, за незапятнанную честь в тебе. Поверь, Икарий, твоё чувство справедливости – суровая вещь. Однако оно растёт из глубокого великодушия. А теперь тебя ждёт враг. И только у тебя достаточно мощи, чтобы противостоять этому врагу. Вот почему мы в пути, и все, кто встанет на нашем пути – не важно по какой причине – будут отброшены. Ради великого дела. – Он позволил себе снова улыбнуться, но в этот раз с намёком на отважно скрываемую боль. – Наверное, ты хочешь знать, достойны ли Безмянные такой ответственности? Могут ли их моральная чистота и благородство сравниться с твоими? Ответ лежит в необходимости и, выше того, в поданном тобой примере. Ты направляешь Безмянных, друг мой, каждым своим поступком. Если они не справятся со своим призванием, то лишь потому, что ты не справишься со своим.

Довольный тем, что полностью вспомнил порученные ему слова, Таралак Вид изучал стоявшего перед ним великого воина. В свете костра было видно, что он спрятал лицо в руках. Подобно ребёнку, для которого слепота приравнивается к укрытию.

Он понял, что Икарий плачет.

Хорошо. Даже он. Даже он упивается своими страданиями, сотворив из них притягательный нектар, сладостный наркотик из боли и самообвинения.

И так исчезнут все сомнения, всё недоверие.

Ибо из этих вещей не выжать безмятежного счастья.

Сверху утробно рокотал гром, небо обрушило на них потоки холодного дождя. Шторм скоро доберётся сюда.

– Я достаточно отдохнул, – сказал Таралак, поднимаясь. – Нас ждёт долгий путь...

– Это не обязательно, – сказал Икарий, скрывая лицо в ладонях.

– О чём ты?

– Море. В нём множество кораблей.

Вскоре после нападения одинокий всадник спустился с холмов. Баратол Мехар, который уже долгое время сидел на корточках, разглядывая мёртвого демона, поднялся. Его покрытые шрамами предплечья запятнала кровь. Кузнец был облачён в броню и шлем, а сейчас он достал свой топор.

Несколько месяцев минуло с того дня, как появились т'лан имассы, – а он-то думал, что они давно исчезли, ещё до того, как старик Кулат, окончательно свихнувшись, ушёл куда-то и

сгинул. Он и не подозревал – никто не подозревал, – что эти жуткие неупокоенные создания по-прежнему здесь.

Группу путешественников поджидала засада – их вырезали быстрее, чем Баратол осознал, что произошло. Узнал, когда было слишком поздно. Внезапно в кузницу ворвались Джелим и Филиад, кричали что-то об убийстве рядом с деревней. Он схватился за оружие и поспешил за ними к западной дороге, но врагов не застал. Те, исполнив своё дело, ушли, оставили по себе лишь старую дорогу, усыпанную умирающими лошадьми и бездыханными телами, разбросанными так, будто попадали с неба.

Баратол отправил Филиада к старухе Нуллисс, немного сведущей в лекарском деле, а сам вернулся в кузню, не обращая внимания на Джелима, плетущегося сзади, словно потерянный щенок. Он неспешно надел доспехи. Баратол думал, что т'лан имассы были дотошными. Эти не поленились бы убедиться, что не допустили ошибок. Едва ли Нуллисс сможет как-то помочь несчастным жертвам.

Однако, вернувшись к западной дороге, он с удивлением увидел, как старуха-сэмачка осыпает Филиада приказами, стоя на коленях над чьим-то телом. Баратол поспешно подошёл. Ему показалось, будто Нуллисс засунула костлявые руки в тело одного бедолаги и разминает ему внутренности так, будто месит тесто для хлеба. Несмотря на эти манипуляции, её взгляд застыл на лежащей рядом женщине, которая начала стонать, взрывая ногами землю. Из неё во все стороны хлестала кровь.

Нуллисс, завидев кузнеца, подозвала его к себе.

Баратол увидел, что мужчину, рядом с которым она опустилась на колени, выпотрошили. Нуллисс старательно запихивала кишки обратно.

– Худа ради, женщина, – проворчал Баратол, – оставь его. Ему крышка. Ты набиваешь его брюхо грязью...

– Я велела принести кипяток, – огрызнулась она. – Промою тут всё. – Она кивнула в сторону бьющейся в конвульсиях женщины. – Её пырнули в плечо, а теперь у неё начались роды.

– Роды? Боги милостивые. Послушай, Нуллисс, кипяток тут не поможет, если только ты не хочешь сварить его печёнку на ужин...

– Возвращайся в свою проклятую кузню, безмозглый павиан! Это просто ровный разрез – видала я, на что способны клыки вепря, вот тогда дело было худо.

– Можно было бы начать с промывки...

– Я же сказала, что собираюсь их промыть! Мы ведь не сможем нести его так, волоча за собой по земле кишки, правда?

Не зная, что ответить, Баратол оглянулся. Ему хотелось кого-то убить. Достаточно простое желание, но кузнец понимал, что сбыться ему не суждено, и поэтому настроение заметно подпортилось. Он подошёл к третьему телу – безрукий старик, весь покрытый татуировками – т'лан имассы изрубили его на куски. *Значит, он и был их целью. Те двое просто стояли на пути. Вот почему нежити было плевать, выживут они или нет.* Так или иначе, этот бедолага был мертвее мёртвого.

Спустя минуту Баратол направился к последней жертве. Кто-то ещё шёл из деревушки. Двое несли носилки и бинты. Сторук, Фенар, Хэйрит, Стук – все они выглядели какими-то бледными, зажатыми и немощными от страха. Нуллисс вновь начала раздавать приказы.

Перед ним валялся труп какого-то демона. Обе конечности с одной стороны отсечены, хотя крови, заметил кузнец, вокруг мало. Что-то странное произошло с этой тварью после смерти. Она казалась... опустошённой. Будто бы плоть под кожей разжижалась, пока вовсе не растворилась. Странные глаза чудища уже высохли и потрескались.

– Кузнец! Помоги мне поднять его!

Баратол вернулся назад.

– Положите на носилки. Сторук, вы с братом беритесь с той стороны, каждый за свой угол. Фенар, мы с тобой возьмём с этой стороны...

Хэйрит, почти такая же старая как сама Нуллисс, держала в руках тряпки и бинты.

– А мне, что мне делать? – спросила она.

– Ты садись рядом с той женщиной. Перевяжи рану. Прижжём позже, если роды пройдут без проблем...

– Учитывая, сколько крови она потеряла, – сказала Хэйрит, прищурившись, – вряд ли она переживёт их.

– Возможно. Но пока – иди туда, садись и говори с ней, держи за руку и...

– Да-да, ведьма, я поняла. Ты не единственная, кто во всём этом разбирается.

– Отлично. Вот и иди.

– А ты только повода и ждала, не так ли?

– Замолчи, корова плоскогрудая.

– Королева Нуллисс, верховная жрица стервозности!

– Кузнец, – прорычала Нуллисс, – ударь её разочек своим топором, ладно?

Зашипев, Хэйрит поспешила удалиться.

– Помоги-ка мне, – сказала Нуллисс, – нужно его поднять.

Эта затея казалась ему бесполезной, но Баратол выполнил её указания и с удивлением заметил, что юноша, которого они уложили на носилки, ещё жив.

Когда Нуллисс и другие унесли раненого, Баратол направился обратно к расчленённому труп татуированного старика и присел над ним. Задача не из приятных, но, возможно, Баратол сможет узнать что-то про бедолагу, осмотрев его вещи. Кузнец перевернул тело и замер, уставившись в безжизненные глаза. Кошачьи глаза. Баратол с новым интересом принялся изучать узоры татуировок, после чего медленно сел.

И только тогда заметил мёртвых мух. Земля вокруг была просто усыпана ими – больше мух, чем он видел за всю жизнь. Баратол поспешил встать и направился обратно к телу демона.

Он задумчиво уставился на труп, пока его не отвлекли отдалённые движения и стук конских копыт. За его спиной жители вернулись чтобы забрать беременную женщину.

А теперь прямо к нему скакал всадник.

Он был верхом на чистенькой лошади цвета выгоревшей на солнце кости. Лакированную белую броню покрывала пыль. Из-под обода шлема выглядывало бледное горестное лицо мужчины. Остановив коня, он спешился и, не обращая внимания на Баратола, шатаясь дошёл до демона и упал на колени.

– Кто... Кто это сделал? – спросил он.

– Т'лан имассы. Пятеро. Небольшой отряд, даже по меркам т'лан имассов. Засада. – Баратол указал пальцем на татуированного старика. – Я думаю, он был их целью. Жрец из культа Первого Героя Трича.

– Трич теперь бог.

Баратол лишь хмыкнул в ответ. Он повернулся к ветхим лачугам деревушки, которую привык теперь считать своим домом.

– Были ещё двое. Оба пока живы, хотя одному недолго осталось. Вторая беременна и вот-вот родит...

Мужчина поднял на него взгляд.

– Двое? Нет, их должно было быть трое. Девушка...

Баратол нахмурился.

– Мне казалось, их целью был жрец – с ним быстро разделались. Но теперь я понял... они убили его, как самого опасного врага. Наверное, пришли за девчушкой, раз её тут нет.

Мужчина встал. По росту он не уступал Баратолу, хотя по ширине плеч был не ровня.

– Может, она сбежала... в холмы.

– Возможно. Но, – добавил кузнец, указав на лежавшую рядом мёртвую лошадь, – я всё гадал, кому принадлежит лишняя лошадь. Седлали её так же, как и остальных. Теперь понятно.

– Ах вот оно что. Ясно.

– Кто ты? – спросил Баратол. – И кто тебе эта пропавшая девочка?

На лице незнакомца всё ещё было написано крайнее потрясение. Он моргнул, услышав вопрос, и кивнул.

– Имя мне Л'орик. Дитя предназначалось... Королеве Грёз. Я собирался забрать её... и своего фамильяра.

Он опустил глаза на демона, и его лицо опять дрогнуло от жалости.

– Значит, удача оставила тебя, – сказал Баратол. Ему в голову пришла мысль. – Л'орик, ты что-то смыслишь в исцелении?

– Что?

– В конце концов, ты – один из высших магов Ша'ик...

Л'орик отвёл взгляд, его лицо скривилось будто от боли.

– Ша'ик мертва. Восстание подавлено.

Баратол пожал плечами.

– Да, – сказал Л'орик, – если потребуется, я могу воззвать к Дэнулу.

– Тебя волнует только жизнь той девушки? – Он указал на демона. – Ты ничем уже не поможешь своему фамильяру, но что на счёт других её спутников? Паренёк вот-вот умрёт, если ещё не умер. Будешь стоять тут и рыдать над тем, кого уже утратил?

Вспышка гнева.

– Советую тебе быть осторожнее, – прошептал Л'орик. – Ты ведь когда-то был солдатом – это очевидно – но теперь спрятался тут, поджав хвост, когда остальные Семь Городов восстали, мечтая о свободе. Не тебе меня осуждать.

Тёмные глаза Баратола ещё несколько секунд изучали Л'орика, после чего кузнец развернулся и направился к домам.

– Кто-нибудь придёт, – бросил он через плечо, – переодеть тела для погребения.

Нуллисс решила разместить своих пациентов в старом постоялом дворе. Для женщины вытащили из какой-то комнаты старую койку, а вспоротого юнца уложили на обеденном столе.

Над очагом стоял котелок с кипящей водой, Филиад сучком, чтобы не ошпариться, доставал оттуда мокрые тряпки и относил их старухе-семачке.

Женщина вновь вытащила внутренности бедолаги наружу и, казалось, не обращая внимания на эту пульсирующую кучу, увлечённо копалась обеими руками в полости его желудка.

– Мухи! – прошипела она, когда Баратол вошёл. – Эта проклятая дыра набита мёртвыми мухами!

– Ты его не спасёшь, – сказал Баратол.

Подойдя к барной стойке, он положил на пыльную потрёпанную поверхность топор, тот гулко лязгнул о дерево. Баратол принялся стягивать перчатки, поглядывая на Хэйрит.

– Родила? – спросил он.

– О да. Девочку. – Хэйрит мыла руки в тазике, но кивнула в сторону маленькой укутанной фигуры, лежащей на груди у женщины. – Уже присосалась. Я-то подумала было, что дела плохи, кузнец. Очень плохи. Ребёнок родился синим. Только пуповина не спуталась и не придушила его за шею.

– Тогда почему она была синяя?

– Была? Она до сих пор синяя. Отец – напанец, осмелюсь предположить.

– А что на счёт матери?

– Будет жить. Мне не нужна Нуллисс. Я знаю, как прочистить и прижечь рану. А что? Я в молодости маркитанткой ходила за войском Святого фалах'да, много сражений повидала. И

много ран прочистила. – Она стряхнула капли воды, вытерла руки о свою грязную тунику. – Пару дней её будет лихорадить, как без этого? Но если переживёт, всё будет хорошо.

– Хэйрит! – закричала Нуллисс. – Быстро иди сюда и промой тряпки! Как промоешь, кинь их обратно в кипяток; боги всемогущие, я его теряю! Сердце бьётся всё слабее!

Дверь распахнулась. Обернувшись, все уставились на Л'орика, который медленно вошёл внутрь.

– Кто это, Худ его побери? – спросила Хэйрит.

Баратол расстегнул свой шлем и сказал:

– Высший маг Л'орик, беглец из Воинства Апокалипсиса.

Хэйрит хихикнула:

– Ну, разве не чудное место он выбрал! Добро пожаловать, Л'орик! Угощайся тарелочкой пепла да кружечкой пыли и присоединяйся к нам! Фенар, хватит пялиться без толку! Иди найди Чаура и Урдана: там на улице полно конины, которую нужно порубить и приготовить. Мы же не хотим, чтобы волки спустились с холмов и первыми ею полакомились?

Баратол смотрел, как Л'орик направился к согнувшейся над столом с пациентом Нуллисс. Она пихала внутрь тряпки, потом вытаскивала их обратно – крови было слишком много, неудивительно, что сердце почти перестало биться.

– Отойди, – сказал ей Л'орик. – Высший Дэнул мне не подвластен, но, по крайней мере, я могу вычистить и закрыть его раны, чтобы избежать заражения.

– Он потерял слишком много крови, – прошипела Нуллисс.

– Возможно, – согласился Л'орик, – но мы хотя бы можем дать его сердцу шанс восстановиться.

Нуллисс отошла.

– Как тебе будет угодно, – бросила она, – я ему уже не помогу.

Баратол направился за стойку, наклонился к деревянной панели и сильно по ней постучал. Доска отвалилась, открыв взору три пыльных бутылки с выпивкой. Он достал одну, выпрямился и поставил стойку. Отыскав кружку, кузнец отёр её от пыли, откупорил бутылку и залил ёмкость до краёв.

Все вокруг пристально наблюдали за ним – все, кроме Л'орика, который навис над юношей, уложив руки тому на грудь. Хэйрит уважительно спросила:

– Где ты это взял, кузнец?

– Тайник старого Кулата, – ответил Баратол. – Не думаю, что он за этим вернётся.

– И чем же так пахнет?

– Фаларским ромом.

– Блаженны боги верхние и нижние!

Внезапно все местные, что были в комнате, столпились вокруг бара. Ворча, Нуллисс начала отпихивать Филиада прочь.

– Не ты – тебе ещё рано...

– Рано? Женщина, я прожил двадцать шесть лет!

– Кому сказала?! Двадцать шесть? Рановато тебе лакать фаларский ром, тощий щенок.

Баратол вздохнул:

– Не жадничай, Нуллисс. Кроме того, на нижней полке ещё две бутылки.

Взяв кружку в руки, он отошёл от них, предоставив Филиаду и Джелиму самим выяснять, кто будет шарить за баром.

Синевато-багровый шрам – всё, что осталось от разреза на животе юнца, если не считать пятен засохшей крови. Л'орик ещё стоял над ним, неподвижно держа руки на груди. Спустя какое-то время он открыл глаза и отошёл от парня.

– У него сильное сердце. Посмотрим. А где вторая?

– Вон там. Ранена в плечо. Рану уже прижгли, но могу поручиться, что там уже завелась зараза, которая разрастётся и скорее всего убьёт её. Если ты не вмешаешься.

Л'орик кивнул:

– Её зовут Скиллара. Парня я не знаю. – Он нахмурился. – Геборик Призрачные Руки, – он потёр своё лицо. – Никогда бы не подумал... – Он взглянул на Баратола. – Когда Трич избрал Геборика своим Дестриантом, тот получило столько... силы. Т'лан имассы? Пять сломленных т'лан имассов?

Баратол пожал плечами:

– Я лично не был свидетелем засады. Имассы впервые объявились пару месяцев назад, но казалось, что они ушли. В конце концов, здесь им нечего было искать. Даже я им был не нужен.

– Слуги Увечного бога, – проговорил Л'орик. – Развязанные из Великого Дома Цепей. – Он направился к женщине, которую назвал Скилларой. – Боги и впрямь воюют меж собой...

Баратол смотрел ему вслед. Он проглотил половину рома в кружке и вновь присоединился к Высшему магу.

– Боги, говоришь...

– В ней уже шепчет лихорадка, так дело не пойдёт.

Чародей закрыл глаза и начал едва слышно что-то бормотать. Спустя некоторое время маг отошёл, и их с Баратолом взгляды встретились.

– Вот что грядёт. Прольётся кровь смертных. Невинные жизни... будут уничтожены. Даже тут, в этой прогнившей, всеми забытой деревушке от мучений тебе не спрятаться. Они найдут тебя, найдут нас всех.

Баратол прикончил остатки рома.

– Теперь отправишься искать девуцу?

– И в одиночку отбить её у Развязанных? Нет, даже если бы знал, где искать, это невозможно. Гамбит Королевы Грёз провалился – она, скорее всего, уже знает об этом. – Он тяжело, прерывисто вздохнул и только теперь Баратол заметил, насколько его собеседник выбился из сил. – Нет, – повторил он со смутным, печальным видом. – Я лишился своего фамильяра... но... – Он покачал головой. – Но я не чувствую боли. Когда узы рвутся, разве не должно быть больно? Я не понимаю...

– Высший маг, – сказал Баратол, – тут есть свободные комнаты. Отдохни. Я прикажу Хэйрит найти тебе какой-нибудь еды, а Филиад может поставить твою лошадь в стойло. Жди здесь, пока я не вернусь.

Кузнец поговорил с Хэйрит, вышел из трактира, вновь направился к западной дороге. Он увидел, как Чаур, Фенар и Урдан снимают с мёртвых лошадей сёдла и удила.

– Чаур! – крикнул он. – Отойди от той лошади. Нет, в мою сторону, вот, стой смирно, чёрт бы тебя побрал. Вот там. Не двигайся.

Лошадь той девочки. Оказавшись рядом с трупом, Баратол начал медленно обходить его, высматривая следы.

Чаур ёрзал на месте – громила с мозгами ребёнка, хотя вид крови никогда его не пугал.

Не обращая на него внимания, Баратол продолжил изучать царапины в грязи, выбоины и борозды на камнях, пока, наконец, не наткнулся на маленький одинокий след ботинка, странно выкрученный у голеностопа. С другой стороны – следы большего размера, следы костей, там и тут перетянутых кожаными ремнями и кусками шкуры.

Итак. Она смогла соскочить со смертельно раненной лошади, даже успела приземлиться на одну ногу, но т'лан имасс схватил её, поднял над землёй – она, без сомнения, сопротивлялась как могла, но против столь нечеловеческой и неумолимой силы оказалась беспомощна.

А после этого т'лан имассы исчезли. Превратились в пыль. Каким-то образом забрав её с собой. Не думал он, что такое возможно. Однако... других следов отступления не было.

Расстроенный, он собрался идти обратно в трактир.

Но обернулся на хныканье сзади.

– Всё хорошо, Чаур, можешь продолжать.

Здоровяк ответил сияющей улыбкой.

Вернувшись, Баратол ощутил, что что-то изменилось. Местные прижались к стенке за баром. Л'орик стоял посреди комнаты, лицом к кузнецу, застывшему в дверном проходе. Высший маг обнажил свой клинок с мерцающим белым лезвием.

Его взгляд застыл на Баратоле. Л'орик промолвил:

– И только сейчас я услышал твоё имя.

Кузнец пожал плечами.

Бледное лицо Л'орика скривилось в насмешливой улыбке:

– Наверное, излишки рома развязали им языки – или они просто забыли о твоём приказе держать их за зубами.

– Я не давал никаких приказов, – ответил Баратол. – Эти люди ничего не знают о внешнем мире и ничего не хотят знать. Кстати говоря... – Его взгляд скользнул по толпе за барной стойкой. – Нуллисс, ром ещё остался?

Она молча кивнула.

– Налей мне кружечку, ладно? – сказал Баратол. – Поставь на стойку рядом с топором.

– С моей стороны было бы глупо подпускать тебя к оружию, – сказал Л'орик, поднимая руку с клинком.

– Это зависит от того, – ответил Баратол, – правда ли ты собираешься со мной драться, верно?

– Я могу с ходу вспомнить сотни имён тех, кто на моём месте не стал бы медлить.

Баратол приподнял бровь:

– Сотни имён, говоришь? И сколько из этих имён до сих пор принадлежат живым?

Губы Л'орика плотно сжались.

– Ты вправду веришь, – продолжил Баратол, – что я просто так ушёл из Арэна много лет назад? Я не один уцелел, Высший маг. Они пришли за мной. Весь путь, что я проделал от Арэна до Карашимеша, стал одной длинной проклятой непрерывной битвой. Пока я не оставил последнего из них истекать кровью в канаве. Может, ты и знаешь моё имя, может, и думаешь, что знаешь, в чём моя вина... но тебя там не было. А все, кто был, – давно мертвы. Ну а теперь скажи: ты действительно хочешь ввязаться в эту драку?

– Говорят, ты открыл врата...

Баратол громко фыркнул, направляясь к кружке с ромом, которую Нуллисс поставила на стойку.

– Чушь собачья! Т'лан имассам не нужны ворота. – Ведьма-семачка тем временем нашла пустую кружку и со стуком поставила её на стойку. – Постой-ка, я ведь и вправду их открыл, когда скакал оттуда прочь на самом быстром коне, что смог найти. К тому моменту бойня уже началась.

– И всё же ты не остался, не так ли? Ты не сражался, Баратол Мехар! *Они подняли восстание за тебя*, Худ тебя побери.

– Жаль, что меня спросить забыли, – резко ответил он, наливая себе кружку. – Убери уже свой треклятый меч, Высший маг.

Л'орик замешкался, потом сутулился и вернул оружие в ножны.

– Ты прав. Я слишком вымотался. И слишком стар. – Он нахмурился и вновь расправил плечи. – Так ты думал, что т'лан имассы пришли сюда по твою душу, да?

Баратол уставился на чародея поверх щербатого края кружки и ничего не сказал.

Л'орик запустил руку в волосы и осмотрелся так, будто забыл, где находится.

– Худовы кости, Нуллисс, – со вздохом сказал Баратол. – Подай бедному ублюдку стул, а?

Серый, то и дело ослепляющий серебряными вспышками туман медленно развеялся, и Фелисин Младшая внезапно вновь почувствовала своё тело. В колени впились острые камешки, в воздухе стоял запах пыли, пота и страха. Мысли её не покидали видения хаоса и бойни. Оцепеневшая, девушка только и смогла, что осмотреться. Перед ней солнечный свет резко-очерченными лучами падал на потрескавшуюся скальную стену. Кучки песка, занесённого сюда ветром, скопились по краям широких, низких ступеней, которые вели словно бы прямо в стену. Но куда ближе были огромные костяшки бледной, едва обтянутой потрёпанной кожей кисти – кисти, которая сжимала правую руку девушки чуть выше локтя. Оголённые связки на запястье тянулись, издавая слабые звуки перекрученной кожи. Вырваться из этого захвата Фелисин не могла – она уже выбилась из сил, пытаясь освободиться. Так близко – злое, запах застарелого разложения. Его клинок, на котором то тут, то там виднелись пятна крови, весь в зазубринах, широкий в месте изгиба, но постепенно сужающийся к обмотанной кожей рукояти. Чёрный, блестящий камень, заточенный по лезвию до прозрачности.

Остальные, ничуть не менее ужасные т'лан имассы стояли вокруг. Вымазанные в крови, некоторым недостаёт конечностей, у других руки и ноги изломаны, один даже лишился половины лица, но девушка понимала, что это – старая рана. А последняя битва для них – просто стычка, которая не нанесла нежити никакого вреда.

Ветер горестно выл вдоль каменных стен. Фелисин поднялась на ноги и стряхнули прилипшие к коленям камешки. *Мертвы. Они все мертвы.* Она повторяла это себе вновь и вновь, как если бы прежде не знала этих слов и не понимала их значения, будто говорила на неизвестном для себя языке. *Все мои друзья мертвы.* Какой смысл их повторять? И всё же, они вновь и вновь крутились в голове, словно отчаянно искали ответ... хоть какой-то ответ.

Её отвлёк новый звук. Шорох донёсся со стороны утёса перед ними. Моргая, чтобы убрать из глаз щиплющий пот, она увидела, как одна из щелей расширяется, а стены её рушатся будто под ударом кирки. Именно оттуда появился сгорбленный силуэт. Старик, одетый почти в лохмотья, запylённый. Его предплечья и тыльные стороны ладоней покрывали гноящиеся язвы.

Едва завидев её, он упал на колени.

– Ты пришла! Она дали слово... но с чего им врать? – Слова вырывались из его рта со странными щелчками. – Теперь я заберу тебя, вот увидишь. Всё хорошо. Ты в безопасности, дитя, ведь ты – Избранная.

– О чём ты говоришь? – потребовала объяснений Фелисин, вновь пытаясь вырвать руку из захвата. Только в этот раз рука мертвеца разжалась, и она добилась своего. Её ноги подкосились.

Старик вскочил на ноги и помог ей удержать равновесие.

– Ты выбилась из сил. Неудивительно. Так много правил было нарушено, чтобы привести тебя сюда...

Она отошла от него и опёрлась рукой на нагретую солнцем каменную стену.

– Куда – «сюда»?

– В древний город, Избранная. Когда-то погребённый, он вскоре вновь оживёт. Я стал первым, кто призван служить тебе. Но вскоре другие придут, уже идут, ведомые Шёпотом. Видишь ли, его слышат только слабые, а слабых очень, очень много. – Из его рта опять раздались странные щелчки.

Отвернувшись, Фелисин посмотрела вдаль, разглядывая раскинувшиеся перед ней разорённые пустоши. Следы старой дороги, остатки пашни...

– Мы проходили это место неделю назад! – она окинула старика взглядом. – Ты вернул меня назад!

Он улыбнулся, показав дырявые гнилые зубы.

– Город теперь твой, Избранная...

– Прекрати меня так называть!

– Прошу... тебя доставили сюда, и кровь была пролита ради этого. Лишь в твоих силах придать этой жертве смысл...

– Жертве?! Это было убийство! *Они убили моих друзей!*

– Я помогу скорбеть, ведь в этом и есть моя слабость. Я всегда скорблю по себе, виной всему питание и никогда не покидающая меня жажда. Слабость. Преклонись перед ней, дитя. Начни её боготворить. Нет смысла бороться с ней. Мировая печаль куда сильнее, чем ты когда-либо сможешь стать, вот что тебе нужно понять.

– Я хочу уйти.

– Невозможно. Развязанные доставили тебя. Да и куда бы ты пошла, даже если б смогла? Мы во множестве миль ото всякого жилья. – Он пососал гальку, проглотил слюну и продолжил: – У тебя не будет ни еды, ни воды. Прошу, Избранная, в глубине погребённого города тебя ждёт храм. Я так долго трудился, так долго готовил его дня тебя. Там есть и еда, и вода. А скоро придут новые слуги, отчаянно желающие служить тебе и исполнять все твои прихоти, как только ты смирись со своей судьбой. – Он замолчал, чтобы снова улыбнуться, и она увидела камни у него во рту – чёрные, блестящие, как минимум три – все размером с фаланги пальцев. – Скоро ты поймёшь, кем стала, – предводительницей семигородского культа, который разнесётся повсюду, за все моря, все океаны, покорит весь мир...

– Ты безумен, – сказала Фелисин.

– Шёпот не лжёт.

Он потянулся к ней, и девушка отшатнулась от усыпанной язвами руки.

– Как видишь, чума прошла по этим землям. Сама богиня Полиэль преклонилась перед Скованным. Все мы должны это сделать, даже ты. И лишь тогда обретёшь силу, принадлежащую тебе по праву. Чума коснулась многих, оставила целые города, усыпанные почерневшими трупами, но были и другие – уцелевшие, спасённые Шёпотом – их меткой стали эти язвы и скрученные конечности, слепота. Кто-то лишился языка. Он сгнил и выпал, а сами они онемели. Среди прочих были и те, у кого из ушей с кровью вытекли все звуки этого мира. Понимаешь? У них были слабости, а Скованный показал им, как сделать из слабости силу. Я чувствую их, ведь я был первым. Твой сенешаль. Я чувствую их. *Они идут.*

Фелисин продолжала смотреть на его больную руку, пока он, щёлкая галькой во рту, не убрал её.

– Прошу, следуй за мной. Позволь, я покажу тебе, чего добился.

Фелисин закрыла руками лицо. Она не понимала. Всё это бессмыслица какая-то.

– Как, – спросила она, – тебя зовут?

– Кулат.

– А, – прошептала она, – меня как?

Он поклонился.

– Они не понимали, никто не понимал. Апокалипсис – это не просто война, не просто восстание. Это *опустошение*. Не только земли – это лишь последствие, ты ведь видишь? Апокалипсис опустошает душу. Разбитые, сломленные, рабы собственной слабости. Только столь измученные души могут нести разруху земле и всем её обитателям. Чтобы убить всё снаружи, мы должны сперва умереть внутри. И только тогда, когда смерть возьмёт нас всех – только тогда мы найдём спасение.

Он склонился ещё ниже.

– Ты – Ша'ик Возрождённая, избранная стать Десницей Апокалипсиса.

– План меняется, – промямлил Искарал Прыщ, снуя туда-сюда, будто наугад, то исчезая из света костра, то появляясь вновь. – Смотри! – прошипел он. – Она исчезла, эта облезлая

корова! Пара тревожных теней посреди ночи – и бам! Ничего! Только пауки в каждой щели да трещине. Чтоб ей! Трусиха. Я тут подумал, трелль, что нам стоит сбежать. Да, сбежать. Ты в ту сторону, я в эту. Нет, не подумай, я имею в виду что буду прямо за тобой, конечно же, я не брошу тебя сейчас. Даже когда за нами придут те твари... – Он сделал паузу, потянул себя за волосы и продолжил лихорадочно двигаться. – Но с чего мне волноваться? Разве я не был преданным? Полезным? Гениальным, как всегда? Так с чего бы им быть тут?

Маппо достал из своего мешка дубину.

– Я ничего не вижу, – сказал он. – А слышу я только тебя, Высший жрец. Кто пришёл?

– Разве я сказал, что кто-то идёт?

– Да, сказал.

– Ты спятил, что тут попишешь? Но почему, вот что мне интересно, да, почему? Нам ведь не нужна компания. Кроме того, сдаётся мне, это последнее место в мире, где им хотелось бы оказаться, если мой нос чует то, что чует, а разве чуял бы он то, что чует, если бы там не было чего-то, что пахнет, а? – Искарал остановился и покачал головой. – А чем это пахнет? Не важно, о чём это я? Точно, я пытался постичь непостижимое, невероятное понятие того, что Престол Тени и вправду может быть вполне вменяем. Нелепо, сам знаю. Так или иначе – если так, то это, это существо, оно знает, что делает. У него есть соображения, причины – реальные причины.

– Искарал Прыщ, – сказал Маппо, вставая с нагретого места у огня, – мы в опасности?

– А видал ли Худ деньки получше? Конечно, в опасности, олоуп, – ох, стоит держать такое мнение при себе. Позволь перефразировать. Опасность? А-ха-ха, дружище, конечно, нет. Ха-ха. Ха. А вот и они...

Из тьмы показались огромные силуэты. С одной стороны, сверкали угольно-красные глаза, с другой – мрачно-зелёные, потом показались золотые и медные. Бесшумные, громадные, смертельно опасные.

Гончие Дома Тени.

Где-то вдали, в пустыне, завыл волк или койот, будто уловив запах самой Бездны. А ближе к ним – тишина. Даже сверчки и те затихли.

Волосы на шее трелля встали дыбом, теперь и он почуял запах адских тварей. Едкий, жгучий, несущий болезненные воспоминания.

– Чего они хотят от нас, Высший жрец?

– Помолчи, мне нужно подумать.

– Не утруждай себя, – сказал новый голос из темноты, и Маппо повернулся, чтобы увидеть, как на свет костра выходит мужчина в сером плаще. Высокий, хотя в остальном – невзрачный. – Они просто... мимо проходили.

Искарал, вздрогнув, скривил лицо в фальшивом подобии радости:

– О, Котильон, разве не видишь? Я добился всего, чего от меня требовал Престол Тени...

– Своей стычкой с Деджимом Нэбралом, – сказал Котильон, – ты даже превысил все ожидания – признаюсь, я понятия не имел, что в тебе столько прыти, Искарал Прыщ. Престол Тени избрал себе достойного Мага.

– Да уж, он умеет удивить, верно? – Высший жрец попятился к костру, присел возле огня, склонил голову и сказал: – И чего же *он* хочет? Дать мне отдохнуть? Отдыха мне с ним не видать. Чтобы я вёл Псов по чьему-то следу? Только недолго, надеюсь. Не с этим дураком. Нет, и не это. Он тут, чтобы запутать меня, но я ведь, в конце концов, Высший жрец Тени, и поэтому запутать меня нельзя. Почему? Да потому, что я служу самому запутанному богу в мире, вот почему. А стало быть – разве стоит мне волноваться? Конечно, но разве он об этом узнает? Нет, мне нужно лишь улыбнуться этому богу-убийце и сказать: «Не желаешь ли кактусового чаю, Котильон?»

– Благодарю, – ответил Котильон, – не откажусь.

Маппо отложил дубину и уселся, пока Искарал наливал чай. Трелль старался бороться с растущим внутри отчаянием. Где-то там, на севере, Икарий сидит у похожего костра, мучается, как обычно, от того, чего не помнит. Но он не один. *Нет. Кто-то другой занял моё место.* Это должно было послужить облегчением, но Маппо чувствовал только страх. *Безымянным нельзя доверять, я давно выучил этот урок.* Нет, Икария теперь вёл кто-то, кому наплевать на ягга...

– Я рад, Маппо Коротышка, – сказал Котильон, – что ты в порядке.

– Когда-то Гончие Тени сражались на нашей стороне, – сказал Маппо, – на Тропе ладоней.

Котильон кивнул, отхлебнул чаю.

– Да, тогда вы с Икарием подобрались близко.

– Близко? Что ты имеешь в виду?

Покровитель убийц долгое время не отвечал. Вокруг них, сразу за чертой лагеря, огромные Псы укладывались на ночлег.

– Это не столько проклятье, – наконец сказал он, – сколько... остаточная сила. Смерть Дома Азатов повлекла за собой всплеск разного рода сил и энергий – и не только тех, что принадлежат обитателям земляных могил. На душе Икария оставил ожёг недуг, нет, скорее паразит. Его природа – хаос, и он несёт бессвязность. Он вредит прогрессу мыслей, духа и самой жизни. Маппо, если не уничтожить эту инфекцию, Икария не спасти.

Трелль на миг утратил способность дышать. За все прожитые яггом века ни одни слова Безымянных – будь то учёные или монахи по всему миру – не были похожи на то, что он сейчас услышал.

– Ты... Ты уверен?

Медленный кивок.

– Насколько это вообще возможно. Мы с Престолом Тени, – бог поднял глаза и сторбился, – на пути к Восхождению прошли через Дом Азатов. Были годы... Многие годы, когда ни меня, ни человека, тогда известного как Император Келланвед, нельзя было сыскать в Малазанской империи. У нас была другая миссия, более лихой гамбит. – В его тёмных глазах мелькало отражение костра. – Мы ушли в Азат. Прошли через каждый Дом во всей этой реальности. Мы хотели овладеть их силой...

– Но это невозможно, – сказал Маппо. – Вы потерпели поражение, иначе и быть не может, иначе вы оба сейчас были бы куда большим, чем просто богами...

– С этим не поспоришь. – Котильон долго рассматривал чай в глиняной чашке. – Но кое-что мы поняли благодаря своим непрекращающимся стараниям и тяжёлому опыту. И первое что мы усвоили: наша цель потребует куда больше времени, чем отведено простому смертному. Второе... о нём я расскажу как-нибудь в другой раз. В любом случае, когда мы осознали, что затеянная нами игра вызовет недовольство, на которые мы не готовы ответить как Император и глава убийц, стало очевидно: то, что мы узнали, нужно использовать с умом.

– Чтобы стать богами.

– Да. И в процессе мы выяснили, что Азаты – куда больше, чем Дома, призванные стать узилищами для сильнейших созданий. Они также – порталы. И кроме того, они наверняка стали хранилищем Утраченных Стихий.

Маппо нахмурился.

– Я никогда раньше не слышал этого словосочетания. Утраченных Стихий?

– Учёные в общих чертах выделяют четыре: воду, огонь, землю и воздух. Но существуют и другие. И именно они – источник столь огромной силы Домов Азатов. Маппо, у того, кто разглядывает предмет, зная лишь четыре отправных точки, не самое выгодное положение, учитывая, что неизвестно, сколько таких точек остаются для него невидимыми и неизученными.

– Котильон, эти Утраченные Стихии – они как-то связаны с чародейскими аспектами? Путиами и Колодой Драконов? Или, может, с древними Обителями?

– Жизнь, смерть, тьма, свет, тень... возможно, но даже это кажется довольно узким спектром. Что насчёт времени, к примеру? Прошрое, настоящее и будущее? Что насчёт желания и дела? Звука и тишины? Или последние лишь подвиды воздуха? Является ли время частью света? Или это лишь точка где-то между светом и тьмой, но отличная от тени? А что насчёт веры и отрицания? Теперь ты понимаешь, Маппо, какова потенциальная сложность у этих соотношений?

– Это если предположить, что они вообще существуют вне чистой теории.

– Именно. Но может, теория – это всё, что нужно, – если смысл стихии – придать значение и форму всему, что нас окружает снаружи и ведёт изнутри.

Маппо уселся поудобней.

– И ты надеешься совладать с такой силой?

Он уставился на Котильона, гадая, способен ли бог на подобное тщеславие и подобные амбиции. *И они вступили на свой путь задолго до того, как стали богами...*

– Признаюсь, я таю надежду, что вас с Престолом Тени постигнет неудача – ведь то, что ты описал, не должно попасть ни в чьи руки. Будь то руки бога или смертного. Ни в чьи. Оставим это Азатам...

– Так бы мы и поступили, не пойми мы, что Азаты начали терять контроль над тем, что происходит. Безымянные, осмелюсь предположить, пришли к тому же осознанию, и поэтому впали в отчаяние. Увы, мы полагаем, что их последнее решение лишь подтолкнёт Азатов ещё ближе к хаосу и распаду. – Он кивнул в сторону Искарала Прыща, который присел рядом на корточки, бормоча что-то себе под нос. – Вот почему мы решили... вмешаться. Увы, слишком поздно, чтобы предотвратить освобождение Деджима Нэбрала и его засаду. Но... ты жив, трель.

И вот, Котильон, пытаясь овладеть Азатами, ты оказался их слугой. Желание против действий...

– Снять проклятье с Икария, – покачал головой Маппо. – Необычное предложение, Котильон. Я разрываюсь между надеждой и сомнениями. – Сухая ухмылка. – Я начинаю понимать, почему чистой теории бывает достаточно.

– Икарий заслужил того, чтобы его мукам был положен конец, – сказал бог, – разве не так?

– Что требуется от меня?

– Пока – продолжай делать, что делал – следуй за другом. Не теряй след, Маппо. Грядёт столкновение небывалой силы, такой, что даже осознать сложно. Боги будто не замечают, как приближаются к краю обрыва. И да, рано или поздно эта участь ждёт и меня.

– Ты не похож на человека невнимательного.

– Ну, значит, правильнее сказать, что они беспомощны. В любом случае, мы с тобой ещё поговорим. А пока не сомневайся в том, что ты нужен. Нам, всем смертным и, в первую очередь, Икарию.

Котильон поставил чашку на землю и встал.

До Маппо донёлся тихий звук поднимающихся с земли Псов.

– Я знаю, что мне не стоит это говорить, – молвил бог, – но всё равно скажу. Не оставляй надежды, Маппо. В этой битве твоим величайшим врагом станет отчаяние. Настанет час, когда ты встанешь между Икарием и всем, чего ищут Безымянные... и я хочу верить, что ты не допустишь ошибки.

Маппо смотрел, как Котильон уходит во тьму, а Гончие следуют за ним по пятам.

Спустя некоторое время трель перевёл взгляд на Искарала Прыща. Тот уставился на него блестящими глазами.

– Высший жрец, – молвил Маппо, – собираешься ли ты присоединиться ко мне в моём путешествии?

– Увы, я не могу. – Далхонец отвёл взгляд. – Этот трелль спятил! Его ждёт неудача! Конечно, его ждёт неудача! Он, считай, уже мёртв, я без слёз на него взглянуть не смогу. Всё исцеление Могоры коту под хвост! Какое расточительство! – Искарал Прыщ потёр лицо и вскочил на ноги. – Слишком много равных по своей огромной значимости задач ждёт меня, Маппо Коротышка. Нет, нам с тобой должно немедленно разойтись разными дорогами, и пусть обе они ведут к славе! Как сказал Котильон, ты не потерпишь поражения. И я не потерплю. Победа будет за нами! – Он поднял в ночное небо кулак и потряс им. Затем обнял сам себя за плечи. – Боги милостивые, мы обречены.

Возникшая из тьмы Могора захихикала. В руках она держала охапку дров, наколотых чётко и качественно, будто поработал умелый дровосек. Ведьма положила их около костра.

– Помешай-ка угольки, милый мой, жалкий муженёк!

– Ты мне не указ, ведьма! Сама их помешай! Сейчас предо мной лежат куда более важные задачи!

– Например?

– Ну, для начала, мне нужно помочиться.

Глава тринадцатая

*И все эти люди собрались
почтить память умершего,
будь он мужчиной, женщиной,
воином, королём иль шутом, —
и где же статуи, где изображенья
на холсте или в камне?*

*Но вот все сидят иль стоят,
и льётся вино к их ногам,
алыми каплями катится
по рукам и ладоням, а осы
в свою пору смерти и жажды
жалят и будят пьяные голоса.*

*Голоса, что сливаются в общем
недоумении, повторяя вопрос
опять и опять — почему? Но в этом
истина обретает своё удивленье,
ибо не спросят, почему же он умер,
не ищут в нём оправданья,*

*ибо в сердце мятущейся жизни
для каждого это собрание —
лишь эхо, лишь отзвук
личности прежней. И они
вопрошают снова и снова:
почему же мы здесь собрались?*

*Умерший не звался по имени,
но его — все имена, лица не имел,
но его — всё множество наших лиц,
и так мы узнали, средь этих ос,
умирающих, но в последний раз
жалящих в нервном угаре,*

*что это мы — мертвецы, которые собрались
в одном, невидимом разуме —
сидит иль стоит, мужчина иль женщина,
воин, царица иль просто глупец,
который напившись подумал
обо всём, что увидел в жизни.*

Рыбак Кель Тат. Собрание у фонтана

Даже с четырьмя новыми колёсами тригалльский фургон представлял собой развалину. Две лошади погибли при падении. Трёх пайщиков задавило, а четвёртый сломал шею. Карпо-лан Демесанд сидел на складном дорожном стуле, попивая травяной чай и морщась; голова его была перемотана окровавленными тряпками.

Спутники покинули яггутский Путь, Омтоз Феллак, и теперь их окружали знакомые пустоши, подлесок и голые холмы Семи Городов. Солнце катилось к зениту, прячась за пеленой облаков. Непривычно влажный воздух пах дождём. Кругом виляла мошара.

– Признаки, – проговорила Ганат, – возрождения внутреннего моря.

Паран взглянул на неё и продолжил затягивать подпругу коню; тот старательно задерживал дыхание, выпятив грудь, чтобы ремень потом болтался, – видимо, надеялся, что в какой-то идеально неудачный момент Паран свалится у него со спины. Лошади были невольными участниками стольких человеческих эскапад, поражений и катастроф, что Паран не мог винить животное за вполне заслуженную враждебность.

– Ганат, – спросил он, – знаешь ли ты точно, где мы?

– Эта долина идёт на запад до моря Рараку, за внутренней грядой, а на востоке малохоженная дорога ведёт к Г'данисбану. – Поколебавшись, она прибавила: – Я давно уже не заходила так далеко на восток... так близко к городам твоего рода.

– Г'данисбан. Что ж, мне нужны припасы.

Яггутка взглянула ему в лицо:

– Ты исполнил свою задачу, Господин Колоды. Дераготы освобождены, д'иверс, известный как Деджим Нэбрал, охотник, ныне стал добычей. Теперь ты вернёшься в Даруджистан?

Капитан поморщился:

– Увы, пока нет.

– Есть ещё силы, которые ты намерен выпустить в этот мир?

Некоторое напряжение в её голосе заставило Парана обернуться.

– Нет, если будет иной выход, Ганат. Куда отправишься теперь ты?

– На запад.

– Ах да. Исправить нанесённый тем твоим ритуалом вред. Интересно, что он сковал?

– Небесную крепость к'чейн че'маллей. И... другое.

Небесную крепость? Нижние боги!

– Откуда она взялась?

– Полагаю, с Пути, – последовал ответ.

Паран подозревал, что яггутка знает куда больше, но не стал настаивать. Он закончил подстраивать седло и сказал:

– Спасибо тебе, Ганат, что пошла с нами, без тебя мы бы погибли.

– Возможно, однажды я попрошу тебя об ответной услуге.

– Договорились.

Он вытянул длинный предмет, завернутый в тряпки, прежде привязанный к седлу, и протянул его Карполану Демесанду.

– Высший маг, – проговорил он.

Толстяк поднял голову.

– А, наша плата.

– За оказанные услуги, – сказал Паран. – Хотите, чтобы я его развернул?

– Худа ради, нет, Ганос Паран. Лишь чародейство сейчас и удерживает мой разум в целости. Даже укутанный и спрятанный в ножны, этот меч излучает энтропию, я чувствую её.

– Да, это неприятное оружие, – согласился Паран.

– Так или иначе, нужно сделать ещё одну вещь.

По знаку Карполана подошла одна из пардией и забрала меч, некогда принадлежавший адъютанту Лорн. Она отнесла его на пару шагов, уложила на землю и вернулась. Появился другой пайщик с большой двуручной булавой в руках. Он навис над завернутым оружием, затем взмахнул булавой. И снова, и снова. Удар за ударом сыпались на отатараловый клинок. Тяжело дыша, мужчина отступил и поднял лицо к Карполану Демесанду.

Тот вновь повернулся к Парану:

– Возьми свой осколок, Господин Колоды.

– Благодарю, – ответил малазанец.

Нагнувшись, он откинул изрубленную кожу. Полдесятка ударов сердца он смотрел на обломки рыжевато-металла, затем выбрал осколок длиной с указательный палец. Бережно завернув его в обрывок кожи, сунул в поясную сумку. Выпрямившись, он вернулся к Высшему магу.

Карполоан Демесанд вздохнул и медленно поднялся:

– Пора нам возвращаться домой.

– Безопасной дороги тебе, Высший маг, – сказал Паран, поклонившись.

Толстяк попытался улыбнуться, и от этого усилия побледнел. Он повернулся и с помощью пайщиков отправился в фургон.

– Молись, – сказала негромко Ганат Парану, – чтобы он не встретил на Путих сопротивления.

Капитан подошёл к своему коню. Затем, положив руки на седло, поднял глаза на яггутку.

– В эту войну, – сказал он, – будут вовлечены Старшие силы. Уже вовлечены. Т'лан имассы могут верить, будто уничтожили яггутов, но очевидно, что это не так. Вот стоишь ты. Есть и другие, верно?

Она пожала плечами.

За ними раздался рвущийся звук открывающегося портала. Щёлкнули вожжи, загрохотали колёса.

– Ганат...

– Яггуты не хотят войны.

Паран задержал взгляд на её лице ещё на миг, затем кивнул. Поставив ногу в стремя, он вскочил в седло и подобрал поводья.

– Как и ты, – проговорил он, – я скучаю по дому. Доброго пути тебе, Ганат.

– И тебе, Господин Колоды.

На восток Паран ехал вдоль долины. Река, когда-то проложившая себе путь через эти земли, давно исчезла, но след от её расширявшегося русла был всё ещё виден по зарослям кустарника и развесистым деревьям, торчавшим то тут, то там на месте последних водоёмов, да и по старицам с намывами песка на месте исчезнувших берегов. Лигу спустя долина вышла в неглубокий бассейн, заканчивающийся голыми скалами на севере и длинными покатыми осыпями на юге. Прямо впереди виднелся удививший вверх проход между расходящимися водостоками.

У начала подъёма Паран спешился и взял лошадь под уздцы. Опускалась вечерняя жара, ставшая ещё менее выносимой из-за непривычной влажности. Далеко на западе, вероятно над морем Рараку, собирались массивные облака. Ко времени, когда он достиг вершины, тучи уже поглотили солнце, а дувший в спину ветер был пронизан обещанием дождя.

Перед Параном раскинулся вид далеко на восток. На покатых холмах паслись домашние козы, а дорога внизу переходила в более хоженный тракт, ведущий с севера на юг по краю равнины; с южной стороны путь сворачивал на восток, уводя к отдалённым столбам дыма, поднимавшимся, как он подозревал, над Г'данисбаном.

Паран вновь уселся на коня и пустил его карьером.

Вскоре капитан добрался до первой пастушьей лачуги. Ведомые привычкой, козы собирались вокруг сожжённой и разрушенной избушки, чуя приближение ночи. Он не разглядел никаких признаков могил, а искать среди развалин был не настроен. Чума – тихое, незримое дыхание Серой Богини. Похоже, осознал он, город, что лежал впереди, оказался во власти этого кошмара.

Первые капли дождя ударили в спину, и секунду спустя, шипящий ливень обрушился сверху. Каменистый путь стал внезапно опасным, и Парану заставил коня перейти на рысь.

Видимость со всех сторон уменьшилась до дюжины шагов, мир за пределами этого расстояния скрылся за серебристой стеной. Паран натянул капюшон армейского дождевика, закрывавшего плечи, чтобы спастись от тёплой воды, льющейся за шиворот; потоки дождя вынудили его пригнуться.

Протопанная тропа превратилась в ручей грязной воды, бурлившей между скал и булыжников. Конь перешёл на шаг. Между двух невысоких холмов, где тропа превратилась в мелкое озерцо, Паран обнаружил, что на пути у него стоят два солдата.

Рука в латной перчатке схватила поводья.

– Не туда тебя занесло, незнакомец, – прорычал мужчина по-малазански.

Арбалет в руках у второго был не заряжен; голос мужчины доносился из тени под капюшоном:

– Где ты взял плащ? Снял с тела малазанского солдата, верно?

– Нет, – ответил Паран. – Его выдали мне, как выдали вам ваши плащи, солдаты.

Впереди, как он успел рассмотреть за миг короткого затишья ливня, располагался лагерь. Два, может, три легиона. Палатки стояли на холмах, над ними висела пелена дыма от костров, захлёбывавшихся под дождём. За лагерем и дорогой, уходившей вниз по склону, виднелись стены Г'данисбана. Его внимание переключилось на солдат.

– Кто командует этой армией?

Державший арбалет бросил:

– Для начала ответь-ка ты на вопросы. Дезертир?

Что ж, можно сказать и так. Опять же, считается, что я – мёртв.

– Я хочу поговорить с вашим командиром.

– Не то чтоб у тебя теперь был выбор. Слезай с лошади, чужак. Ты арестован по подозрению в дезертирстве.

Паран спешился.

– Ладно. Теперь вы скажете мне, чья это армия?

– Сделаю тебе одолжение. Теперь ты пленник Войска Однорукого.

Не сразу, но по внешним признакам Паран понял, что это – не осада. Армия удерживала дороги, ведущие в Г'данисбан, а лагерь представлял собой полукруглый кордон с северной и западной сторон, причём заставы располагались на расстоянии не менее четырёх сотен шагов от безлюдных стен.

Один из солдат увёл лошадь Парана во временные конюшни, второй же конвоировал Парана дальше между солдатских палаток. Всюду мелькали фигуры в плащах и капюшонах, однако ни один не был облачён в полное боевое снаряжение.

Они вошли в офицерский шатёр.

– Капитан, – сказал солдат, отбрасывая капюшон, – мы наткнулись на этого человека, когда он пытался въехать в Г'данисбан со стороны Рараку. Как видите, сэр, он в малазанском плаще. Мы думаем, дезертир. Вероятно, из Четырнадцатой.

Он обращался к женщине, лежавшей на спине на койке у стены. Она была светлокожей. Миниатюрные черты лица окружало облако длинных рыжих волос. Наклонив голову так, чтоб видеть солдата и Парана, она недолго помолчала, затем вернулась в прежнее положение, продолжив рассматривать потолок.

– Отведи его в лагерь для заключённых – он же у нас есть, правда? Да, и узнай у него всё – какой полк, какой легион и так далее. Чтоб записать это куда-то прежде, чем его казнят. Теперь убирайтесь, вы оба. Вы здесь всё водой залили.

– Одну минутку, капитан, – сказал Паран. – Я хочу поговорить с Первым Кулаком.

– Это невозможно. И не припомню, чтоб я разрешала тебе говорить. Вырви ему за это ногти, Футгар, ладно? Когда придёт время, конечно.

Много лет назад Паран ответил бы... ничем. Склонявшийся перед правилами, писаными и неписаными. Он просто бы перетерпел. Но он насквозь промок и нуждался в горячей ванне. Устал. И Паран уже проходил через нечто подобное однажды, давным-давно, на далёком континенте. Тогда, правда, это была женщина-сержант. Те же рыжие волосы, только с усами под носом, но всё равно схожесть была неожиданной, как нож убийцы под рёбра.

Солдат, Футгар, стоял слева от него, на полшага сзади. Парану ничего не оставалось, как шагнуть вправо, и затем ударить того локтем левой руки в лицо. Ломая нос. Мужчина рухнул на землю, как мешок картошки.

Капитан резко села, оборачиваясь, и успела даже встать на ноги к моменту, когда Паран шагнул на неё и сильно ударил в лицо, впечатав костяшки в челюсть. Её глаза закатились, и она рухнула спиной на койку, ломая деревянные ножки.

Разминая руку, Паран огляделся. Футгар был без чувств, как и капитан. Непрекращающийся ливень гарантировал, что снаружи палатки ни звука короткого боя не слышали.

Он подошёл к дорожному сундуку. Не заперто. Паран откинул крышку, отложил в сторону броню и начал копаться в одежде. Вскоре у него было достаточно тряпок, чтобы связать обоих солдат и заткнуть им рты. Оттащив Футгара от входа, он забрал у солдата карманный нож, заточку, кеттру с широким лезвием и меч с пояса. Приготовил комок тряпок для кляпа, приложил его ко рту, чтобы понять, проходит ли достаточно воздуха через сломанный нос. *Даже не близко.* Отложив это ненадолго, он тщательно связал ему запястья и колени, воспользовавшись поясным ремнём, чтобы соединить путы за спиной Футгара. Затем охватил ремнём голову Футгара, плотно стянув на уровне рта, оставляя пространство для вдоха, но не для движений языком. Сможет стонать и рычать, но и не более того.

Так же он связал капитана, затем закрепил кляп из комка ткани полосой материи, оторванной от одной из капитанских рубаш. И, наконец, привязал обоих по разным сторонам лежанки, а саму лежанку к центральному столбу, чтобы помешать им выползти из палатки, что, как он надеялся, даст ему достаточно времени.

Паран нашёл основной проход и направился к большому штабному шатру в центре лагеря. Мимо проходили солдаты, не обращая на него внимания. Это была армия Однорукого, но он всё ещё не видел ни одного знакомого лица, что, впрочем, было не так уж странно – он командовал «Мостожогами», а «Мостожогов» больше не существовало. Почти все эти солдаты были новобранцами из гарнизонов в Крепи, Генабарисе и Натилоге. Прибывшие уже после Паннионской войны. И всё же он ожидал найти хоть кого-то из первой волны, шедшей с ними на Коралл, кого-то, кто побывал в той сокрушительной битве.

Четверо солдат стояли на страже у палатки Дуджека. Пятый маячил неподалёку, удерживая за поводья измазанную в грязи лошадь.

Паран подошёл ближе, вглядываясь в лицо всадника. Знакомое лицо – он нашёл то, что искал. Кавалерия. Всадник из армии Каладана Бруда, как ему казалось – *хотя в этом я могу ошибаться. Так как же его звали?*

Светло-карие глаза уставились на Парана, когда тот приблизился. Под тенью капюшона промелькнуло узнавание, затем удивление. Солдат выпрямился и отдал честь.

Паран покачал головой, но было уже слишком поздно. Четверо стражников тоже смотрели на него. Паран ответил невнятным жестом, после чего приблизился к всаднику.

– Солдат, – тихо спросил он, – ты меня знаешь? Будь добр, отвечай тихо.

Кивок.

– Капитан Ганос Паран. Я не забываю имена и лица, сэр, но мы слышали, что вы...

– Да, так оно и есть. Твоё имя?

– Хурлокель.

– Теперь вспомнил. Ты по случаю был хроникёром, верно?

Тот пожал плечами.

– Я записываю всякое, да, сэр. Что вы здесь делаете?

– Мне нужно поговорить с Дуджеком.

Хурлокель глянул на стражников и нахмурился.

– Пойдёмте, сэр. Не обращайтесь на них внимания, они новички, так что ещё не знают всех офицеров.

Ведя за собой лошадь, Хурлокель увёл Парана прочь, вниз по переходу, где они остановились.

– Хурлокель, – спросил Паран, – почему палатку Дуджека охраняют зелёные юнцы? Это бессмысленно. Что случилось, и почему вы разбили лагерь вне Г'данисбана?

– Да, сэр, нам пришлось нелегко. Видите ли, всё дело в чуме; целители легиона спасают нас от неё, но что она сделала с Семью Городами... боги, капитан, десятки тысяч тел. Может, даже сотни тысяч. В каждом городе. В каждой деревне. В лагерях – повсюду, сэр. С нами был Золотой морант, знаете, ну, вроде перебежчик. Так вот, в Г'данисбане есть храм. Главный храм Полиэль, именно оттуда идёт чумной ветер, и он всё сильнее.

Хурлокель прервался, чтобы стереть дождевую воду с глаз.

– И Дуджек решил ударить в самое сердце, верно?

– Так точно, сэр.

– Продолжай, Хурлокель.

– Мы прибыли месяц тому, и Первый Кулак собрал отряды из ветеранов вместе с Золотым морантом. Они должны были ударить по проклятому храму. Ну, они ожидали, по меньшей мере, Высшую жрицу или что-то вроде того и были готовы к этому. Чего никто не ждал, так это лично Серой Богини.

Глаза Парана расширились:

– Кто-то выбрался?

– Почти все они, сэр, не считая Золотого моранта. Но... они все больны, сэр. Чума добралась до них всех, и они до сих пор живы лишь благодаря целителям... только целители уже проигрывают бой. Такие дела. Мы застряли, и ни у кого не хватает пороха принять командование и что-то решить. – Хурлокель замешкался, затем прибавил: – Разве только вы сами здесь за этим, капитан. Очень надеюсь на это.

Паран отвернулся:

– Официально я мёртв, солдат. Дуджек вышвырнул нас из армии, меня и немногих других...

– «Мостожогов».

– Да.

– Что ж, сэр, если кто и заслужил отдохнуть на солнышке...

Паран поморщился:

– Да уж, я уверен, что солнце где-то там есть. Так или иначе, вряд ли я могу командовать. Я всего лишь капитан...

– С абсолютным старшинством, сэр. Дуджек взял офицеров с собой – они же были ветеранами. Так что у нас здесь в лагере около десяти тысяч солдат, а за старшего – капитан Речушка, она же «Фаларская Принцесса», представьте себе.

– Рыжеволосая?

– Как огонь, да, хорошенькая...

– С разбитой челюстью. Мы встречались.

– Разбитой челюстью?

– Это была неприятная встреча. – Паран некоторое время колебался, затем выругался и кивнул. – Ладно, я сохраню чин капитана... со старшинством. Но мне нужно новое имя...

– Капитан Добряк, сэр.

– Добряк?

– Старые солдаты пугают им новобранцев, как бабушки пугают детишек чудищами. Никто здесь его в лицо не знает. По крайней мере, из тех, кто не болен и в своём уме.

– Ладно, куда был приписан Добряк?

– К Четырнадцатой, сэр. Армия адъютанта на западе Рараку. С какой стороны вы пришли?

– С запада.

– Отлично, сэр. Тогда считаем, что я вас узнал. Никто ничего обо мне не знает, кроме того, что Первый Кулак гонял меня с посланиями.

– И почему тогда я позволил двум солдатам арестовать меня, если я пришёл взять на себя командование?

– А вы позволили? Что ж, видимо, хотели проверить, как здесь идут дела.

– Ладно. Ещё вопрос, Хурлокель. Почему ты до сих пор не с Каладаном Брудом в Генабакисе?

– Сэр, союз распался вскоре после того, как тисте анди заняли Чёрный Коралл. Рхиви вернулись на равнины, баргасты в горы. Багровая Гвардия, что была на севере, просто исчезла – никто не знает, куда они ушли. Когда Однорукий отплывал, казалось, мы движемся к чему-то интересному.

– Сожалеешь?

– На каждом ударе сердца, сэр. – Хурлокель нахмурился: – Говорите, челюсть разбита у капитана Речушки?

– Я её ударил. И ещё какого-то солдата по имени Футгар. Они связаны в капитанской палатке. Могли уже прийти в себя.

Всадник ухмыльнулся, и это была ухмылка не из приятных.

– Капитан, вы вырубili «Фаларскую Принцессу». Это шикарно. Это прямо то, что люди слышали о Добряке. Прекрасно.

Паран вздрогнул и потёр лицо. *Боги всемогущие, да что ж это у меня со знатью?*

Она неторопливо вышла из потаённого храма, чтобы увидеть, как по дороге вниз тянется разрозненная толпа оборванных людей. Спускаясь по пыльному каменистому склону, она уже была в пятнадцати шагах, когда её наконец-то заметили. Странной же была эта встреча – взгляд выживших глаза в глаза, узнавание и недоверие. Принятие, некое чувство общности и глубже – невыразимая тоска. Вслух сказали лишь несколько слов.

Присоединившись к шагающим солдатам, Лостара Йил оказалась бок о бок с капитаном Фарадан Сорт, сообщившей ей кое-что об итогах штурма И'гхатана.

– Ваш Кулак, Тин Баральта, висел на волоске от смерти, если не телом, то разумом. Он потерял руку – полностью сгорела – и получил серьёзные повреждения... лица. Самовлюблённый был человек, как по мне.

– Его треклятая борода, вечно умащённая маслами, – пробурчала Лостара.

Она задумалась о Тине Баральта. Он никогда ей не нравился. Не просто самовлюблённый. Откровенно говоря, несмотря на демонстративную воинственность, он был трусом. Она помнила, как он вёл отступление после убийства старшей Ша'ик и как рвался присвоить себе любые заслуги, уклоняясь от ответственности за провалы. Была в нём какая-то садистская нотка, и теперь Лостару пугало, во что она вырастет, ведь Тин Баральта всегда любовно вскармливал все свои душевные раны.

– Почему армия бросила всех вас?

Фарадан Сорт пожала плечами:

– Решили, что никто из оставшихся в городе не мог уцелеть в огненном смерче. – Помолчав, она прибавила: – Это было разумное предположение. Только Синн считала иначе, и что-то подсказало мне ей поверить. И мы продолжили поиски.

– Они все в лохмотьях... и безоружны.

– Да, потому нам и надо как можно скорее воссоединиться с армией.

– Синн может магически связаться с Четырнадцатой? Или с Быстрым Беном?

– Я не спрашивала. Я не знаю, сколько её способностей – неразвитый талант. Такие создания являются по случаю и без дисциплины, обучения и ученичества часто становятся воплощениями хаоса. Сила, но не направленная, дикая. Но даже так она смогла защитить стену от огня и спасти легион Кулака Кенеба... ну, некую его часть.

Лостара взглянула на капитана, затем вновь на шагающих солдат и спросила:

– Ты – корелрийка?

– Да.

– И стояла на Стене?

Натянута улыбка мелькнула на лице и исчезла.

– Никому не позволено покинуть этот пост.

– Говорят, Буревестники используют ужасающую магию во время своего непрерывного штурма Стены.

– Вся магия ужасна – беспорядочное убийство, часто с огромного расстояния. Нет ничего более разрушительного для смертного, владеющего такой силой, будь то человек или кто-то другой.

– Лучше смотреть в глаза врагу, когда отнимаешь жизнь?

– По крайней мере, – ответила Фарадан, – так у них есть шанс защититься. А в финале Опонны решают, в чьих глаза угаснет свет.

– Опонны? Я думала, дело в мастерстве.

– Молодая ты ещё, капитан Лостара Йил.

– Неужели?

Фарадан Сорт улыбнулась:

– С каждой следующей битвой моя вера в мастерство уменьшается. Нет, каждый раз либо Госпожа ведёт, либо Господин тащит.

Лостара не ответила. Она не могла согласиться с этим утверждением, даже преодолев гнев на снисходительность другой женщины. Умный и опытный солдат выживает там, где погибают неуклюжие дураки. Милость Опоннов покупается мастерством – как может быть иначе?

– Ты выжила в И'гхатане, – сказала Фарадан Сорт. – Сколько в этом было милости Госпожи?

Лостара задумалась на миг, затем ответила:

– Нисколько.

Однажды, много лет назад, несколько удачливых солдат застряли в огромном болоте. Окровавленные, полубезумные, кожа слезала с них полосами из-за долгих недель блуждания в грязи и чёрной воде. Калам Мехар был среди них, как и трое, идущих рядом, и, судя по всему, с тех пор изменились лишь декорации.

Чернопёсий лес жестоко прорядил «Мостожогов», затянутая кошмарная война шла в зарослях чёрных елей, в старицах и топи, всюду кишели Моттские ополченцы, Первая армия натиев и Багровая гвардия. Выжившие пребывали в оцепенении – отойдя от ужаса, они немедленно впадали в отчаяние, и что бы ни сменяло их, это чувство зарождалось слишком медленно. Оставляя... очень немногое. *«Посмотри только на нас, – вспомнились ему слова Вала, – мы только выдолбленные брёвна. Мы выгнили изнутри, как и всё в этом треклятом болоте»*. Что ж, Вал никогда особым оптимизмом не отличался.

– У тебя задумчивый вид, – заметил Быстрый Бен.

Калам вздохнул, затем поднял глаза.

– Хотел спросить, Бен. Ты когда-нибудь устаёшь от своих воспоминаний?

– Это не лучшая идея, – ответил чародей.

– Да, думаю, не лучшая. Я не просто старею – чувствую себя стариком. Смотрю на всех этих солдат – боги, какие же они молодые! Не считая того, что в глазах. Думаю, мы были такими же когда-то. Только... с той поры и до сего дня, Бен, что мы сделали? Так мало, что, считай, и ничего.

– Должен сказать, я и сам хотел задать тебе пару вопросов, – отозвался Быстрый Бен. – Этот Коготь, Жемчуг, к примеру.

– Тот, что ударил меня в спину? А что с ним?

– Почему ты всё ещё не убил его, Калам? Я о том, что обычно ты не спускаешь такое с рук, верно? Если, конечно, ты не сомневаешься в том, что справишься с ним.

Позади подал голос Скрипач:

– Ночью в Малазе? Это был Жемчуг? Худов дух, Калам, гадёныш болтается с Четырнадцатой ещё с Рараку. Неудивительно, что он так лыбится при виде тебя каждый раз.

– Плевал я на Жемчуга и на его убийство, – тихо сказал Калам. – У нас есть проблемы поважнее. Что на уме у адьюнкта? Что она планирует?

– А кто сказал, что она что-то планирует? – парировал Скрипач. Он нёс в руках ребёнка – девочку, быстро уснувшую с пальцем во рту. – Она гналась за Леоманом, а теперь бежит от чумы, пытается выйти на соединение с транспортным флотом. А потом? Думаю, мы возвращаемся в Генабакис или на полуостров Корел. Старая песня: «солдатом быть, солдатом жить».

– Думаю, ты ошибаешься, – бросил Калам. – Всё очень запутано.

– О чём это ты?

– Ключ в Жемчуге, сапёр, – сказал убийца. – Почему он всё ещё здесь? Зачем следить за адьюнктом? Зачем идти по пятам за Четырнадцатой? Говорю тебе, Скрип, только от Ласиин зависит, что будет делать дальше адьюнкт, только от неё.

– Она нас в покое не оставит, – проговорил Скрипач. – Ни адьюнкт, ни Четырнадцатую. Мы её единственная походная армия, которая не зря так зовётся. Полководцев не осталось – правда, они-то есть, но отдать им честь я могу только по лицу. Кроваво или нет, Тавор покончила с восстанием, а это что-то да значит.

– Скрип, – сказал Быстрый Бен, – война куда больше, чем ты думаешь, и она только начинается. И неизвестно, на какой стороне Императрица.

– Худова плешь, что ты несёшь?

Апсалар заговорила:

– Война между богами, сержант. Капитан Паран говорил об этой войне – и много...

Калам и Быстрый Бен обернулись к ней.

– Ганос Паран? – спросил убийца. – Бен сказал, что оставил его в Даруджистане. Какое он имеет ко всему этому отношение? И когда ты с ним говорила?

Девушка вела коня в поводу в трёх шагах позади Скрипача; в седле расположились трое детей, оцепеневших от жары. В ответ на вопрос Калама она пожала плечами, затем ответила:

– Он – Господин Колоды Драконов. В этой роли он пришёл сюда, в Семь Городов. Мы были на севере Рараку, когда наши пути разделились. Калам Мехар, я не сомневаюсь, что ты и Быстрый Бен в самом центре очередной интриги. Чего бы это ни стоило, я посоветовала бы вам быть начеку. В этой игре слишком много неизвестных сил, и среди них будут Старшие Боги и, наверняка, Старшие народы. Может, вы думаете, что знаете об уровне ставок, но думаю, вы ошибаетесь...

– А ты знаешь? – поинтересовался Быстрый Бен.

– Не полностью, но я умерила свои... устремления... и ограничилась достижимым.

– Теперь ты меня удивила, – заявил Скрипач. – Вот ты здесь, вновь с нами на марше, Апсалар, а я-то представлял, как ты обосновалась в какой-нибудь прибрежной деревушке у Итко-Кана, вяжешь грязные свитерки папаше. Может, ты и бросила Крокуса, но чудится мне, что больше ничего ты не бросила.

– Мы идём всё той же дорогой, – сказала она, – и сейчас, сержант, у тебя нет причин меня бояться.

– А что насчёт нас? – спросил Быстрый Бен.

Она не ответила.

Внезапная тревога зашевелилась в Каламе. Он встретился с Беном глазами, затем отвернулся и поглядел вперёд.

– Давайте просто нагоним сначала проклятую армию.

– Я хочу избавиться от Жемчуга, – сказал Быстрый Бен.

Долгое время все молчали. Чародей не часто высказывал свои желания так... откровенно, и Калам с дрожью осознал, что дела идут не лучшим образом. Возможно, всё безнадежно. Но не всё так просто. *Как на той крыше в Даруджистане: невидимые враги со всех сторон, и ты смотришь, смотришь, а ничего не видишь.*

Жемчуг, бывший когда-то Салк Эланом. Путь Моккра... и клинок, ударом молнии вонзившийся мне в спину. Все думают, что Шик – главный среди Когтей, но интересно мне... ты упавшийся с ним, Калам? Бен сомневается, он предложил помощь. Нижние боги, может, я и правда старею.

– Ты так и не ответил мне, друг, – обратился убийца к Быстрому Бену.

– А о чём ты спрашивал?

– Никогда не устаёшь от воспоминаний?

– Ах, это...

– Так что?

– Ты даже не представляешь, Калам.

Скрипачу не нравился этот разговор. Нет, больше, он его ненавидел, и ему полегчало, когда все снова замолчали, шагая по пыльной дороге, с каждым шагом оставляя этот проклятый разрушенный город всё дальше. Он знал, что должен бы вернуться в строй со своим взводом или двинуться вперёд и попытаться выудить что-то из капитана – эта Фарадан Сорт полна сюрпризов, но стоит ли она доверия? Она спасла им жизни – это без сомнений, – но это ещё не значило, что он должен ей верить. Пока нет, хотя ему и *хотелось*, по какой-то загадочной причине, которую он пока и сам не разгадал.

Маленькая сопливая девочка всхлипнула во сне; крошечная ручка вцепилась в его плечо. Вторую руку она держала у рта, посасывая большой палец с тихим причмокиванием. Малютка казалась ему почти невесомой.

Его взвод уцелел весь. Таким могли похвастаться ещё только Бальзам да, может, Хеллиан. Итого три взвода из скольких? Десяти? Одиннадцати? Тридцати? Солдат Моука стёрли с лица земли – больше не было одиннадцатого взвода, и это число уже не воскресить в будущей истории Четырнадцатой. Капитан всё подсчитала, прибавив тринадцатый сержанту Урбу, и вышло, что взвод Скрипача, четвёртый, был наименьшим по численности. Эту часть девятой роты крепко потрепало, и Скрипач не особо верил в остальные взводы, которые не добрались до Главного Храма. Что хуже, они потеряли слишком много сержантов. Бордук, Мозель, Собелонна, Тагг.

Ладно, что ж, нас потрепало, но мы – живы.

Он отступил на пару шагов назад и продолжил движение рядом с Кораббом Бхиланом Тэну'аласом. Последний выживший из повстанческой армии Леомана – не считая самого Леомана – был неразговорчив, однако хмурое выражение лица выдавало, что мысли его отнюдь не спокойны. У него на плечах восседал костлявый мальчишка, засыпавший на ходу, от чего его голова покачивалась из стороны в сторону.

– Я подумывал, – сказал Скрипач, – записать тебя в свой отряд. У нас вечный недобор.

– Вот так просто, сержант? – спросил Корабб. – Странные вы, малазанцы. Я пока не могу быть солдатом вашей армии, я ведь ещё не насадил ни одного младенца на копье.

– Корабб, подвижной стол изобрели в Семи Городах, а не в Малазе.

– Причём здесь это?

– Я говорю, что малазанцы не насаживают младенцев на копья.

– Разве это не ваш обряд посвящения?

– Кто сказал тебе такую чушь? Леоман?

Воин насупился.

– Нет. Но так поговаривали среди последователей Апокалипсиса.

– Разве Леоман не один из них?

– Думаю, нет. Нет, никогда он им не был. А я был слеп. Леоман верил только в себя. До той мезланской стервы, которую нашёл в И'гхатане.

– Он нашёл себе женщину, да? Неудивительно, что он испарился.

– Он не испарился, сержант. Он ушёл по Пути.

– Просто фигура речи.

– Он ушёл с той женщиной. Я уверен, она уничтожит его, и, скажу я, Леоман того заслуживает. Пусть Синица уничтожит его полностью...

– погоди, – вмешался Скрипач, чувствуя, как внутри поднимается дрожь ужаса, – ты сказал Синица?

– Да, так она себя называла.

– Малазанка?

– Да, высокая и унылая. Смеялась надо мной. Надо мной, Кораббом Бхиланом Тэну'аласом, Вторым после Леомана, пока не стал Третьим, – тем, кого он легко бросил. Умирать с остальными.

Скрипач едва слышал его.

– Синица, – повторил он.

– Знаешь эту ведьму? Колдунью? Соблазнительницу и разрушительницу?

Боги, когда-то я качал её на коленке. Внезапно он понял, что сминает рукой остатки своих опалённых, скрученных волос, не обращая внимания на шишки, не замечая льющихся из глаз слёз. Невидящим взглядом он уставился на Корабба, затем поспешил вперёд, содрогаясь от ужаса... *Синица... сейчас ей около двадцати. Двадцать с чем-то, полагаю. Как же она очутилась в И'гхатане?*

Он протиснулся между Каламом и Быстрым Беном, напугав обоих.

– Скрип?

– Придушить бы Худову змею, – рявкнул сапёр. – Утопить проклятую Королеву Грёз в её проклятом бассейне. Друзья, вы не поверите, кто ушёл с Леоманом через Путь. Вы не поверите, кто делил кровать с Леоманом в И'гхатане. Да вы не поверите ни одному моему слову.

– Поглоти тебя бездна, Скрип, – раздражённо бросил Калам, – о чём ты говоришь?

– Синица. Вот кто теперь на стороне Леомана. Младшая сестра Скворца! И я не знаю... ничего не понимаю... Не знаю, что и думать, мне просто хочется орать, и то не знаю, зачем, нет, я вообще ничего уже не понимаю. Боги! Бен... Калам... Что это значит? Что всё это означает?

– Успокойся, – сказал Быстрый Бен, но его голос был непривычно высоким и напряжённым. – Для нас... Для нас, думаю, это может не значить ничего. Проклятое недоразумение, а даже если и нет, не думаю, что это имеет какой-то особый смысл, вряд ли. Это просто... необычно, вот и всё. Мы были в курсе, что она упрямый маленький демон, много лет как, а уж тебе-то известно это лучше нас с Каламом, мы с ней виделись только раз в Малазе. Но ты был ей вроде дяди, так что тебе стоит кое-что прояснить!

Скрипач уставился на него:

– Я? Ты с ума сошёл, Бен. Только послушай себя! Обвинять меня из-за неё! Я вообще ни при чём!

– Прекратите, вы оба, – буркнул Калам. – Пугаете солдат сзади. Слушайте, мы сейчас все на взводе, переживаем из-за множества вещей, так что не время искать смысл, если он вообще есть. Люди сами выбирают свою жизнь, что им делать и где закончить, это не всегда значит, что их ведут боги. Младшая сестрёнка Скворца теперь любовница Леомана, и они оба прячутся в царстве Королевы Грёз? Отлично, всё лучше, чем толочь кости в пепле И'гхатана, верно? Что скажете?

– Может, да, а может, и нет, – ответил Скрипач.

– Это ещё что значит, во имя Худа? – возмутился Калам.

Скрипач сделал глубокий, тяжёлый вдох.

– Стоило сказать тебе... Это не то чтоб секрет или что-то такое, и мы всегда использовали это как оправдание, чтобы объяснить, какой она была и всё такое. Мы никогда не говорили об этом при ней, конечно, и просто пытались так ослабить...

– Скрипач!

Сапёр вздрогнул в ответ на окрик.

– Теперь всех пугаешь ты...

– Нет ты! И плевать на всех остальных, ты пугаешь меня, Худ тебя побери!

– Ладно. Её родила мёртвая женщина – мачеха Скворца. Она умерла тем утром, а младенец – Синица – ну, роды были долгими, она должна была погибнуть в утробе, если ты понимаешь, о чём я. Поэтому старейшины города отдали её в храм Худа. Отец их уже был мёртв, погиб под Квоном, а Скворец, ну, он заканчивал обучение. Мы были молоды. Так что мы с ним решили прокрасться туда и выкрасть её, но она уже прошла посвящение во имя Худа... Так что мы развеивали его силу, болтая об этом, ха-ха, высмеивая, и она выросла вполне нормальной. Вроде...

Он умолк, стараясь не встречаться взглядом с уставившимися на него мужчинами, затем поскрёб обожжённое лицо.

– Думаю, нам нужна Колода Драконов...

В четырёх шагах позади этой троицы, Апсалар улыбнулась, когда убийца и чародей одновременно ударили сержанта Скрипача. Мимолётная улыбка. Подобные откровения предвещали беду. Скворец всегда был немногословен насчёт того, откуда он родом и кем был прежде, чем стал солдатом. Загадки, погребённые в прошлом, как руины под песками. Когда-то он был каменщиком, каменотёсом. Она многое знала. Нелёгкая работа среди загадочных предсказаний и символов. Строитель курганов, тот, кто создавал цельную историю каждым роскошным монументом, каждым дольменом, возведённым в вечном знаке смирения. Каменщики были среди многих Домов Колоды Драконов, символы одновременно неизменности и её иллюзорности. *Скворец, каменщик, отложивший инструменты ради кровопролития. Вела ли его рука самого Худа?*

Многие считали, что Ласиин в ответе за смерть Дассема Ультора, а Дассем был Смертным Мечом Худа – по сути, если и не по званию – и сердцем растущего культа среди верхушки малазанской армии. Империя не искала себе покровителя среди богов, каким бы заманчивым ни было предложение, в этом Ласиин выбрала единственный мудрый вариант, вероятно, подчиняясь приказу Императора. Исповедовал ли Скворец культ Дассема? Возможно, но она не видела ничего, что говорило бы об этом. Кроме того, он был человеком, напроочь лишённым веры.

Да и вряд ли Королева Грёз допустила бы присутствие воплощения Худа в своём Владении. *Разве только эти двое богов стали союзниками в войне.* От каждого упоминания войны она впадала в тоску, поскольку боги были не менее жестокими и безжалостными, чем смерт-

ные. *Сестра Скворца может оказаться таким же невольным игроком, как и все мы.* Она не была готова осуждать эту женщину, впрочем, как и не могла считать её союзником.

Апсалар вновь задалась вопросом о том, что задумали Калам и Быстрый Бен. Оба они были сильны – каждый по-своему – и обоим было свойственно держаться в тени, оставаясь незаметными. Всё очевидное – всё, лежавшее на поверхности, – неизбежно оказывалось иллюзией, обманом. Когда придёт время выбирать стороны в открытую, скорее всего, они удивят всех.

Двое, которым никто не мог полностью доверять. Двое тех, кому даже боги не могли доверять, если уж на то пошло.

Апсалар понимала, что вступив в этот взвод, шагая среди этих солдат, она оказалась в новой паутине, и не было никаких гарантий, что сможет высвободиться. По крайней мере, вовремя.

Запутанность тревожила её. Апсалар не могла быть уверена, что сумеет избежать схватки с Каламом. *Не боя лицом к лицу, разумеется.* А теперь он был настороже. По сути, она сама его и всполошила. Частично это была бравада, частично – чтобы посмотреть на его реакцию. *И совсем немного... путаницы ради.*

Что ж, путаницы кругом хватало.

Двое неупокоенных ящеров, Кердла и Телораст, держались на расстоянии от солдат, однако Апсалар чувствовала, что они продолжают движение где-то в южных зарослях на склоне. Какими бы ни были их скрытые мотивы, сейчас они просто шли по пятам. Ей было очевидно, что у призраков есть тайные цели, как и то, что эти цели, вероятно, включали предательство на некоем уровне. *И это тоже всех нас объединяет.*

Пока солдаты шагали по каменистой дороге, сержант Бальзам всё время ругался за спиной Флакона. Обожжённые сапоги просили каши, жалкие тряпки, прикрывавшие тела от раскалённого солнца... – Бальзам перечислял несчастья, обрушившиеся на всех, выбравшихся из И'гхатана. Их шаг замедлялся, когда острые камни врезались в кожу босых ног, солнце же возводило стену невыносимого жара перед ними. Жестокая, выматывающая борьба за каждый шаг.

Флакон обнаружил, что из всех солдат взвода он сам несёт не детей, а крысу с потомством. Мать уселась на его плече, а крысята прятались в обрывках ткани на сгибе руки. Скорее мерзко, чем забавно, даже он это понимал, но не собирался бросать своих новых... союзников.

Бок о бок с Флаконом шагали полукровка-сэтиец, Корик. Наново облачённый в кости от человеческих пальцев – и больше почти ни во что. Он привязал фаланги к редким прядям волос, и на каждом шагу они тихонько постукивали и поклацывали, ужасающей музыкой терзая слух Флакона.

Корик нес глиняный горшок с треснутым ободом, найденный в разрытой могиле. Несомненно, он планировал раздать кости остальным солдатам. *Как только мы наберём достаточно тряпок, чтоб одеться.*

Маг уловил постукивание в кустарнике слева. *Проклятые костяные ящерицы. Охотятся на моих разведчиков.* Он не мог понять, кому они принадлежали. Резонно предположить, что ящеры отмечены смертью, а значит, вероятно, были слугами Худа. Он не знал среди взводов никого из магов, кто бы использовал Путь Худа, но, опять же, кто таким хвастается? Может, тот целитель, Смрад, но зачем ему понадобились бы теперь фамильяры? Внизу, в тоннелях, у него их точно не было. Опять же, чтобы призвать и связать двух фамильяров надо быть сильным чародеем или священником. Нет, не Смрад. Кто тогда?

Быстрый Бен. Вокруг этого мага накручено слишком много Путей. Скрипач торжественно пообещал представить Флакона, и этого знакомства Флакон совершенно же жаждал. К

счастью, погружённый в омерзительное умиление воссоединением старых сослуживцев, сержант, похоже, забыл про свой взвод.

– Ещё не проголодался? – спросил Корик.

Флакон встревоженно окинул его взглядом.

– Ты о чём?

– Закусим шашлычком из крысят, а тушёная мамаша будет основным блюдом. Ты ведь для этого взял их с собой?

– Больной ублюдок. Ты псих.

Улыбка, что шла прямо перед ними, оглянулась, чтобы издать противный смешок.

– Неплохо. Можешь прекращать шутить, Корик, ты исчерпал свой лимит на годы вперёд. Кроме того, Флакон не станет есть своих крысят. Он женился на их мамашке и усыновил малышей. Ты пропустил свадьбу, Корик, когда ушёл собирать кости. А жаль – зрелище было трогательным, мы все рыдали.

– А ведь у нас был шанс, – сказал Корик Флакону, – избить её до потери сознания и оставить гнить в тоннелях.

Хороший знак. Всё возвращается на круги своя. Только теперь появился обеспокоенный взгляд. У каждого солдата, который прошёл через погребённые кости И'гхатана. Флакон знал, что в некоторых культурах обряд посвящения включает в себя ритуал погребения и воскрешения. Но если они и пережили перерождение, то оно выдалось слишком суровым. Они не вышли оттуда невинными или очищенными. Что бы там ни произошло, бремя казалось только тяжелее. Радость от того, что они выжили, что выскользнули из тени врат Худа, оказалась удручающе недолговечной.

Ощущения должны были быть... другими. Чего-то не хватало. «Мостожоги» были выковынаны среди песков священной пустыни Рараку – *не стал ли И'гхатан нашей наковальней?* Кажется, для этих солдат закалка проходила слишком долго, сделав что-то внутри них искореженным и хрупким. Такое впечатление, что ещё один удар – и они разлетятся на маленькие осколки.

Где-то впереди капитан объявила привал. Её голос вызвал хор из ругательств и стонов облегчения. И хотя тени вокруг было не видать, идти через это пекло было куда хуже, чем сидеть у обочины, давая обожжённым, покрытым волдырями и царапинами ногам отдых. Флакон, спотыкаясь, спустился в канаву и присел на валун. Сквозь щиплющий глаза пот он наблюдал, как Смрад и Мазок ходят среди солдат, стараясь по возможности исцелить их раны.

– Видел капитаншу «Красных клинков»? – спросила Улыбка, присев рядом. – Выглядит так, будто только с парада на плацу вернулась.

– Да не скажи, – заметил капрал Битум. – Повсюду ожоги и следы гари с дымом, чего ещё ожидать.

– Только вот все волосы у неё на месте.

– Так вот отчего ты такая взвинченная? – заметил Корик. – Бедная Улыбка. Ты ведь знаешь, что они уже не отрастут? Никогда. Теперь ты лысая – и останешься такой до конца своих дней...

– Врёшь.

Услышав в её голосе нотки сомнения, Флакон сказал:

– Да врёт он, врёт.

– Я знала. А что насчёт той темноволосой женщины на коне? Её кто-то знает?

– Скрипач её узнал, – сказал Битум. – Наверное, из «Мостожогов».

– У меня от неё мурашки, – сказала Улыбка. – Она напоминает убийцу – Калама. Так и норовит кого-то прирезать.

Думаю, ты права. Да и Скрип был не в восторге от их встречи.

Битум заговорил:

- Корик, когда ты собираешься поделиться фалангами, которые собрал?
- Хочешь получить своё сейчас же?
- Пожалуй, да.

Горло пересохло, кожа покрылась потом, тело била дрожь, но Хеллиан стояла на дороге. Слишком уставшая, чтобы идти, слишком больная, чтобы сесть. Она боялась, что уже никогда не встанет: просто свернётся в маленький подрагивающий клубочек, пока муравьи у неё под кожей не закончат свою работу, пока кожа не слезет с неё, как оленья шкура, пока муравьи победным маршем не покинут её труп, распевая своими тоненькими писклявыми голосками триумфальные песни.

Она знала, что дело в выпивке. Или, скорее, в её нехватке. Мир вокруг был слишком резким, слишком отчётливым. И всё казалось неправильным. Совсем неправильным. На лицах впервые ясно были видны все детали, слишком много деталей, со всеми недостатками и морщинами. Она с потрясением обнаружила, что была не самым старым солдатом, не считая этого уродца, Спрута. Ну, это оказался единственный плюс вынужденной трезвости. Ах, если бы ещё эти проклятые лица пропали куда-то вместе со всеми морщинами. Она была бы куда счастливее. Но ведь нет, постойте, всё совсем наоборот, не так ли? Неудивительно, что она так несчастна.

Уродливые люди в уродливом мире. Вот что понимаешь, когда видишь мир таким, каков он есть. Всё было куда лучше: размытым, отдалённым, настолько отдалённым, что она не замечала вони, пятен, уродливых волосков, торчащих из пор, жалких склок и подозрительных выражений, шёпота за спиной.

Повернувшись, Хеллиан пристально посмотрела на двух своих капралов.

– Думаете, я вас не слышу? Помолчите – или я оторву себе одно ухо, и только попробуйте сделать вид, что вам не будет меня жалко.

Неженка и Дохляк обменялись взглядами, после чего Неженка сказал:

- Мы ничего не говорили, сержант.
- Хорошая попытка.

Проблема была в том, что мир оказался куда больше, чем она себе представляла. Больше щелей, в которых могут прятаться пауки, – больше, чем смертный сможет посчитать за сотни жизней. Чтобы в этом удостовериться, достаточно оглянуться. И прятались не только пауки. Были и мухи, что кусая, откладывали под кожу яйца. Была и гигантская серая моль, что прилетала ночью и обожала поедать струпья с ран, пока спишь. Блохи, которых носил по пустыне ветер. Черви, которые выглядывали из уголков твоих глаз, оставляя красные завивающиеся следы на веке, а подрастая, эти черви вылазят через ноздри. Песчаные клещи и кожаные пиявки, летающие ящеры и жуки, живущие в навозе.

Все её тело кишело паразитами, она это чувствовала. Крошечные муравьи и ползающие под кожей черви. Они впиваются ей в плоть, пожирают мозги. Но теперь, когда сладкий вкус алкоголя пропал, они все рвались наружу. Она ждала, что в любой момент эти ужасные твари извергнутся, выползая из её тела, как из сдувшегося пузыря. Десять тысяч извивающихся тварей, и все как одна жаждут выпивки.

– Я найду его, – сказала она. – Рано или поздно.

– Кого? – спросил Неженка.

– Того сбегавшего жреца. Я найду его, свяжу и набью его тело червями. Запихну их ему в глотку, в нос, в глаза, уши и все другие места.

Нет, она не позволит себе взорваться. Не сейчас. Этот мешок с кожей ещё рано развязывать. Она заключит с червями и муравьями договор, что-то вроде соглашения. Перемирие. Кто сказал, что с жуками дела вести нельзя?

– Жарковато тут, – сказал Неженка.

Все посмотрели на него.

Геслер разглядывал сидевших вдоль дороги солдат. Всё, что не сгорело в пожаре, уже догорало на солнце. В походе солдаты носили одежду как вторую кожу и у тех, чья кожа не была тёмной, был яркий контраст между кистями, лицами и шеями цвета полированной бронзы и бледными руками, ногами и телами. Однако теперь всё бледное обернулось ярко-красным. Из всех бледнокожих солдат, что пережили И'гхатан, только Геслер был исключением. Пустынное солнце, казалось, никак не влияло на его золотистую кожу.

– Боги, этим людям нужна одежда, – сказал он.

Стоящий рядом с ним Ураган хмыкнул. Этим практически ограничивались все его ответы с тех пор, как капрал услышал про смерть Истина.

– Скоро они покроются волдырями, – продолжил мысль Геслер. – А у Смрада и Мазка и так сил на всех не хватает. Нужно нагнать Четырнадцатую. – Он повернул голову, искоса глядя в сторону начала строя, затем встал. – Никто уже не соображает, даже капитан.

Геслер вернулся на дорогу и двинулся к сборищу старых «мостожогов».

– Мы упускаем очевидное, – сказал он.

– Это не новость, – сказал Скрипач. Вид у него был жалкий.

Геслер кивнул в сторону Апсалар:

– Она должна поскакать вперёд, остановить армию. Должна уговорить их привезти нам коней, одежду, броню и оружие. Воду и еду. Иначе, мы даже их никогда не догоним.

Апсалар медленно встала, стряхивая пыль со своих краг.

– Я справлюсь, – тихо сказала она.

Калам встал и посмотрел на капитана Фарадан Сорт, которая стояла рядом.

– Сержант прав. Мы упускаем очевидное.

– Вот только нет никаких гарантий, что они ей поверят, – ответила спустя некоторое время капитан. – Возможно, если кто-то из нас одолжит у неё лошадь...

Апсалар нахмурилась и пожала плечами.

– Как вам угодно.

– Кто наш лучший ездок? – спросил Калам.

– Масан Джилани, – сказал Скрип. – Она, конечно, из тяжёлой пехоты, но всё-таки...

Фарадан Сорт прищурилась и осмотрела дорогу.

– Из какого она взвода?

– Из тринадцатого, Урба, – уточнил Скрипач. – Вот там стоит, высокая. Далхонка.

Миндалевидные глаза Масан Джилани сузились при виде приближавшихся старых солдат.

– У тебя проблемы, – сказал Воришка. – Ты что-то натворила, Джилани, и теперь они идут по твою душу.

Выглядело всё именно так, и поэтому Масан не ответила на слова Воришки. Она попыталась вспомнить всё, что недавно делала. Много разного, но на ум не приходило ничего такого, о чём могли узнать спустя столько времени.

– Эй, Воришка, – сказала она.

Солдат поднял на неё взгляд.

– Что?

– Помнишь тот керамбит, который лежит в моих вещах?

Глаза Воришки засияли.

– Да?

– Тебе его брать нельзя, – сообщила она. – Его может взять Лизунец.

– Спасибо, Масан, – сказал Лизунец.

– А я всегда знала, – сказала Ханно, – что у тебя на Лизунца виды. Я в таких вещах разбираюсь.

– Нет у меня никаких видов. Мне просто не нравится Воришка, вот и всё.

– Почему я тебе не нравлюсь?

– Не нравишься, и всё.

Как только ветераны приблизились, все затихли. Сержант Геслер, глядя на Масан, сказал:

– Ты нужна нам, солдат.

– Это мило.

Она заметила, как его взгляд скользнул по её почти обнажённому телу, остановился на оголённой груди с большими, тёмными сосками, но потом Геслер быстро сморгнул и вновь посмотрел в глаза.

– Мы хотим, чтобы ты взяла лошадь Апсалар и поскакала к Четырнадцатой. – Это сказал сержант Смычок, или Скрипач, или как его там зовут. Кажется, Геслер утратил дар речи.

– И всё?

– Да.

– Будет сделано. У неё хорошая лошадь.

– Мы хотим, чтобы ты убедила адъютанта, что мы все ещё живы, – продолжил Скрипач. – После этого уговори её отправить нам лошадей и припасы.

– Хорошо.

Женщина, которую предположительно звали Апсалар, вывела свою лошадь вперёд и передала поводья в руки Масан Джилани.

Та вскочила в седло и сказала:

– Ни у кого не завалялось лишнего ножа или чего-то вроде?

Апсалар вытащила нож из-под плаща и протянула ей.

Масан Джилани подняла тонкие брови.

– Кеттра? Сойдёт. Отдам при следующей встрече.

Апсалар кивнула.

Далхонка отправилась в путь.

– Эта долго возиться не будет, – протянул Геслер, глядя, как женщина, выехав из строя солдат, пустила лошадь карьером.

– Ещё немного отдохнём, – сказала Фарадан Сорт, – и выступаем.

– Мы можем просто подождать, – сказал Скрипач.

Капитан покачала головой, но объяснять не стала.

Солнце садилось за горизонт, разливаясь красным светом по небу, словно кровоточащая рана. Небосвод над головой пестрил голосами и движением тысяч птиц, летящих на юг. Они парили так высоко, что едва виднелись с земли – размытые чёрные пятна, мчащиеся вразнобой. Тем не менее, их крики ужаса хором доносились до земли.

К северу отсюда, за грядой крутых, безжизненных холмов и степью, разделённой сезонными пастбищами, равнина плавно опускалась, переходя в покрытый белой коркой солончак. Тысячи лет назад на месте этого болота было плато, но подземные источники и ручьи постепенно вымыли известняк, опустив его. Пещеры, когда-то высокие и бескрайние, обрушились, оставив лишь жалкие остатки, затопленные и поросшие илом. Там, во тьме, стены и сводчатые потолки все ещё пестрели рисунками, а камеры до сих пор хранили в себе окаменевшие кости имассов.

На вершине плато когда-то располагалось маленькое и скромное поселение. Беспорядочно построенные вплотную друг к другу дома, в которых на пике населённости могло уме-

ститься до двадцати семей. Защитные стены были крепкими и цельными, без ворот. Местные жители входили и выходили из деревни по крышам, используя приставные лестницы.

Ядет-Гарат – первое человеческое поселение. Теперь от него остались только покрытые солью и гнилью камни, утонувшие в иле, погрязшие глубоко в болоте. В истории не осталось ничего, кроме бесчисленных производных от его древнего названия. Что касается тех, кто там жил и умер, – ни их истории, ни их кости до нас не дошли.

Деджим Нэбрал вспомнил рыбаков, которые поселились на этих руинах, построили на иле свои убогие лачуги, лавировали среди местных вод на круглых кожаных лодках и ходили по высоким деревянным платформам между протоками в болоте. Они не были выходцами из Ядет-Гарата и понятия не имели о том, что кружится под слоями чёрного ила, и это само по себе было неоспоримым подтверждением того, что память о первом городе выветрилась и умерла. Вокруг не было ни одного живого дерева, каким бы уникальным и первобытным ни был Ядет-Гарат. Нет, лес там был, но вновь и вновь деревья, треща прогнившими стволами, падали и исчезали в безвоздушной грязи.

Деджим Нэбрал вспомнил рыбаков, чья кровь отдавала привкусом рыбы и моллюсков. Скучных, напыщенных и замутнённых тупостью. Если мужчины и женщины не могут или не хотят помнить, они заслужили всё то, что их ждёт. Смерть, уничтожение и опустошение. Не бог осудил их, а мир; сама природа стала судьёй. Взямая плату за этот сговор безразличия, что так страшит и сбивает с толку человечество.

Земля убывает. Вода подступает. Приходят дожди, а после никогда не приходят вновь. Леса гибнут, вновь вырастают, и опять гибнут. Мужчины и женщины ютятся со своим потомством по тёмным комнатам, запоздало начинают о чём-то просить, в их глазах отражается беспрекословное поражение. И вот они – потрескавшиеся серо-белые пятна под слоем чёрного ила, такие же неподвижные, как звёзды на давно погасшем ночном небосводе.

Выполнять волю природы, исполнять приговор – такова была цель Деджима Нэбрала. За забывчивыми даже собственная тень ведёт охоту. За забывчивыми смерть всегда приходит неожиданно.

Т'рольбарал вернулся к Ядет-Гарату, как будто ведомый отчаянным инстинктом. Деджим Нэбрал умирал от города. С момента стычки с магом у каравана скитания завели его в земли, изъеденные гниением и смертью. Вокруг не было ничего, кроме раздувшихся, почерневших от болезни трупов. Таким он насытиться не мог.

Сознание д'иверса уступило примитивному порыву, ужасному зову, который тянул его по пути старых воспоминаний, туда, где он когда-то пировал, выливая себе в глотки свежую, горячую кровь.

От Канарбар-Белида осталась лишь пыль. Некогда великий город на горном утёсе, Витан-Таур – даже тех скал уже нет. Россыпь черепков, сбитых в гравий, – все, что осталось от Миникенара, некогда процветающего города на берегах давно пересохшей реки. От целой цепочки деревень к северу от Миникенара не осталось ни следа. Деджим Нэбрал уже начал сомневаться в ясности своих воспоминаний.

Ведомый далее через обточенные ручьями холмы к зловонному болоту, ищущий очередную деревушку рыбаков... Но тогда, столетия тому назад, он был очень тщательным. И никто с тех пор не занял место его жертв. Возможно, на болоте присутствовал какой-то тёмный дух, навеивая отпугивающую пелену. Возможно, каждый пузырь газа, что лопается тут, несёт отголоски древних воплей и криков, от чего проплывающие рядом островитяне-лодочники жестами предупреждают друг друга об опасности и резко поворачивают румпель.

Ослабевший, лихорадочный Деджим Нэбрал бродил по загнивающим землям.

Пока до него не донёсся едва ощутимый запах.

Зверь – и человек. Чёткий, живой запах. И так близко.

Т'рольбарал, кошмарные твари, отбрасывающие пять теней, подняли головы и, прищурившись, уставились на юг. Туда, прямо за холмы, на покрытую трещинами тропу, которая когда-то была дорогой на Миникенар. Закат опустился на землю, и д'иверс отправился в путь.

Масан Джилани заставила свою лошадь замедлить галоп, как только тени сгустились, указывая на скорое наступление ночи. Дорога перед ней лежала подлая – то камень, то узенькая канава, вымытая дождём. Прошло так много лет с тех пор, как она в последний раз скакала верхом без доспеха. Сейчас на ней была только набедренная повязка, и мыслями она вновь очутилась на далхонских равнинах. Тогда она весила меньше. Высокая, гибкая, смуглая и сияющая своей невинностью. Тяжесть её полной груди, выпуклости на бёдрах и округлость живота – все это появилось куда позже, после рождения двух детей, которых она оставила на воспитание своим маме, тётям и дядям. У каждого взрослого, будь то мужчина или женщина, есть право выбрать путь странника. Раньше, до того, как Империя покорила далхонцев, такой выбор делали редко, и дети, росшие в окружении родных, под чуткой опекой шаманов, повитух и поплечниц, редко ощущали тоску по родителям.

Конечно, Малазанская империя всё изменила. И хотя многие взрослые члены племени оставались даже во времена Масан Джилани, всё больше мужчин и женщин с юного возраста отправлялись познавать мир. Детей рождалось меньше. Полукровок стало много, ведь воины возвращались домой со своими новыми жёнами или мужьями, привнося в жизнь далхонцев всё новые и новые традиции. Только одно было и остаётся неизменным. *Мы всегда возвращаемся домой. Когда путешествие подходит к концу.*

Она скучала по роскошным зелёным лугам. По молодым и свежим ветрам. По серым тучам перед дождём, по грому, идущему по земле, когда дикие стада отправляются в свою ежегодную миграцию. И по езде верхом. Она всегда выбирала сильных, почти необузданных скрещённых далхонских жеребцов. По едва заметным следам того, что они происходят от зебр, тонко играющим на их шкуре, будто луч солнца на травинке. Звери, которые в любой момент могут пуститься в галоп или начать брыкаться. Скучала по их красным от чистой злобы глазам, когда они норовили её укусить. О, как же она любила этих лошадей!..

Ездовая лошадь Апсалар, конечно же, была куда более чистых кровей – долговязая и грациозная. Масан Джилани не могла не заметить, как гладкие мускулы скакуна играют под ней, и какой осмысленный взгляд в его тёмных, водянистых глазах.

Тьма сгустилась, и лошадь неожиданно шарахнулась, поднимая голову. Испугавшись, Масан Джилани потянулась за кеттррой, которую сунула в складку седла.

Тени, окружавшие её, обрели форму и набросились. Лошадь, крича, встала на дыбы, её кровь брызнула во все стороны.

Масан Джилани покатила назад и сложила в кувырок, падая с крупа пошатнувшегося зверя, аккуратно приземляясь в полуприседе. Она полоснула ножом вправо от себя, откуда на неё бросилась переливающаяся в полумночном свете тварь. Масан почувствовала, как лезвие вошло глубоко в тело, пройдя через две вытянутых лапы. Неистовый вопль боли. Существо отшатнулось, встало на четвереньки, припадая на изувеченные передние лапы. Перекинув клинок в обратный захват, она наскочила на тварь и вогнала нож в её чешуйчатую, кошачью шею. Тварь рухнула под давлением её голеней.

Слева раздался тяжёлый звук – это лошадь упала на бок, раздираемая ещё четырьмя такими демонами. Её ноги спазматически бились, а когда беднягу перевернули на спину, разрывая живот, – беспомощно местили воздух. Ужасающая сцена пожирания внутренностей сопровождалась не менее ужасающими рыками.

Перескочив через мёртвого демона, Масан Джилани побежала во тьму.

Один из демонов погнался за ней.

Он был слишком быстр. Звуки его шагов сзади звучали всё ближе, пока, в один миг, не затихли.

Она нырнула в тяжёлый, обещающий оставить пару ушибов, кувырок, краем глаза заметив размытые очертания длинного тела демона, что пронёсся над ней. В полёте Масан Джилани полоснула вперёд ножом, перерезав сухожилия на правой задней ноге существа.

Оно пронзительно завопило, накренившись в полёте. Раненая нога согнулась пополам, а тело по инерции развернуло.

Масан Джилани метнула нож. Увесистый клинок угодил остриём в плечо демона. Лезвие дошло до лопатки, отскочило от кости и улетело в ночь.

Вскочив на ноги, далхонка бросилась вслед за ним, перепрыгнув через брызжущего слюной зверя.

Коготь прошёлся по левому бедру, выбив её из равновесия. Масан неуклюже рухнула на каменистый склон. Плечо онемело от удара. Тело начало сползать вниз, прямо в лапы демону, но Масан упёрлась ногами в склон и начала карабкаться вверх, осыпая с каждым шагом горстки песка и гравия.

Острое лезвие вспорол её левую кисть до кости. Она нашла кеттру, упавшую на склон. Хватая рукоять неожиданно скользкими пальцами, Масан Джилани продолжила отчаянно карабкаться наверх.

Демон, оставшийся позади, совершил ещё один скачок, оказавшись очень близко, но земля поехала под ногами, и он с грохотом покатился вниз вместе с камнями и пылью, шипя и брызжа слюной.

Добравшись до вершины, Масан вскочила на ноги и побежала вслепую, почти ничего не видя во тьме. Она слышала, как демон вновь попытался погнаться за ней, но склон вновь осыпался дождём из камней и гальки. Впереди едва виднелся какой-то овраг, глубокий и узкий. В двух шагах от него она бросилась на землю, услышав оглушающий вой.

Второй вой отозвался, грохотом отдаваясь от скал, он звучал, словно тысячи душ нырнули в бездну. По телу Масан Джилани прокатился леденящий ужас, высасывающий все силы и волю к борьбе. Она лежала на камнях, поднимая дыханием облачка пыли перед лицом. Широко открытые глаза не видели ничего, кроме кучи булыжников на краю оврага.

Откуда-то снизу, оттуда, где умерла её лошадь, донеслось шипение трёх, ну, может, четырёх глоток. И в этом жутком, почти человеческом шипении, слышались нотки страха и паники.

Тьму вспорол третий вой, идущий откуда-то с юга, достаточно близко, чтобы она перестала трезво соображать. Масан поймала себя на том, что вытягивает руки, сгребая правой рукой щебень, а левой сжимая рукоять кеттры настолько, насколько это было возможно с её залитой кровью рукой.

Не волки. Боги милостивые. Были точно не волки...

Внезапно она услышала тяжёлое дыхание справа, слишком близко к себе. Масан невольно повернула голову и по её парализованному телу, будто пустившему в землю корни, пробежал холод. Волк-но-не-волк спускается по крутому склону и бесшумно приземляется на тот же широкий выступ, на котором лежит Масан Джилани. Волк – но громадный, размером с далхонского жеребца, тёмно-серый или даже чёрный, во тьме не разобрать. Зверь замер и некоторое время стоял неподвижно, в полный рост, пристально следя за чем-то, что было впереди, на дороге.

Затем зверь повернул свою громадную голову, и Масан Джилани поняла, что смотрит прямо в блестящие, янтарные глаза. Два парных провала, ведущих в безумие.

Сердце перестало биться. Она не могла сделать и вдоха, не могла даже взгляд оторвать от смертельного взора этого создания.

Потом глаза медленно, очень медленно начали закрываться, оставив лишь тончайшую щель, после чего голова вновь развернулась к дороге.

Зверь направился к гребню. Он некоторое время смотрел вниз, а потом рванул туда и исчез из виду.

Её лёгкие неожиданно наполнились пыльным воздухом. Масан закашлялась. Не в силах сдержаться, женщина свернулась в клубок, продолжая тяжело кашлять и давиться, сплёвывая комки шероховатой мокроты. Она была беспомощна и отдавала себя, отдавала *всё* на растерзание судьбы. Все ещё кашляя, Масан Джилани ждала, что зверь вернётся, схватит её своими массивными челюстями, трепанёт ими разок, достаточно сильно, чтобы сломать ей шею или спину, а потом прогрызёт грудную клетку и разорвёт внутренности.

Постепенно возвращая себе возможность нормально дышать, она всё ещё лежала на мокрой от пота земле, то и дело содрогаясь.

Где-то далеко над головой, в темноте ночного неба, она слышала крики птиц. Тысячи, нет, десятки тысяч голосов. Она и не знала, что птицы летают по ночам. Небесные голоса, улетающие на юг так быстро, как только могли нести их крылья.

Рядом с ней... Тишина.

Масан Джилани перевернулась на спину, уставившись вверх, в темноту, чувствуя, как по её рассечённому бедру течёт кровь. *Жду не дождусь, когда смогу рассказать об этом Лизунцу и остальным...*

Деджим Нэбрал нёсся сквозь ночь. Трое тварей со всех ног, четвёртая ковыляла следом, отставая всё больше и больше. Он был слишком слаб, ослеплён голодом, утратил всю прыть. И теперь ещё один из д'иверсов погиб. Убит обычным человеком, без особых усилий. И этот же человек покалечил ещё одного их брата, лениво швырнув ножик.

Т'рольбаралам нужна еда. Лошадиная кровь едва начала утолять безграничную жажду, но с ней вернулся шёпот силы, вернулся здоровый ум.

На Деджима Нэбрала вели охоту. Сам факт был возмутительным. Вонь этих тварей неслась по ветру, казалось, отовсюду – только не спереди. Т'рольбаралы резко ощущали ярость и жажду убийства древних созданий, что гнались за ними. Но что же это за звери?

Четвёртый брат, отстающий уже на пол-лиги, ощущал близость преследователей, бежавших во тьме. Они не уступали т'рольбаралу в скорости, но, казалось, приближаться и добивать раненого д'иверса тоже не собирались. Они дали о себе знать воем, но с тех пор – ничего. От преследователей осталась лишь ощутимая близость их присутствия.

Казалось, они играют с Деджимом Нэбралом. Это вгоняло т'рольбарала в бешенство, жгло его сердца, как кислота. Если бы они были здоровы, если бы их вновь было семеро, а не трое с калекой, о, эти враждебные твари познали бы боль и ужас. Даже сейчас Деджим Нэбрал обдумывал, не устроить ли засаду, используя раненого брата как приманку. Но риски были слишком велики, ведь он не знал, сколько охотников прячется во тьме.

И поэтому выбора не было. Отчаянно бежать, словно зайцы, беспомощно принимая участие в этой абсурдной игре.

Для первых трёх братьев запах преследователей становился всё слабее. И вправду, немногие могут состязаться с Деджимом Нэбралом в скорости на большой дистанции.

Казалось, охотники будут довольствоваться раненым братом, позволив д'иверсу разглядеть их, пометить для остальных братьев, чтобы, когда настанет час, на них обрушилась месть.

Однако эти таинственные твари не показывались. Не набрасывались на четвёртого брата. И даже он начинал слабее ощущать их запах.

Чушь какая-то.

Деджим Нэбрал замедлил темп, заинтересованный, удивлённый и переполненный подозрениями.

От облегчающей прохлады до крепчающего холода – ночь опустилась на ковыляющих солдат, вызывая новую волну жалобного ропота. Неся на руках спящего ребёнка, Скрипач шёл на два шага позади Калама и Быстрого Бена, а за ним, почти бесшумно, ступала Апсалар.

Это было лучше, чем палящее солнце и жара... но ненамного. Всё тепло, которое могло исходить из тела, моментально улетучивалось через ожоги и волдыри на плечах. Самых пострадавших трясла лихорадка, и для них теперь, как для ребёнка, который заблудился в лесу, в каждой тени таились привидения. Уже дважды за последние сто шагов один из солдат начинал визжать от страха, заведя во тьме огромные движущиеся тени. Переваливающиеся с ноги на ногу, уверенно прущие вперёд, сверкая глазами, словно угольками цвета помутневшей крови. Это со слов Подёнки, удивившей всех поэтическим слогом этой фразы.

Но, как и страшилки, порождённые сознанием перепуганных детей, создания, пугавшие солдат, так и не приблизились, так и не показались. Хотя и Подёнка, и Гальт уверяли, что видели... что-то. Движущиеся параллельно отряду тени, но – быстрее, они почти сразу оставили солдат позади. Лихорадка шутит с нами шутки, вновь заверил себя Скрипач, вот и всё.

И всё же он чувствовал, как внутри нарастает тревога. Как если бы у них вправду появились спутники – там, во тьме, вдоль этой старой дороги, среди канав, оврагов и следов обвалов. Недавно ему показалось, что он слышит голоса в отдалении, будто идущие сверху, с ночного неба, но с тех пор они исчезли. Так или иначе, нервы у него стали ни к Худу. Наверное, от усталости или от лихорадки, что медленно одолевает разум.

Впереди Быстрый Бен неожиданно повернул голову и уставился направо, вглядываясь во тьму.

– Там что-то есть? – тихо спросил Скрипач.

Маг окинул его взглядом, вновь отвёл глаза и ничего не сказал.

Десять шагов спустя, Скрипач заметил, как Калам достаёт длинные ножи из ножен.

Дерьмо.

Он замедлил ход, чтобы поравняться с Апсалар, и уже было начал говорить, но она опередила его.

– Будь наготове, сапёр, – тихо сказала она. – Не думаю, что нам есть чего опасаться... но я в этом не уверена.

– Что там? – спросил он.

– Часть сделки.

– И что это значит?

Апсалар неожиданно задрала голову, будто бы вдыхая воздух, её тон сменился на жёсткий, и она громко скомандовала:

– Всем сойти с дороги, строго по южную сторону. Живо.

Вслед за приказом, вдоль древней дороги зазвучал тонкий шёпот страха.

Невооружённые, без брони – худший кошмар любого солдата. Пригнувшись, малазанцы вжимались в тень, широко раскрыв глаза, боясь лишний раз моргнуть или громко вздохнуть, они напряжённо ждали, пока из тьмы донесётся какой-то звук.

Скрипач, держась как можно ниже, направился к своему взводу. Если что-то шло по их душу, ему хотелось умереть среди своих солдат. Чувство чьего-то присутствия сзади нарастало всё больше, пока Скрипач, обернувшись, не увидел Корабба Бхилана Тэну'аласа. Воин держал в руках толстую, похожую на дубину, палку, слишком толстую для ветки, скорее напоминавшую стрелковой корень какой-то древней гульдиндхи.

– Где ты это взял? – шёпотом спросил Скрипач.

В ответ воин лишь пожал плечами.

Добравшись до своего взвода, сержант остановился. К нему подполз Флаконт.

– Там... – прошептал солдат, – демоны. – Он дёрнул головой, указывая на север от дороги. – Сначала я подумал, что это отголоски морского зла, того, что спугнуло птиц с соляных болот за заливом...

– Отголоски чего? – спросил Скрипач.

– Но это были не они. Что-то намного ближе к нам. Мой ризан летал недалеко оттуда – он наткнулся на зверя. И до Худа огромного зверя, сержант. Что-то среднее между волком и медведем, только вот размером с быка бхедерина. Он направлялся на запад...

– Ты ещё держишь этого ризана, Флаконт?

– Нет, он был слишком голоден и смог вырваться. Я ещё не полностью оправился, сержант...

– Не важно. Попытка была хороша. Так значит, медведеволк или волкобхедерин направлялся на запад...

– Так точно. От нас всего в пятидесяти шагах, он не мог нас не заметить, – сказал Флаконт. – Да и мы не то чтобы крались, верно?

– Значит, ему до нас дела нет.

– Возможно, пока нет, сержант.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, я отправил накидочника разведать дорогу впереди, он был нужен мне, чтобы проверить воздух. Они могут ощущать движущиеся объекты по колебаниям в воздухе и тепловому излучению. Чем холоднее ночь, тем дальше видны тепловые импульсы. Накидочники используют эту систему, чтобы избегать ризанов, хотя это не всегда...

– Флаконт, я тебе не натуралист. Что ты увидел, услышал или как-то ещё почувствовал через этого накидочника?

– Ну, впереди нас тоже звери, и они быстро приближаются...

– Больше спасибо, что решил не упускать эту малюсенькую деталь, Флаконт! Рад, что ты вообще до неё дошёл!

– Тише, эм, сержант. Прошу. Я думаю, нам стоит просто затаиться – что бы ни происходило, это всё не имеет к нам никакого отношения.

Раздался голос Корабба Бхилана Тэну'аласа:

– Ты в этом уверен?

– Ну, нет, но это было бы логично...

– Если только они не заодно, не готовят нам ловушку...

– Сержант, – сказал Флаконт, – мы не настолько важны.

– Может, ты и не важен, но с нами Калам, Быстрый Бен, а также Синн и Апсалар...

– Мне о них почти ничего не известно, сержант, – сказал Флаконт, – но вам, возможно, стоит предупредить их об опасности, если они сами ещё не в курсе.

Если Бен всё это не учуял, он заслуживает того, чтобы его маленькую головёшку оторвали.

– О них не беспокойся, – разворачиваясь, Скрипач прищурился и уставился в темноту к югу от них. – Может, мы сможем перебраться в более надёжное укрытие? От этой канавки никакого проку не будет.

– Сержант, – прошипел Флаконт, напряжённым голосом, – мы не успеем.

Параллельно друг другу, держа дистанцию в десять шагов между собой, двигались трое д'иверсов. Один – по центру дороги, двое других – по боковым канавам. Деджим Нэбрал скользил, припав низко к земле, наклонив кончики кожаных ушей и пристально всматриваясь вперёд.

Что-то пошло не так. Отставая на пол лиги от первых трёх, плёлся четвёртый брат, ослабленный кровоточением и измученный страхом. Если охотники и продолжали погоню, то никак

о себе не напоминали, соблюдая абсолютную тишину. Особь остановилась, припала к земле, мотая головой, пристально всматриваясь во тьму.

Ничего. Никаких движений, кроме порхающих ризанов да накидочников.

Трое бегущих по дороге уловили неподалёку человеческий запах. Дикий голод перебил все остальные мысли. От них разило страхом, вкус которого пропитывал кровь железными и кислыми нотками. Вкус, ставший для Деджима Нэбрала любимым.

Что-то выпрыгнуло на дорогу в тридцати скачках перед ним.

Огромное, чёрное, до боли знакомое.

Дерагот. Невозможно! Они давно исчезли. Поглощены созданным ими же кошмаром. Всё это неправильно.

Неожиданный вой раздался далеко на юге, далеко позади четвёртого брата, в ужасе сжавшегося от звука.

Трое первых д'иверсов разделились, не сводя глаз с одинокого зверя, направляющегося к ним. *Если тварь всего одна, то она обречена...*

Зверь бросился вперёд с неистовым рыком.

Деджим Нэбрал рванул ему навстречу.

Обходящие по бокам д'иверсы развернулись к ещё более громадным силуэтам, выскочившим на них. По два на каждого. Скалясь широко раскрытыми пастьми, Дераготы с громогласным рыком бросились на Деджима Нэбрала. Огромные клыки впились в братьев, разрывая мышцы и круша кости. Перекусывая конечности, вырывая рёбра из груди, прогрызаясь через плоть и шкуру.

Боль, какая боль. Центральный д'иверс взлетел в воздух навстречу бросившемуся на него Дераготу. Но его правая лапа угодила в огромные челюсти, которые рывком вынудили Деджима Нэбрала повиснуть в воздухе. Суставы лопнули на разгрызенных до осколков костях.

Рухнув на землю, Деджим попытался развернуться, впиваясь когтями в широкую голову нападавшего. Он зацепил один глаз, вырвал его, и тот улетел во тьму.

Дерагот отскочил, визжа от боли.

Но вторая пара челюстей сомкнулась сзади, на шее твари. Клыки впились глубже, ломая хрящи и кости. Всё залило кровью.

Кровь хлынула по горлу Деджима Нэбрала.

Нет, всё не может так кончиться...

Двое других братьев тоже умирали, раздираемые Дераготами на куски.

Далеко на западе единственный выживший, дрожа, припал к земле.

Псы пришли за ним. Трое появились перед последним из д'иверсов. Но за секунду до броска все трое резко отвернулись. Отвлекающий манёвр? Значит...

Волчьи челюсти впились сзади в шею Деджиму Нэбралу, подняли д'иверса высоко над землёй.

Т'рольбарал ждал, когда челюсти сомкнутся, добьют его. Но этого не произошло. Вместо этого державший его в зубах зверь быстро понёсся куда-то. Его родичи не отставали. На запад, на север, а со временем развернувшись на юг, в сторону пустошей.

Неутомимые, они продолжали нестись сквозь холодную ночь.

Ощущая свою беспомощность в захвате челюстей, последний д'иверс Деджима Нэбрала не сопротивлялся, так как в этом не было смысла. Его не ждёт быстрая смерть, очевидно, что у этих существ на него какие-то планы. Он осознал, что в отличие от Дераготов, у этих Гончих есть хозяин.

Хозяин, у которого есть причины сохранить Деджиму Нэбралу жизнь.

Интересное волнующее спасение. *Но я всё ещё жив, и это главное. Я ещё жив.*

Ожесточённая схватка подошла к концу. Калам, лежавший рядом с Быстрым Беном, прищурился, но даже так едва мог разглядеть огромные силуэты уходящих на запад от дороги демонов.

– Кажется, их охота ещё не окончена, – пробормотал убийца, вытирая рукой пот, щиплющий глаза.

– Нижние боги, – прошептал Быстрый Бен.

– Слышал тот вой? – спросил Калам, усаживаясь. – Гончие Тьмы, я ведь прав, Бен? Значит, у нас тут ящерокоты, огромные медвепы, вроде того, которого тоблакай убил в Рараку, а теперь ещё и Гончие... чародей, я больше не хочу идти по этой дороге.

– Нижние боги, – вновь прошептал Быстрый Бен.

Госпожа отвернулась от лейтенанта Пореса, когда его патруль попал в засаду во время разведки, двигаясь вглубь суши, в трёх днях пути к западу от И'гхатана. Из всех напастей на его голову свалились умирающие с голоду бандиты. Солдаты отбились, но Арамстос во время стычки обзавёлся сквозной дырой от арбалетной стрелы в левом предплечье, а над его правым коленом красовался порез от меча, достаточно глубокий, чтобы отделить мышцы от кости. Целители его заштопали, срастили изорванную плоть и закрыли раны. Тем не менее, боль продолжала его терзать. Всю дорогу назад, к разбитому на побережье северного моря лагерю, он ехал, лёжа на спине в переполненной повозке, медленно приходя в себя. В лагере к повозке подошёл капитан Добряк.

Ничего не сказав, он забрался внутрь, схватил Пореса за здоровую руку и стащил с тьюфяка. Капитан волок лейтенанта, пока тот спотыкался и пошатывался, то и дело припадая на раненую ногу.

Тяжело хватая воздух ртом, Порес спросил:

– К чему такая спешка, капитан? Я не слышал, чтобы били тревогу...

– Значит, не особо прислушивался, – ответил Добряк.

Порес ошарашено осмотрелся, но ему показалось, что никто вокруг больше не спешит. Не было видно реакции на призыв к оружию, наоборот, лагерь медленно разворачивался, костры разжигались под котлами, а силуэты там и тут кутались в дождевые плащи, пытаясь спастись от леденящего бриза, дувшего с моря.

– Капитан...

– Мои офицеры на валяются без дела, выщипывая волосы из носа, лейтенант. В тех тележках полно по-настоящему раненых солдат, а ты просто мешаешься под ногами. Целители с тобой закончили. Пора хорошенько растянуть слабую ногу. Пора снова стать солдатом, Худ тебя побери, и хватит прихрамывать, лейтенант. Ты подаёшь жалкий пример остальным.

– Прощу прощения, сэр, – весь в поту, Порес изо всех сил пытался не отставать от капитана. – Могу я узнать, куда мы идём?

– Посмотреть на море, – ответил Добряк. – Потом ты вступишь в должность главного караульного, лейтенант. И я сильно рекомендую тебе провести тщательную инспекцию оружия и снаряжения, я, возможно, пройду по постам и лично проверю.

– Так точно.

Впереди, на высоком холме, вглядываясь в серое, покрытое белой пеной море, стояло командование Четырнадцатой армии. Адъюнкты, Нихил и Бездна, Кулак Блистиг, Темул и Кенеб, и, слегка поодаль от всех, укутанная в длинный кожаный плащ Ян'тарь. Прямо за ними стояли вождь Голл и его древний помощник Имрал, а рядом – капитаны Рутан Гудд и Мадан'Тул Рада. Не хватало только Кулака Тина Баральты, но, насколько Порес слышал, тот всё ещё находился в плохом состоянии: кожу лица разъело горящее масло, он лишился руки и глаза. Кроме того, он не подчинялся Добряку, и, как следствие, его никто не выдёргивал с больничной койки.

Рутан Гудд шёпотом рассказывал что-то Мадан'Тул Раде и двоим хундрилам.

– ... просто попадали в море – видите, вон там, где посреди залива волны поднимаются в прибой. Именно там раньше была цитадель. Вокруг неё – насыпь, такой себе остров, соединённый с берегом мостом. Теперь только вон те столбы над гранью прилива и остались. Говорят, причиной послужило уничтожение далеко на севере яггутского анклава...

– Как это могло потопить остров? – спросил Голл. – Ты несёшь какой-то бред, капитан.

– Т'лан имассы уничтожили источник яггутского колдовства. Их лёд утратил свою силу, растаял и поднял уровень воды в океане настолько, что тот попросту поглотил остров, сначала размыл песок, потом добрался и до подножья цитадели. Так или иначе, это произошло тысячи лет тому назад...

– Так ты не только солдат, но ещё и историк? – спросил вождь, осматриваясь.

Янтарные лучи солнца, уходящего в закат, танцевали на его напоминающем маску, раскрашенном татуировками и шрамированием лице.

Капитан пожал плечами:

– Первая карта Семи Городов, что попалась мне на глаза, была картой Фаларского моря. На ней были отмечены все морские течения и все опасные зоны вдоль этого и других берегов, аж до Нэмила. Её бесчисленное количество раз переписывали, но оригинал датируется днями, когда из металла торговали только оловом, медью, свинцом и золотом. У фаларцев богатая история торговых взаимоотношений с Семью Городами, вождь Голл. И в этом есть логика, ведь Фалары находятся аккурат между Семью Городами и Квон-Тали.

Капитан Добряк заметил:

– Странно, Рутан Гудд, ты не похож на фаларца. И имя твоё не фаларское.

– Я родом с острова Бей, Добряк, а этот остров находится у Внешних Глубин. Из всей цепочки островов Бей – самый изолированный. Среди нашего народа ходят легенды, что мы – последние из оставшихся коренных жителей Фалар. Те рыже- и золотоволосые парни, которых вы называете фаларцами, на самом деле потомки завоевателей, что вторглись на Фалары со стороны восточного побережья, с другой стороны Ловцовой бездны, или какого-то неизвестно острова, находящегося в отдалении от описанных морских маршрутов. Правда, сами они уже и не помнят своей родины, а многие и вовсе считают, что всегда жили на Фаларах. Но на наших старых картах остались другие названия. Названия, которые Бей дал другим островам, королевствам и людям. И среди них нет слова «Фалары».

Если адъютант со свитой и разговаривали, Порес ничего не слышал. Голос Рутана Гудда и сильный ветер заглушали всё остальное. Нога лейтенанта пульсировала от боли, да и повреждённая рука, под каким углом её ни держи, не переставала болеть. А теперь, ко всему прочему, пот на ветру стал холоднее льда, так что мороз пробирал лейтенанта до костей. И все его мысли были об одеяле, которое осталось на соломенном тюфяке.

Он мрачно подумал, что иногда бывают такие моменты, когда ему смертельно хочется придушить капитана Добряка.

Кенеб всматривался в беспокойные воды Кокакальского моря. Четырнадцатая обошла Сотку и теперь находилась в тринадцати лигах к западу от города. Время от времени до него доносились обрывки диалога между офицерами, которые стояли у него за спиной, но ветер съедал слишком много слов, и чтобы уловить суть разговора пришлось бы приложить немало усилий. Это скорее всего того не стоило. Среди первого ряда офицеров и магов уже некоторое время царил молчок.

Причиной были усталость и, возможно, ощущение того, что эта ужасная и трагичная глава в истории Четырнадцатой подходит к концу.

Они в ускоренном темпе миновали болота, сначала двигались на запад, потом на север. Где-то в водах этого моря плыл флот из транспортных суден и охранявших их дромонов. Боги,

должен быть способ как-то перехватить их. И тогда измученные легионы смогут отчалить с этого одолеваемого чумой континента.

И уплыть... но куда?

Он лелеял надежду вернуться домой. В Квон-Тали, хоть на время. Перегруппироваться, пополнить состав. Повыплёвывать последние крупинки треклятого песка с этой Худом меченой земли. Он мог бы вернуться к жене и детям, хотя такое воссоединение обязательно принесёт с собой замешательство и тревогу. Слишком много ошибок они допустили в совместной жизни, и даже те редкие моменты встреч всегда несли какую-то горчинку.

Минала. Сестра его жены совершала нередкую для жертв ошибку: она скрывала свои раны, считала побои мужа нормальными и начала думать, что это она в них виновата, а не тот безумец, за которого она вышла.

Убийство ублюдка не решило всех проблем, насколько мог судить Кенеб. Ещё предстояло уничтожить более глубокую и вездесущую гниль, её узлы и нити, сплетённые в хаотическую паутину, со временем пробравшую весь этот проклятый гарнизон. Все жизни сплетены между собой невидимыми, натянутыми нитями, несущими замолчанные обиды и неоправданные ожидания, постоянную ложь и притворство. Понадобилось Восстание масштабом с континент, чтобы всё это разрушить. *А мы ещё не очищены.*

Не нужно было далеко ходить за примером – адъюнкты и эта проклятая армия были вплетены в такую же паутину, наследуя предательство и склоняясь под грузом невыносимой истины о том, что на некоторые вопросы не существует ответа.

Рыночные прилавки ломились от пузатых горшков, замысловато исписанных множеством жёлтых бабочек и едва различимыми силуэтами в илистой реке. Чёрные перья на ножнах. Нарисованные в линию собаки под городскими стенами, каждая из тварей соединена с предыдущей костяной цепочкой. Базар, торгующий реликвариями, предположительно содержащими останки величайших героев Седьмой армии. Бальта, Сна, Ченнеда и Дукера. И конечно же, самого Колтейна.

Когда враги забирают у нас легендарных бойцов, мы чувствуем себя странно... обманутыми, как если бы кража жизни была лишь началом, и теперь крали сами легенды, по-своему искажая их. *Но Колтейн был одним из нас. Как вы смеете?* Такое, по сути, бессмысленное возмущение вырывалось из тёмных узелков его души. Сама мысль сказать это вслух казалась неловкой, абсурдной. Мёртвые всегда примеряют множество обличий, ведь они уже не могут защититься от тех, кто использует или перевирает их историю, историю их поступков. Его мучила эта... *эта... несправедливость.*

Все эти новоиспечённые культы с ужасающими рисунками – все они ничего не сделали, чтобы прославить Собачью цепь. Они и не собирались. Вместо этого, как казалось Кенебу, они предпринимали жалкие попытки найти связь с былой славой, со временем и местом исторической важности. Он был уверен, что постепенно и Последняя осада И'гхатана будет возведена в статус мистического события. И мысль об этом так его раздражала, что он хотел оказаться как можно дальше от земли, где рождалось и возвращалось такое богохульство.

Блистиг заговорил:

– В таких бурных водах сложно бросить якорь, адъюнкты. Возможно, нам стоит пройти ещё пару лиг...

– Нет, – сказала она.

Блистиг посмотрел на Кенеба.

– Погода изменится, – сказал Нихил.

Дитя с морищинами на лице. Вот настоящее наследие Собачьей цепи. Морищины на его лице и запятнанные красным руки.

А кроме него – Темул, молодой виканец во главе озлобленных и обиженных стариков, которые до сих пор мечтали отомстить убийцам Колтейна. Он ездил верхом на лошади Дукера

– тощей кобыле, чьи глаза, Кенеб мог поклясться, были переполнены грустью. Темул всегда возил с собой свитки, предположительно содержащие писания самого историка, хотя он никогда их никому и не показывал. Этот столь юный воин взял на себя ношу воспоминаний и ухаживал за стариком, который когда-то был солдатом Старой гвардии, в последние месяцы его жизни. Этот старик как-то необъяснимо тронул виканского юношу. Кенебу уже это казалось достойной историей, но её никогда не расскажут, ведь только Темул понимает её, храня в памяти каждую, даже малейшую деталь. Но он не рассказчик историй, не тот, кто станет объяснять. *Нет, он просто проживает их. И это – то, к чему так стремятся культисты, но то, чего они никогда не смогут ощутить.*

Кенеб не слышал ни звука из огромного лагеря позади. Но из ума у него не шла одна-единственная палатка. Мужчина, лежащий там, уже много дней ничего не говорил. Его одинокий глаз, казалось, уставился в никуда. Лекари исцелили то, что осталось от Тина Баральты, по крайней мере, его плоть и кости. Увы, дух так просто не исцелить. Родина «Красных клинков» жестоко с ним обошлась. Кенеб гадал, настолько ли человек в палатке мечтал покинуть Семь Городов, насколько он сам.

Бездна сказала:

– Чума становится более заразной. Серая Богиня охотится на нас.

Адьюнкт повернулась к ней.

Блистинг выругался и сказал:

– С каких пор Полиэль решила присоединиться к проклятым мятежникам? Она ведь сама перебила большинство из них, разве не так?

– Я не понимаю почему, – ответила Бездна, качая головой. – Но её смертоносные глаза теперь уставились на малазанцев. Она охотится на нас, и с каждой секундой – всё ближе.

Кенеб закрыл глаза. *Разве с нас ещё не достаточно невзгод?*

Почти сразу с наступлением рассвета они наткнулись на мёртвую лошадь. Среди роя пожиравших тушу накидочников виднелись две костяные ящерицы, которые стояли на задних ногах, их головы, то ныряли, то взвивались, охотясь, хрустя и чавкая насекомыми, размером с птиц.

– Худов дух, – прошептала Лостара, – что это такое?

– Телораст и Кердла, – ответила Апсалар. – Духи, прикованные к этим маленьким скелетам. Они уже некоторое время являются моими спутниками.

Калам подошёл ближе и наклонился над лошадью.

– Те ящерокоты, – сказал он. – Напали со всех сторон. – Он выпрямился, осматривая скалы. – Предположу, что Масан Джилани не пережила эту засаду.

– И ошибёшься, – раздался голос со склона по правую руку от них.

На вершине, свесив вниз ноги, сидела женщина. Одна её нога была покрыта кровью от бедра до потрескавшегося кожного сапога. Тёмная кожа Масан Джилани была пепельно-бледной, глаза – мутными.

– Не смогла остановить кровотечение, зато убила одну тварь и ранила вторую. А потом пришли Гончие...

Капитан Фарадан Сорт повернулась к отряду.

– Смрад! Живо на передовую!

– Спасибо за нож, – сказала Масан Джилани Апсалар.

– Оставь себе, – сказала та.

– Жаль, что так с лошадью вышло.

– Мне тоже, но ты не виновата.

Калам сказал:

– Ну, похоже, нас ждёт куда более долгая прогулка.

Флакон вышел вперёд следом за Смрадом. Он подошёл достаточно близко, чтобы увидеть два птицеподобных скелета, сидевших на трупe лошади, которые пытались отловить и перебить всех накидочников. Он следил за их бросками, за тем, как извиваются костяные хвосты, как тьма их душ разливается вокруг, будто дым из треснувшего кальяна.

Кто-то подошёл к нему, и маг оглянулся. Скрипач, чьи голубые глаза уставились на нежить.

– Что ты видишь, Флакон?

– Простите, Сержант?

Скрипач взял его за руку и оттянул в сторону.

– Говори, как есть.

– Призраков, вселившихся в этих скелетов.

Сержант кивнул.

– Апсалар сказала то же самое. Скажи, что это за призраки?

Нахмурившись, Флакон замешкался.

Скрипач шёпотом выругался.

– Флакон.

– Ну, я предполагал, что она знает, но у неё есть причины об этом не упоминать, а потому я думал, что будет вежливо...

– Солдат...

– Я имею в виду, что вы с ней были в одном взводе и...

– Большую часть времени, что я её знал, она была одержима Узлом. А потому я не удивлён её молчанию. Так вот, Флакон, какая плоть раньше была домом для этих духов?

– Вы хотите сказать, что не доверяете ей?

– Я даже тебе не доверяю.

Нахмурившись, Флакон отвёл взгляд, глядя на то, как Смрад работает над Масан Джилани, ощущая присутствие колдовства Дэнул... и что-то вроде духа самого Худа. *Будь он проклят, этот ублюдок – некромант!*

– Флакон.

– Что, сержант? О, простите. Я просто задумался.

– Над чем?

– Ну, над тем, зачем Апсалар держит на цепи двух драконов.

– Это не драконы. Это крошечные ящеры...

– Нет, сержант. Это драконы.

Глаза Скрипача медленно расширились.

Флакон так и знал, что ответ ему не понравится.

Глава четырнадцатая

Есть, друзья мои, нечто глубоко циничное в самой идее рая, что ждёт человека после смерти. Искушение – в бегстве. Обетование – в оправдании. Не нужно принимать на себя ответственность за мир, каким он является, и, как следствие, не нужно и пытаться его изменить к лучшему. Чтобы стремиться к изменениям, к истинному благу в этом смертном мире, пришлось бы признать и принять в собственной душе, что этот бранный мир обладает самостоятельной целью, что его величайшая ценность – не для нас, но для наших детей и их потомков. Рассматривать жизнь лишь как быстрое странствие по нечистой, мучительной тропе – ставшей нечистой и мучительной благодаря нашему собственному равнодушию – значит примириться со всеми видами горя и несправедливости и таким образом жестоко покарать грядущие поколения.

Я отрекаюсь от этой идеи – рая за костяными воротами. Если душа и вправду уцелеет в том странствии, нам надлежит – всем и каждому из нас, друзья мои, – питать веру в подобие: нас ждёт по ту сторону отражение того, что мы оставили по себе, и если в тяготах нашего смертного существования мы отказываемся от возможности обучиться добродетели, испытывать сострадание, сочувствие и сопереживание, даровать исцеление, – поспешно минуем её, желая быстрее добраться до обители красоты и славы, обители, права на которую мы не заработали, и уж наверняка не заслуживаем.

*Апокрифическое учение таннойского духовидца Кимлока.
Десятилетие в Эрлитане*

Чаур держал младенца так, будто собирался покачать на колене, но Баратол положил руку на его мощное запястье и покачал головой.

– Маловата она для этого. Держи аккуратней, Чаур, не то сломаешь ей что-нибудь.

Тот ответил ему широкой улыбкой и продолжил качать спелёнатого младенца.

Баратол Мехар откинулся на спинку стула и вытянул ноги, на миг прикрыл глаза, демонстративно не слушая криков из соседней комнаты, где эта женщина, Скиллара, отбивалась от объединённого фронта Л'орика, Нуллисс, Филиада и Урданом: все они требовали, чтобы она приняла ребёнка, ибо это – «ответственность матери», «долг матери» и ещё тьма выражений, призванных вызвать чувство вины. Эти слова они швыряли в Скиллару, словно камни. Баратол не мог припомнить, когда в последний раз жители деревни проявляли в чём-либо подобное рвение. Конечно, на этот раз добродетель далась им легко, поскольку самим ничего не стоила.

Кузнец почувствовал даже некоторое восхищение перед этой женщиной. Дети и вправду тяжёлое бремя, а поскольку это дитя, очевидно, не было плодом любви, отторжение Скиллары волне можно было понять. С другой стороны, пыл сограждан вызывал у него отвращение и смутное омерзение.

Хэйрит, безмолвно наблюдавшая за перепалкой, где стояла койка Скиллары, появилась в главном зале. Старая женщина покачала головой.

– Идиоты. Напыщенные болваны, трепачи! Только послушай, сколько благочестия, Баратол! Будто в этом ребёнке переродился сам Император!

– Упаси боги, – пробормотал кузнец.

– У Джессы – её дом последний на восточной дороге – двухлетний малец с усохшими ножками, не жилец. Она не откажется от такого подарка, и все это знают.

Баратол рассеянно кивнул, голова его была занята другими мыслями.

– Есть ещё, кстати, Джесса, которая живёт на втором этаже старого дома комиссионера, только у неё-то молока уж лет пятнадцать, как нет. Но из неё выйдет хорошая мать, а орущее дитя могло бы заглушить причитания взрослых в этой деревне. Поручить её обеим Джессам, и дело с концом.

– Всё дело в Л'орике, – сказал Баратол.

– А что такое?

– Л'орик так пылает праведностью, что обожжёшься, чуть тронь. Или, скорее, сжигает всё, чего ни коснётся.

– Это ведь не его дело, верно?

– Такие, как он, всегда лезут в чужие дела, Хэйрит.

Старуха подтащила стул и села напротив кузнеца. Прищулив глаза, она разглядывала его лицо.

– Как долго собираешься ждать? – спросила она.

– Пока этот парень, Резчик, не окрепнет для дальней дороги, – ответил Баратол и потёр лицо. – Слава богам, мы выпили весь ром. Я и забыл, как от него кишки крутит.

– Это всё Л'орик, да?

Он поднял брови.

– Его появление не просто обожгло тебя. Испепелило, Баратол. Видать, ты в прошлом нагрешил, – она фыркнула, – будто это чем-то отличает тебя от нас. Но думал, что сможешь прятаться здесь вечно, а теперь знаешь, что этому не бывать. Если, конечно, – её глаза превратились в щёлочки, – не убьёшь Л'орика.

Кузнец бросил взгляд на Чаура, кривлявшегося и сюсюкавшего с младенцем, который в ответ довольно пускал пузыри, даже не подозревая, до чего омерзительно уродливое лицо нависло над ним. Баратол вздохнул:

– Я не хочу никого убивать, Хэйрит.

– Значит, пойдёшь с этими людьми?

– До побережья точно.

– Как только Л'орик разнесёт вести, снова начнётся охота. Ты доберёшься до побережья и сядешь на первый же корабль с этого проклятого континента, вот как ты поступишь. Конечно, я буду скучать. Ты единственный в этом городе, у кого есть хоть капля мозгов. Но, видит Худ, ничто не длится вечно.

Оба подняли глаза на вошедшего Л'орика. Высший маг побагровел от недоумения.

– Я просто не понимаю, – сказал он.

– Не твоего ума дело, – пробурчал Баратол.

– Вот до чего докатилась цивилизация, – ответил чародей, скрестив руки на груди и уставившись на кузнеца.

– Всё верно понимаешь, – Баратол подтянул ноги и встал. – Не припоминаю, чтоб Скиллара приглашала тебя лезть в свою жизнь.

– Я беспокоюсь за ребёнка.

Кузнец направился в соседнюю комнату.

– Ничего подобного. Ты одержим приличиями. Как ты сам их видишь. И считаешь, что остальные должны перед этим твоим видением склониться. Только Скиллару ты не впечатлил. Она слишком умна, чтоб впечатляться.

Войдя в комнату, Баратол сграбастал Нуллисс за шиворот туники.

– Ты, – прорычал он, – и все остальные. Вон!

Он выставил старую семачку, которая плевалась и осыпала его проклятиями, за дверь, а потом встал у притолоки, глядя, как остальные толкаются, пытаясь поскорей сбежать.

Через секунду Баратол и Скиллара остались наедине. Кузнец взглянул ей в лицо.

– Как твоя рана?

Женщина нахмурилась:

– Та, от которой у меня рука висит плетью, или та, от которой мне до конца жизни ходить в раскоряку?

– Плечо. Сомневаюсь, что ходить в раскоряку ты будешь вечно.

– Тебе-то откуда знать?

Он пожал плечами.

– Каждая женщина в этом селении родила если не одного, так троих, и все ходят нормально.

Скиллара бросила на него подозрительный взгляд.

– Ты тот, кого зовут Баратол. Кузнец.

– Да.

– Посадник этой выгребной ямы, которую почему-то зовут деревней.

– Посадник? Не думаю, что нам тут положен посадник. Нет, просто самый крепкий и злобный из жителей, что многие переоценивают.

– Л'орик говорит, ты предал Арэн. Что ты в ответе за тысячи смертей, когда т'лан имассы обрушились на восставших.

– У всех бывали плохие дни, Скиллара.

Она рассмеялась. Довольно злобно.

– Ну, спасибо, что выставил этих дураков. Если только ты не пришёл продолжить их дело.

Баратол покачал головой:

– У меня есть вопросы насчёт твоих друзей и спутников. Т'лан имассы напали на вас не просто так, вероятно, их целью было похищение Фелисин Младшей.

– Это же сказал Л'орик, – ответила Скиллара, и, содрогаясь от усилий, села в кровати. – Она никому не была нужна. Это какая-то глупость. Думаю, они скорее пришли убить Геборика.

– Она была приёмной дочерью Ша'ик.

Женщина вздрогнула и отмахнулась.

– В Рараку было много найдёнышей.

– Парень по имени Резчик – откуда он, говоришь?

– Из Даруджистана.

– Вы направлялись туда?

Она закрыла глаза.

– Разве это теперь важно? Скажи мне, вы похоронили Геборика?

– Да. Он ведь был малазанцем? К тому же, у нас здесь проблемы с собаками, волками и другими зверьми.

– А теперь выкопай его, Баратол. Не думаю, что Резчик согласится оставить его здесь.

– Почему?

Она лишь покачала головой.

Баратол развернулся к выходу.

– Выпись, Скиллара. Нравится тебе это или нет, но только ты здесь можешь накормить свою девочку. Если только мы не сумеем убедить Джессу из крайнего восточного дома. Как бы то ни было, она уже скоро проголодается.

– Голодная, – пробормотала у него за спиной женщина. – Как кошка с глистами.

В главном зале Высший маг забрал ребёнка у Чаура. Щербатое лицо глуповатого великана заливали слёзы, которых Л'орик не заметил, так как расхаживал туда-сюда с беспокойным младенцем на руках.

– Хотел спросить, – обратился Баратол к Л'орику, – с какого возраста напрочь утрачиваешь сострадание?

Высший маг нахмурился.

– О чём ты?

Не обращая на него внимания, кузнец подошёл к Чауру.

– Ты и я, – сказал он, – будем выкапывать тело. Много копать, Чаур, как ты любишь.

Чаур закивал, и сквозь слёзы прорезалась слабая улыбка.

Выйдя наружу, Баратол повёл здоровяка к кузнице, где они прихватили кирку и лопату, а оттуда уже направились к каменистой равнине, на запад от деревни. Накануне ночью неожиданно для этой поры года прошёл дождь, но утренний солнцепёк не оставил от влаги и следа. Могила располагалась рядом с полужасыпанной ямой, в которую сбросили остатки лошадиных туш, после того как Урдан их разделал. Ему было велено сжечь останки, но он явно об этом позабыл. Волки, койоты и птицы немедленно отыскивали кости и требуху, а теперь яма кишела червями и мухами. В двадцати шагах к западу валялось раздувшееся тело демона, не тронутое падальщиками.

Пока Чаур занимался откапыванием замотанного в саван тела Геборика, Баратол рассматривал бесформенную тушу демона. Растянувшаяся шкура покрылась белыми полосами и будто потрескалась. С такого расстояния Баратол не мог толком рассмотреть, но ему почудилось, будто под останками растеклось чёрное пятно, словно что-то вылилось изнутри.

– Я сейчас вернусь, Чаур.

Здоровяк улыбнулся.

Чем ближе кузнец подходил, тем больше хмурился. Чёрное пятно оказалось мёртвыми мухами, тысячами мух. Он замедлил шаг, затем остановился, держась в пяти шагах от непонятной груды. Что-то шевельнулось – снова и снова, проталкиваясь наружу через пузырящуюся шкуру.

И тогда в голове Баратола раздался голос:

– *Нетерпение. Будь добр, надрежь самым осторожным образом эту адскую шкуру.*

Кузнец вытащил нож и шагнул вперёд. Подойдя к демону, он нагнулся и провёл хорошо отточенным лезвием по одной из трещин на толстой кожистой шкуре. Внезапно кожа лопнула, и Баратол, ругаясь, отшатнулся, когда из разреза хлынул поток желтоватой жижи.

Нечто, похожее на руку, затем предплечье и локоть протолкнулись наружу, расширяя разрез, и миг спустя зверь выскользнул на свободу, блеснув четырьмя глазами. На том месте, где у тела не хватало двух конечностей, теперь красовались новые, чуть поменьше и бледные, но вполне рабочие.

– *Голод. У тебя есть еда, незнакомец? Ты – еда?*

Спрятав нож, Баратол отвернулся и направился к Чауру, тащившему тело Геборика. Он слышал, что демон следует за ним.

Дойдя до оставленной позади у могилы кирки, кузнец обернулся, взвешивая оружие в руках.

– Что-то мне подсказывает, – бросил он демону, – что если всадить кирку тебе в голову, новый мозг ты не отратишь.

– *Преувеличенно наиграно. Трепещу от страха, незнакомец. Весело. Серожаб просто шутил, вдохновившись твоим выражением ужаса.*

– Это не ужас. Омерзение.

Причудливые глаза демона повернулись в глазницах, а голова уставилась Баратолу за спину.

– *Мой брат пришёл. Он здесь, я чую его.*

– Лучше поспеши, – сказал Баратол. – Он вот-вот заведёт нового фамильяра.

Кузнец опустил кирку и глянул на Чаура.

Здоровяк стоял на теле Геборика, уставившись на демона огромными глазами.

– Всё в порядке, Чаур, – сказал Баратол. – Давай отнесём мертвеца на отвал за кузницей.

Вновь улыбаясь, великан поднял тело Геборика. До Баратола донеслась вонь разлагающейся плоти.

Пожав плечами, кузнец поднял лопату.

Серожаб размашистыми прыжками понёсся в сторону главной улицы селения.

Глаза дремлющей Скиллара широко распахнулись, когда в её разум ворвался торжествующий голос.

– *Радость! Дразжайшая Скиллара, время бдения подошло к концу! Крепкий и отважный Серожаб защитил твою святость, и твой приплод ныне вертится в руках брата Л'орика.*

– Серожаб? Мне сказали, ты умер! С чего это ты говоришь со мной? Ты никогда со мной не говоришь!

– *Женщину в тягости нужно окружить тишиной. Все щипки и уколы раздражения отметал благородный Серожаб. И ныне, о счастье, я могу высказать милейшей тебе свою бессмертную любовь!*

– Нижние боги, и вот с этим остальным приходилось иметь дело? – она дотянулась до трубки и кошель с ржавым листом.

Миг спустя демон прошмыгнул в дверь, за ним следовал Л'орик с младенцем в руках.

Нахмурившись, Скиллара раскурила трубку.

– Ребёнок хочет есть, – сказал Л'орик.

– Ладно. Может, хоть так перестанет давить и течь. Давай сюда маленькую кровопийцу. Высший маг подошёл ближе и протянул ей дитя.

– Ты должна признать, что эта девочка принадлежит тебе, Скиллара.

– О, да легко, она моя. Сразу видно по алчным глазёнкам. Во имя всего мира, Л'орик, лучше молись, чтоб от отца ей досталась только голубая кожа.

– Так ты знаешь, кто это был?

– Корболо Дом.

– Вот как. Думаю, он всё ещё жив. В гостях у Императрицы.

– Думаешь, мне не плевать, Л'орик? Я была под дурхангом. Если бы не Геборик, я бы осталась среди перебитых прислужников Бидитала. Геборик... – Она опустила глаза на сосущее её левую грудь дитя, шурившееся от дыма трубки. Подняла глаза на Л'орика. – А теперь проклятые т'лан имассы убили его – почему?

– Он был слугой Трича. Идёт война между богами, Скиллара. А платить за это приходится смертным. Нынче опасно быть истинно верующим – в кого-либо и во что-либо. Разве что, может, в сам хаос – ибо воистину он набирает силу в нынешние времена.

Серожаб был занят вылизыванием и сосредоточился, похоже, на новых конечностях. Весь демон выглядел каким-то... уменьшившимся.

Скиллара сказала:

– Итак, ты воссоединился со своим фамильяром, Л'орик. А значит, можешь уходить, куда там тебе надо и по каким делам. Можешь уходить – и убраться отсюда, как можно дальше. Я дожусь, пока Резчик очнётся. Он мне нравится. Думаю, я пойду за ним. Великое задание окончено. Убирайся.

– Не раньше, чем удостоверюсь, что ты не покинешь своё дитя на произвол судьбы, Скиллара.

– Это не произвол. Не больше, чем любое другое будущее. Здесь есть двое женщин, обеих звать Джессами, они позаботятся о ней. Воспитают её как следует, им, похоже, нравится этим заниматься. Думаю, это славно. И кстати, я проявляю щедрость: я ведь не продаю её? Нет, я просто дурю. Я *отдаю* её.

– Чем чаще и дольше будешь держать эту девочку, – сказал Л'орик, – тем меньше вероятность, что ты совершишь то, что задумала. Материнство – это состояние души, вскоре ты это поймёшь.

– Отлично, так почему ты всё ещё здесь? Всё ясно, я обречена на рабство, как бы я ни боролась.

– Духовное откровение – не рабство.

– Много же ты знаешь, Высший маг.

– Вынужден сказать тебе, что твои слова глубоко потрясли Серожаба.

– Он это переживёт. Он, похоже, что угодно переживёт. Ладно, я собираюсь сменить грудь, вы двое желаете посмотреть?

Л'орик развернулся на каблуках и вышел.

Серожаб поднял на Скиллара огромные прозрачные глаза.

– *Я не потрясён. Мой брат недопонял. Приплод выходит в мир и сам ищет пропитание, каждый детёныш борется за свою жизнь. Воспоминания. Много опасностей. Промежуточные мысли. Печаль. Теперь я должен последовать за братом, ибо он сильно и тяжело переживает множество вещей этого мира. Тепло. Я бережно сохраню своё восхищение тобой, потому как оно чисто в силу недостижимости, определённого завершения. Каковое было бы, признай, воистину нелепо.*

– Нелепо – это не совсем то слово, что приходит мне первым на ум, Серожаб. Но спасибо за проявление чувств, пусть даже таких извращённых и противоестественных. Послушай, и попробуй научить Л'орика, ладно? Всего паре вещей, вроде скромности, например, и смирения. А нерушимую убеждённость в своей правоте выбивай из него всеми четырьмя лапами. Она его делает невыносимым.

– *Это от отца у него, увы. Родители Л'орика... ох, не важно. Прощай, Скиллара. Сладкие фантазии медленно и изысканно высвобождаются в тёмных уголках моего воображения. Всё, что нужно для подпитки духа.*

Демон заковылял прочь.

Твёрдые десны сомкнулись на её правом соске. *Боль и удовольствие, боги, что за жалкий и сомнительный союз.* Что ж, хотя бы прекратится этот перекосяк; Нулисс прикладывала младенца к её левой груди с момента рождения. От этого появлялось чувство, будто она – плохо навьюченный мул.

Во внешней комнате звучали голоса, но Скиллара не стала вслушиваться.

Они забрали Фелисин Младшую. Это было самым жестоким. Для Геборика хотя бы наступил покой, конец тому, что мучило его, да и он-то был уже стариком. С него довольно спрошено. Но Фелисин...

Скиллара уставилась на существо, лежавшее у неё на груди, всмотрелась в крошечные ручки, затем снова отвернулась к стене и принялась набивать трубку.

Что-то бесформенное наполняло его разум, нечто безвременное, и лишь в последний миг за несколько вздохов прорезалось сознание, мечущееся от одной мысли к другой. Затем Резчик открыл глаза. Старые, посеревшие деревянные балки поддерживали потолок, между ними колыхалась толстая паутина, забитая останками моли и мух. Два фонаря с прикрученными фитилями висели на крюках. Юноша мучительно пытался понять, как оказался здесь, в этой незнакомой комнате.

Даруджистан... вертящаяся монетка. Убийцы...

Нет, это было давно. *Треморлор, Дом Азатов и Моби... та одержимая богом девушка – Апсалар, о, любовь моя...* Перепалка с Котильоном, богом, однажды смотревшим её глазами. Он был в Семи Городах; он путешествовал с Гебориком, Фелисин Младшей, Скилларой и демоном Серожабом. Он стал человеком с ножами, убийцей, *если подвернётся случай.*

Мухи...

Резчик со стоном нерешительно потянулся рукой к животу, скрытому под грубыми одеялами. От разреза остался лишь тонкий шрам. Он видел... как его внутренности вываливались

наружу. Ощутил неожиданную лёгкость внутри, рывок, отправивший его на землю. Холодно, так холодно.

Остальные мертвы. Наверняка. В другой стороны, сам Резчик тоже должен быть мёртв. Его выпотрошили. Юноша медленно повернул голову, изучая тесную комнатуху, в которой очнулся. Какой-то чулан или кладовка. Полки почти пусты. Он был один.

Движение вымотало его, у него не было сил даже убрать руку, бессильно лежавшую на животе.

Он закрыл глаза.

Десяток медленных уверенных вдохов, и он оказался в другом месте. Неряшливый внутренний двор с безжизненной растительностью, будто после долгих лет засухи. Небо над головой безликое и белое. В каменном колодце перед ним стояла неподвижно вода. Невыносимая жара наполняла воздух.

Резчик подался было вперёд, но обнаружил, что не может пошевелиться. Он будто врос корнями в землю.

Слева затрещали заросли, чернея по мере того, как в воздухе открылась рваная дыра. Затем через возникший портал прошли двое. Женщина, за ней мужчина. Ворота захлопнулись за ними, оставив после себя лишь вихрь пепла и выжженный круг на земле.

Резчик попытался заговорить, но голоса не было, да и, как он вскоре заметил, прибывшие его не видели. Он стал призраком, невидимым свидетелем. Женщина была одного роста с мужчиной. Малазанка, а он – точно нет. Она отличалась какой-то суровой, жёсткой красотой. Женщина медленно выпрямилась.

На краю колодца теперь сидела ещё одна женщина. Светлокожая, с тонкими чертами лица. Длинные золотистые волосы убраны вверх и связаны во множество тщательно сплетённых косичек. Одна её рука была погружена в воду колодца, не оставляя ни следа ряби. Она разглядывала отражение в воде, и даже не подняла головы, когда малазанка заговорила:

– И что теперь?

Два зловещих кистеня, висевших на поясе мужчины, придавали ему вид пустынного воина; щёлки глаз на гладком тёмнокожем лице окружала сеть морщин. Он был одет для битвы. После вопроса своей спутницы воин устался на сидящую женщину и сказал:

– Ты об этом ничего не говорила, Королева Грёз. Только это меня и тревожит в нашей сделке.

– Поздно сожалеть, – прошептала женщина у водоёма.

Резчик снова устался на неё. Королева Грёз. Богиня. Похоже, и она не догадывалась о присутствии Резчика, наблюдавшего за происходящим. Но это её Владение. Как же такое возможно?

Под насмешливым взглядом Королевы мужчина нахмурился.

– Ты хочешь, чтоб я тебе служил. В каком качестве? С меня довольно армий и походов, довольно пророчеств. Если нужно, дай мне задание, но скажи прямо. Убить кого-то? Защитить? Хотя нет, только не последнее, с этим я тоже покончил.

– Твой... скептицизм... вот что я ценю, Леоман Кистень. Хотя признаю, есть лёгкое разочарование. Ты явился не с тем человеком, на которого я рассчитывала.

Мужчина по имени Леоман бросил взгляд на малазанку, но промолчал. Затем его глаза расширились, и он посмотрел на богиню.

– Корабб?

– Избранник Опоннов, – сказала Королева Грёз. – Возлюбленный Госпожи. Его присутствие пошло бы на пользу... – Лёгкая гримаса, вздох, но она так и не подняла взгляда. – Вместо него я должна мириться со смертной, на которую положил глаз другой бог. Чем это кончится, хотела бы я знать? Он всё же использует её? Как это делают все боги? – Нахмурившись, она продолжила: – Я не отказываюсь от этого... союза. Надеюсь, Худ это верно понимает. Но

даже так, я вижу неожиданную рябь... в глубине вод. Ты знаешь, что была отмечена, Синица? Нет, не думаю, тебя посвятили, когда ты была совсем ребёнком. Потом твой брат похитил тебя из храма. Худ ему этого так и не простил – и отомстил на славу, отвернув целительное прикосновение тогда, когда лишь оно было необходимо, когда это касание могло изменить мир, сокрушить вековое проклятие. – Она замолкла, всматриваясь в глубины колодца. – Думаю, Худ теперь сожалеет о своём решении, нехватка смирения вновь ему не на пользу. Подозреваю, он желает восстановить причинённый ущерб – тобой, Синица...

Малазанка побледнела.

– Я слышала о смерти брата, – тихо сказала она. – Но всякая смерть приходит от руки Худа. Здесь нечего возмещать.

– От руки Худа. Истинно так, как и то, что Худ выбирает время и способ. Лишь в редчайших случаях он явно вмешивается в смерть отдельного смертного. Учитывая его обычную степень... вовлеченности... словно усохшие пальцы лишь скользят по неразрывному полотну жизни – до узелка.

Леоман проговорил:

– Тонкости догматов обсудите в другой раз. Мне уже надоело это место. Отправь нас куда-нибудь, Королева, только скажи сначала, что тебе нужно.

Она наконец подняла взгляд и с полдюжины ударов сердца молча рассматривала пустынного воина, прежде чем сказать:

– Отныне мне от тебя... ничего не нужно.

Наступила тишина, и Резчик внезапно осознал, что смертные не шевелятся. Не было видно даже, чтоб поднимались или опускались грудные клетки при дыхании. *Застыли на месте... как и я.*

Королева Грёз медленно повернула голову, посмотрела Резчику в глаза и улыбнулась.

Неожиданное, головокружительное отступление – он вылетел в бодрствование, очнулся под грудой изношенных одеял, под скрещёнными балками потолка, покрытого тельцами засушенных насекомых. И эта медленная улыбка, от которой у него в жилах закипела кровь. Она знала, конечно, она знала, она привела его туда, чтобы показать случившееся. Но почему? Леоман Кистень... беглый полководец Воинства Ша'ик, за которым гналась армия адъютанта Тавор. *Он явно нашёл способ спастись, но какой ценой! Может, в этом и был урок – никогда не заключай сделок с богами.*

До него донёсся приглушённый звук. Непрерывный, требовательный детский плач.

Затем звук поближе – шарканье; Резчик обернулся, чтобы увидеть, как откинулся завес, закрывавший дверной проём, и снаружи на него уставилось незнакомое юное лицо. Лицо исчезло. Голоса, тяжёлые шаги, и занавес снова отбросили в сторону. В комнату вошёл огромный темнокожий мужчина.

Резчик уставился на него. Он казался... знакомым, хотя Резчик точно впервые видел этого человека.

– Скиллара спрашивает о тебе, – сказал незнакомец.

– Это её ребёнок плачет?

– Пока да. Как ты себя чувствуешь?

– Слабым, но лучше, чем раньше. Голоден. Хочу пить. Кто ты?

– Местный кузнец. Баратол Мехар.

Мехар?

– Калам...

Гримаса.

– Родственник. Дальний. Мехар – название племени, его больше нет, его вырезал фалах'д Энезгура из Арэна во время одного из своих западных походов. Немногие уцелевшие разле-

телись по миру. – Он пожал плечами, глядя на Резчика. – Принесу тебе попить и еды. Если придёт семачка и попробует перетянуть тебя на свою сторону, скажи, чтоб убиралась.

– Сторону... Какую ещё сторону?

– Твоя подруга Скиллара хочет оставить дитя здесь.

– А.

– Тебя это удивляет?

Он поразмыслил.

– Нет, не особо. Как я понял, она там была сама не своя. В Рараку. Думаю, она хочет оставить все воспоминания позади.

Баратол хмыкнул и развернулся к выходу.

– Да что ж за напасть с этими беглецами из Рараку? Я скоро вернусь, Резчик.

Мехар. Даруджиец выдавил улыбку. Этот был такой здоровенный, что легко мог бы подхватить Калама и швырнуть через комнату. И если Резчик верно истрактовал выражение его лица в тот короткий миг, когда назвал имя Калама, этот Баратол не упустил бы подобного шанса.

Спасибо богам, что у меня нет братьев и сестёр... и вообще родни.

Улыбка сползла с его лица. Кузнец упомянул Скиллару, но больше никого. Резчик подозревал, что это не случайность. Баратол не был похож на того, кто бросается словами без дела. *Храни нас Бери...*

Л'орик вышел наружу. Скользнул взглядом по убогой улочке, оценивая домишко за домишком, – жалкие остатки некогда процветавшего селения. Изначально обречённого на уничтожение, хотя наверняка никто не думал об этом в то время. Лес, верно, казался бесконечным, бессмертным, и они рубили его с остервенелой жадностью. А теперь деревьев не стало, и жалкие заработанные гроши утекли, оставив в руках лишь песок. Почти все добытчики переехали в поисках иного скопления древних деревьев, гонимые жаждой быстрой наживы. *Создавая пустыню за пустыней... откуда пустыни не сольются в одну.*

Он потёр лицо, ощутив на коже следы пребывания здесь – щёки были будто исцарапаны битым стеклом. Впрочем, убеждал он себя, имелись и достижения. Серожаб снова с ним, и жизнь Резчика спасена. *И Баратол Мехар, имя, покрытое десятью тысячами проклятий...* что ж, вовсе не таким Л'орик представлял себе Баратола Мехара, совершившего столь жуткие преступления. Люди, подобные Корболо Дому, больше соответствовали его видению предателей... или такие, как Битидал, охваченные извращённым безумием. Но этот Баратол, офицер «Красных клинков», убил Кулака Арэна. Его арестовали и взяли под стражу, лишили звания, его собратья из «Клинков» безжалостно избили его – первое и самое тёмное пятно на их чести, питавшее с той поры все их чудовищные проявления крайней преданности.

Баратола должны были распять на Арэнском тракте. Однако город захлестнуло восстание, уничтожившее малазанский гарнизон и вышвырнувшее «Красных клинков» из города.

И тогда явились т'лан имассы, несущие суровый и жестокий урок имперского возмездия. И множество свидетелей видели, как Баратол Мехар распахнул северные ворота...

Но это правда. Т'лан имассам не нужно открывать ворота...

Вопрос, который никто так и не задал: зачем бы офицеру «Красных клинков» убивать городского Кулака?

Л'орик подозревал, что Баратол не снизойдёт до того, чтобы удовлетворить его любопытство. Он оставил попытки защититься словами в далёком прошлом. Высший маг видел всё это глубоко в чёрных глазах дюжего кузнеца: он давно разочаровался в человечестве. И в своём месте в этом мире. Не желал оправдывать свои поступки; ни честь, ни приличия не волновали больше этого человека. Лишь совершенно сдавшаяся душа не желает искупления. Некогда случилось нечто, что сломило веру Баратола, открыв дорогу предательству.

Но местные буквально поклонялись Баратолу Мехару, и вот этого Л'орик не мог понять. Даже теперь, когда они знали правду, знали, что сотворил их кузнец давным-давно, они разочаровали Высшего мага. Он был сбит с толку и ощущал странную беспомощность.

Но опять-таки, признай, Л'орик, тебе никогда не удавалось собрать последователей, какой бы праведной ни была твоя цель. Нет, здесь были союзники, чьи голоса присоединились к его гневной атаке на Скиллару, ужасающе равнодушную к собственному чаду, но он прекрасно понимал, что это единство временно и эфемерно. Все они могли осуждать позицию Скиллары, но ничего не стали бы с этим делать; по правде говоря, все, кроме Нулисс, уже смирились с тем фактом, что ребёнок перейдёт в руки двух женщин по имени Джесса. *Всё, проблема решена. Но на самом деле совершено преступление.*

Демон Серожаб, семенивший сбоку, опустил брюхом в уличную пыль. Четыре глаза лениво поблёскивали, не выражая никакой мысли, но беззвучный сочувственный шёпот унял внутреннее смятение Л'орика.

Высший маг вздохнул:

– Знаю, друг мой. Ах, хотел бы я уметь просто идти мимо, не задумываясь о преступлениях против природы, великих и малых. Думаю, это из-за череды поражений. В Рараку, в Куральд Лиосан, с Фелисин Младшей... боги, что за горький список. И тебя, Серожаб, я тоже подвёл...

– *Скромное торжество*, – сказал демон. – *Я расскажу тебе сказку, брат. На закате истории клана, много веков тому, будто выброс газов из глубин, расцвёл новый культ. Избранный представителем культа бог был очень далёк, самый дальний из богов пантеона. Бог, по правде говоря, был равнодушен к кланам моего вида. Бог, ни слова не бросивший смертным, никогда не вмешивавшийся в дела смертных. Мрачный. Предводители культа провозгласили себя гласом этого бога. Они написали законы, определили запреты, предписания, жертвы, кощунства, наказания за непослушание, за сомнения и отклонения. Прежде всё это было лишь слухами, смутными рассказами и печальными историями, но после культ получил силу, а с силой – абсолютную власть. Ужасное принуждение, ужасные преступления совершались во имя молчаливого бога. Предводители появлялись и уходили, и каждый перекручивал слова и без того перекрученные прозаичными амбициями и жаждой единства. Целые колодцы были отравлены. Иные осушены, а ил засыпан солью. Разбивались яйца. Матерей расчленили. И мой народ был повергнут в омут страха, законы же породили кровопролитие и слёзы нужды. Притворное сожаление с холодным блеском в центральном глазе. Надежды не предвиделось, каждое поколение страдало больше прежнего.*

Л'орик пристально смотрел на сидящего рядом демона.

– И что случилось?

– *Семь великих воинов из семи кланов отправились на поиски Молчаливого бога, чтоб узнать самим, вправду ли этот бог благословил всё, что им пришлось перенести во имя его.*

– И они нашли молчаливого бога?

– *Да, а ещё они нашли причину его молчания. Бог был мёртв. Он умер, когда первая капля крови пролилась во имя его.*

– Ясно. И в чём смысл этой твоей неприятной истории?

– *Наверное, вот в чём: существование множества богов отражает истинную сложность смертного бытия. Таким образом, приверженность к одному лишь богу приводит к отрицанию сложности и порождает потребность упрощать мир. Не вина бога, но преступление, совершённое его приспешниками.*

– Если богу не нравится то, что делается в его имя, ему следует действовать.

– *Если только каждое преступление, совершённое в его имя, не ослабляет его... иначе очень скоро, думаю, он лишится силы, не может действовать, а значит, умирает.*

– Ты пришёл из странного мира, Серожаб.

- Да.
- Твоя история меня расстроила.
- Да.
- Теперь нас ждёт долгий путь, Серожаб.
- *Я готов, брат.*
- В известном мне мире, – сказал Л'орик, – многие боги питаются кровью.
- *Как и многие смертные.*
- Высший маг кивнул.
- Ты попрощался, Серожаб?
- Да.
- Тогда пойдём отсюда.

Филиад появился у входа в кузницу, попавшись на глаза Баратолу. Кузнец ещё дважды качнул мехи, затем стянул толстые кожаные рукавицы и помахал юноше рукой.

– Высший маг ушёл, – проговорил Филиад. – С той огромной жабой. Я видел, как в воздухе открылась дыра. Оттуда полился жёлтый свет, и они просто исчезли в ней, а затем дыра пропала!

Баратол покопался в куче слитков чёрного железа, пока не нашёл подходящий. Этот он поставил на наковальню.

- Он оставил свою лошадь?
- Что? Нет, вёл за собой.
- Паршиво.
- И что мы будем делать? – спросил Филиад.
- С чем?
- Ну, думаю, со всем.
- Иди домой, Филиад.
- Правда? А. Хорошо. Наверно. Увидимся.
- Несомненно, – ответил Баратол, натягивая рукавицы.

После ухода Филиада кузнец взял брусок железа щипцами и отправил в горн, одной рукой раскачивая мехи. Четыре месяца тому назад он использовал остатки выкраденных из Арэна денег на запасы угля; и осталось его как раз на эту, последнюю работу.

Т'лан имассы. Только кости и мёртвая кожа. Быстрые и смертоносные, мастера засад. Баратол днями раздумывал об этой проблеме и способах её преодоления. Он подозревал, что им ещё предстоит встретиться.

При сильном ударе его топор был достаточно тяжёл, чтоб нанести урон. Но их каменные мечи были длинными, с заточёнными остриями, которые позволяли наносить и колющие удары. Если не сможешь дотянуться...

Баратол считал, что нашёл решение этих проблем.

Он поддул ещё, пока полоса накала в жерле горна не стала белоснежной, и принялся наблюдать, как брусок железа начинает светиться.

– Теперь мы идём по змее, которая приведёт нас к лагерю собирателей на берегах чернозёрного озера, затем два дня будем идти по плоскогорью, там другой лагерь, самый северный, а всё за ним изменчиво и неведомо.

Самар Дэв рассматривала сложную извилистую линию булыжников на камне слева. Пласты серого и зелёного лишайника, клочки пыльно-зелёного мха и редкие красные цветы окружали каждый камушек, а за ними, в глубине, сверкал изумрудным другой вид мха, мягкий и влажный. На этой дороге камни были отполированы добела, гранит отдавал розовым, а верхние слои скал щерились большими плоскими сколами. Тут и там в щелях и углублениях кра-

совался чёрный лишайник, похожий на акулю кожу. Она увидела олени рога, сброшенные в минувший сезон спаривания, кончики отростков были объедены грызунами; это напомнило ей о том, что природа ничего не растрчивает зря.

Впадины заросли чёрной елью, вперемешку сухой и живой, на выступающих же каменистых отвалах низко стелющийся можжевельник образовывал островки высотой до колена, оплетая ветвями камни. Каждый островок был окаймлён кустами голубики и грушанки. Над ними мрачными стражами нависали, подобно скалам, высокие чёрные сосны.

Суровый и неприступный, этот ландшафт никогда бы не сдался перед людьми. Самар Дэв никогда ещё не бывала в землях, столь овеянных древностью, даже пустоши Ягг-одана не были такими. Считается, что под любой земной поверхностью – будь то песок или море, пойма реки или лес – лежит цельный камень, сжатый в плоскость невиданным давлением. Но здесь смешались все возможные покровы, обнажив саму плоть земли.

И эта земля была в пору Карсе Орлонгу. Воин освободился от всех пут цивилизации, теперь он целиком состоял из воли, мышц и скрытого напора. Удивительно, но рядом с ним анибар, Искатель Лодок, выглядел незванным гостем, почти паразитом, виновато и суетливо мельтешившим рядом. Из этих каменистых лесных земель и кристально чистых озёр сородичи Искателя Лодок приносили чёрное зерно и звериные шкуры; тростник и берёзовую кору они собирали для плетения корзин и сетей. Этого было недостаточно, чтобы повредить здешней природе. И не стоило завоевания.

Что до неё самой, она жадно смотрела на нетронутые деревья и кишасшие рыбой озёра, размышляя о более эффективных способах сбора продолговатого тёмного зерна в тростниковых зарослях на мелководе – так называемого «чёрного зерна», которое анибары оббивали со стеблей, грузили в длинные узкие лодки, молотили палками, среди паутины и жужжания мух. Она могла думать лишь о ресурсах и лучших способах их добычи. С каждым следующим днём это всё меньше казалось добродетелью.

Они продолжали идти тем же путём, Искатель Лодок впереди, за ним – Карса, ведущий коня под узды, а в конце Самар Дэв, перед которой маячил круп и болтающийся лошадиный хвост. У неё болели ноги, каждый шаг по твёрдым камням отдавался в позвоночник – должен был способ как-то с этим бороться, сказала она себе, вероятно, какой-то вариант многослойных подошв для обуви – надо будет об этом подумать. И вездесущие кусачие мухи – Искатель Лодок нарезал ветки можжевельника, обвязав их вокруг головного убора, от чего зелёные побеги торчали у него из темечка, спадая на шею. Вероятно, это работало, но вид у него был нелепый. Она подумывала смирить тщеславие и последовать его примеру, но это не понадобилось.

Карса Орлонг относился к этому путешествию как к призванию. Ведомый необходимостью вершить правосудие над теми, кого избрал своей целью, он не беспокоился об обстоятельствах. Самар начала понимать, насколько пугающей может быть его дикость и как это питало её растущее восхищение. Она уже почти верила, что этот человек может прорубить путь через целый пантеон богов.

Уклон дороги вывел их на покрытую мхом землю, топорщившуюся изломанными ветками, похожими на крючковатые серые пальцы. Справа высился изогнутый многовековой падуб, иссечённый молниями; проклюнувшиеся вокруг него молодые деревья были мертвы, как будто старый ствол источал какой-то смертельный яд. Слева возвышался над головой Карсы земляной вал из сплетения корней поваленной сосны, тянувшейся из озера чёрной воды.

Погром подошёл к обрыву, и Самар Дэв услышала ворчание Карсы Орлонга. Она с трудом обошла лошадь сбоку и наконец увидела стену переплетённых корней. Среди них угадывалось заплетённое высохшее тело, плоть сморщилась и потемнела, конечности безвольно повисли, шея вывернута, от головы же видны лишь очертания нижней челюсти. Грудь будто смята, пустота внутри тянулась до сердцевины огромного дерева. Напротив стоял Искатель Лодок, делая странные знаки в воздухе.

– Оно недавно упало, – сказал Карса Орлонг. – Но тело здесь давно. Смотри, как окрасила кожу чёрная вода, когда-то собравшаяся у корней. Самар Дэв, – посмотрел он на неё, – у него в груди дыра, как такое может быть?

Та покачала головой.

– Я даже не могу понять, что это за создание.

– Яггут, – ответил тоблакай. – Я видел таких раньше. Плоть становится деревом, но дух остаётся живым в...

– Хочешь сказать, оно всё ещё живое?

– Не знаю. Дерево упало всё же, так что оно умирает...

– Смерть неверная, – вмешался Искатель Лодок, его глаза расширились от суеверного ужаса. – Часто дерево вновь поднимается. Но его обитатель, что так ужасно заточён, не может быть жив. У него нет сердца. У него нет головы.

Самар Дэв подошла поближе, чтобы рассмотреть смятую грудину. Вскоре она вернулась, озадаченная чем-то, что не могла толком сформулировать.

– Кости под плотью продолжали расти, – сказала она, – но не как кости. Дерево. Полагаю, это колдовство Д'рисс. Искатель Лодок, сколько лет этому дереву?

– Замёрзшее время, может, тридцать поколений. Упало дней семь как, не больше. И его повалили.

– Я что-то чувствую, – сказал Карса Орлонг, передавая поводья Искателю Лодок.

Самар Дэв наблюдала, как огромный воин направился вверх по противоположному склону низины, остановился у скопления камней. Он медленно обнажил свой каменный меч.

Теперь и она уловила в воздухе лёгкий смрад, запах смерти. Самар последовала за Карсой.

Между каменными уступами тропинка круто сбегала вниз, выводя к небольшому торфяному озерцу. С одной стороны на гладком камне, нависшем над берегом, на площадке громоздились остатки примитивного лагеря – три округлые постройки на жердях, накрытых шкурами. Две были наполовину сожжены, а третья завалена обломками дерева и обрывками оленьей кожи. Она насчитала шесть тел, неподвижно лежавших в лагере и вокруг; одно лицом вниз, тело, плечи и голова в воде, окружённые облаком длинных волос, похожих на водоросли. Три каноэ в ряд стояли на другом краю, днища были пробиты насквозь.

Искатель Лодок нагнал их с Карсой на подъёме. Он тихонечко подвывал.

Карса направился по следам. Замешкавшись на миг, Самар Дэв последовала за ним.

– Отойди от лагеря, – бросил ей Карса. – Мне надо прочесть следы.

Самар смотрела, как теблор переходит от одного бездыханного тела к другому, впившись глазами в рытвины на земле, отмечая, где грунт был отброшен в сторону. Подойдя к кострищу, он запустил пальцы в пепел и угли до самой земли. Где-то вдаль, за озером, прозвучал безумный вой, горестный и зловещий. Солнце опускалось на западе за линию деревьев, и свет стал резким и ярким. На холме над тропой на высокой ноте причитал Искатель Лодок.

– Вели ему помолчать, – прорычал Карса.

– Не думаю, что сумею, – ответила она. – Дай ему погоревать.

– Его скорбь скоро будет нашей.

– Ты боишься этого невидимого врага, Карса Орлонг?

Он прекратил изучать продырявленные каноэ и выпрямился.

– Четвероногое существо прошло здесь недавно, крупное. Оно забрало одно из тел... но не думаю, что оно ушло далеко.

– Тогда оно уже нас услышало, – сказала Самар Дэв. – Что это – медведь?

Искатель Лодок говорил, что чёрные медведи ходили теми же путями, что анибары, даже показывал их помёт по пути. По его словам, обычно медведи были не опасны. Впрочем, дикие звери непредсказуемы, и если кто из них набрёл на тела, мог счесть добычу своей.

– Медведь? Возможно, Самар Дэв. Такие, как у меня на родине прячутся по пещерам, – на задних ногах в половину выше теблора. Но это существо другое, подушечки его лап покрыты чешуёй.

– Чешуёй?

– И я думаю, что весит оно побольше, чем четверо взрослых воинов-теблоров. – Он посмотрел ей в глаза. – Внушительное создание.

– Искатель Лодок не говорил, что в лесах водятся такие.

– Не единственный захватчик, – сказал тоблакай. – Этих анибаров убили копьями и кривыми клинками. Затем с них сняли все украшения, забрали оружие и инструменты. С ними был ещё ребёнок, но его утащили. Убийцы пришли с озера на деревянных ладьях. Не меньше десяти взрослых, двое в какой-то обуви, рисунок подошвы незнаком мне. Другие были в мока-синах из полос ткани, на одну сторону внахлест.

– Внахлест? Такие, думаю, топорщатся.

– Самар Дэв, я знаю, кто эти захватчики.

– Твои старые друзья?

– Мы в то время не говорили о дружбе. Позови Искателя Лодок. У меня есть пара вопросов...

Он не успел закончить предложение. Самар Дэв увидела, как Карса застыл камнем, уставившись на деревья позади трёх каноэ. Обернувшись, она увидела, как нечто огромное проламывается вперёд через гнущее мелколесье. Гигантская, покрытая чешуёй голова поднялась над угловатыми плечами, буравя взглядом Тоблакаю.

Тот поднял двумя руками свой каменный меч над головой и рванул вперёд.

Рёв огромного медведя оборвался пронзительным визгом, когда чудовище устремилось обратно в заросли. Внезапный грохот, тяжёлые удары...

Карса нырнул в рощу, преследуя тварь.

Самар Дэв обнаружила, что сжимает кинжал в правой руке так, что костяшки побелели.

Вдали раздавались треск и грохот, сопровождавшиеся визгом чешуйчатого медведя.

Она спустилась по склону и увидела, что Искатель Лодок подобрался поближе к ней. Его губы шевелились в беззвучной молитве, глаза были прикованы к проломленной в подлеске дыре.

Самар спрятала кинжал и сложила руки на груди.

– Что же связывает его с чудовищами? – задумчиво произнесла она.

Искатель Лодок сел на мокрую землю и принялся раскачивать взад-вперёд.

Когда Карса Орлонг вернулся, Самар Дэв как раз заканчивала второе погребение. Он подошёл к очагу, который она разожгла. Рядом, сгорбившись и замотавшись в меха, издавая глубокие печальные стоны, сидел Искатель Лодок. тоблакай положил меч на землю.

– Ты убил его? – спросила она. – Отрезал когти, снял с него кожу заживо, повесил уши на пояс к прочим трофеям и раздавил ему грудную клетку захватом?

– Сбежал, – проворчал он.

– Наверное, он уже на полпути к Эрлитану.

– Нет, тварь голодна. Она ещё вернётся, когда мы уйдём, – он указал на оставшиеся трупы. – Нет смысла их хоронить, тварь выкопает их.

– Голодна, говоришь?

– Умирает с голоду. Она из другого мира. На этих землях ей почти нечем поживиться, не то что на равнинах к югу.

– Это место обозначено на карте как горы Ольфара. Тут также отмечены все озёра, и я полагаю, что маленькое озерцо перед нами соединено с другими на севере речкой.

– Вокруг нет гор.

– Но когда-то они тут были. Тысячи лет назад. Теперь они стёрты, но мы находимся куда выше, чем были, когда шли сюда с юга.

– Нет ничего, что может сточить горы до самого подножия, ведьма.

– Тем не менее. Возможно, я смогу починить эти каноэ, с ними будет куда легче сплавиться...

– Я не оставлю Погрома.

– Тогда мы никогда не угонимся за своей добычей, Карса Орлонг.

– Они и не бегут от нас. Они изучают местность. Ищут.

– Что?

тоблакай не ответил.

Самар Дэв стряхнула грязь с рук и подошла к очагу.

– Я думаю, вся наша охота – ошибка. Анибарам стоило просто бежать. Покинуть эти разорённые земли и не возвращаться, пока захватчики не уйдут.

– Странная ты женщина, – сказал Карса. – Хотела изучить эти земли, но они просто сделали тебя беспомощной.

Самар вздрогнула.

– Почему ты так говоришь?

– Здесь каждый должен вести себя подобно зверю. Идти по земле тихо, ведь место это даёт мало и говорит молча. Три раза за время пути на нас вёл охоту медведь, ступая по земле бесшумно, как призрак. Вновь и вновь выходя на наш след. Казалось бы, такого огромного зверя легко заметить, но это не так. Тут повсюду предзнаменования, Самар Дэв, их больше, чем я где-либо видел, даже у себя на родине. Вороны кружат над головой. Совы смотрят нам вслед из каждого дупла в каждом мёртвом дереве. Скажи, ведьма, что происходит с луной?

Она уставилась на огонь.

– Я не знаю. Кажется, она разрушается. Покрывается трещинами. Нигде не написано, чтобы такое когда-либо происходило. Как нигде не писали о том, чтобы она становилась больше, или о том, что её будет окружать странный венец, – она покачала головой. – Если это предзнаменование, то его точно увидит весь мир.

– Жители пустыни считают, что тут живут боги. Возможно, они ведут между собой войну.

– Суеверная чепуха, – сказала она. – Луна – дитя этого мира. Его последнее дитя, ведь до неё когда-то были другие, – она замешкалась. – Возможно, двое столкнулись между собой, но уверенным тут быть сложно, других мы почти никогда не видели, даже в лучшие времена. Тёмные, смазанные, отдалённые, всегда в тени этого мира или большей луны – той, что мы видим отчётливее всего. В последнее время в воздухе витает слишком много пыли.

– В небе ещё есть огненные мечи, – сказал Карса. – Прямо перед рассветом можно увидеть, как десять мечей, каждый неподалёку от остальных, прорезаются вниз, сквозь тьму. И так каждую ночь.

– Возможно, мы узнаем больше, когда доберёмся до берега. Тогда приливы и отливы изменятся.

– Изменятся? Но как?

– Под дыханием луны, – ответила она. – Мы видим её дыхание по отливам и приливам волн. Таков закон существования.

тоблакай фыркнул:

– Законы нарушены. Существование не держится за законы. Существование – это выживание, а выживание – это борьба. В конце ты проиграешь в этой борьбе. – Он достал из сумки куски копчённого мяса бхедерина. – Только этот закон достоин зваться законом.

Самар уставилась на него:

– В это верят теблоры?

Карса оскалил зубы:

– Однажды я вернусь к своему народу. И тогда разрушу всё, во что они верят. И тогда скажу своему отцу: *«Прости меня. Ты был прав, что не верил. Ты был прав, когда презирал законы, которые сковывают нас»*. А своему деду я не скажу ни слова.

– У тебя есть жена?

– Только жертвы, не жёны.

Ей это признание показалось жестоким.

– Ты хочешь загладить вину, Карса Орлонг?

– Это расценят как слабость.

– Тогда ты всё ещё закован в цепи.

– Возле озера было натийское поселение, там делали из моего народа рабов. Каждую ночь, после сбора рыболовных сетей с озера, всех рабов сковывали одной большой цепью. Ни один теблор, скованный ею, не мог в одиночку сломать цепь. Но когда они все вместе объединили волю и силу, уже ни одна цепь не могла их сдержать.

– Значит, несмотря на все заявления о том, что ты вернёшься к своему народу и разрушишь всё, во что они верят, тебе на самом деле нужна их помощь, чтобы этого добиться. Кажется, тебе придётся просить прощения не только у своего отца, Карса Орлонг.

– Я добьюсь всего, что мне потребуется, ведьма.

– А ты был одним из тех рабов в натийской деревне?

– Некоторое время.

– И чтобы сбежать, а ты, очевидно, сбежал, тебе понадобилась помощь остальных теблоров. – Она кивнула: – Теперь я вижу, как это снедает твою душу.

Он поднял на неё глаза:

– Ты, должно быть, и вправду умна, Самар Дэв, раз видишь, как всё связано между собой.

– Я очень долго изучала человеческую природу, наши устремления, наш страх перед истинами. Не думаю, что у вас, теблоров, природа в этом плане иная.

– Только если не начинаешь рассуждения с иллюзии, которая, разумеется, подходит под вывод, который ты сделала с самого начала.

– Я стараюсь не заблуждаться на этот счёт, – ответила она.

– Неужели? – Он протянул ей кусок мяса.

Самар скрестила руки на груди, отказываясь от предложенного.

– Ты считаешь, что я сделала неверное предположение и, хотя говорю, что понимаю тебя, по правде не понимаю ничего. Удобный аргумент, но не очень убедительный, если ты не потрудишься его уточнить.

– Я – Карса Орлонг. Я знаю цену каждого своего шага с тех пор, как стал воином. Твоя попытка потешить своё самомнение не задевает меня, ведьма.

– Теперь диکارь относится ко мне снисходительно! Боги милостивые!

Он вновь протянул кусок мяса.

– Поешь, Самар Дэв, иначе у тебя не будет сил устраивать скандалы.

Она окинула его взглядом и приняла угощение.

– Карса Орлонг, твой народ живёт слишком просто, подобно местным анибарам. Очевидно, что и жители великой цивилизации Семи Городов когда-то были такими же простыми и невежественными, боясь предзнаменований и всего непостижимого. И мы тоже, без сомнения, придумывали сложные системы убеждений, которые сейчас покажутся причудливыми и смешными, – только чтобы оправдать все нужды и тяготы, вызванные вечной борьбой за выживание. К счастью, мы давно оставили это позади. Мы познали величие цивилизации, а вы, теблоры, крепко держитесь за свою беспричинную гордость, не ведая славу добродетели. И потому вы до сих пор не поняли величайшего дара цивилизации...

– Я отлично его понимаю, – ответил Карса Орлонг с набитым мясом ртом. – Дикари становятся цивилизацией путём развития...

– Да!

– Развития эффективных способов убийства других.

– Погоди...

– Развития неопровержимых правил деградации и убожества.

– Карса...

– Развития способов унижить, причинить страдания и оправдать жестокое уничтожение тех дикарей, которые были слишком глупыми и верили, что смогут сопротивляться тому, что вы считаете неминуемым. Проще говоря, их истребление. Так скажи, Самар Дэв, выбирая между мной и тобой, – добавил он, проглатывая мясо, – кого анибарам стоит бояться?

– Даже не знаю, – сказала она сквозь стиснутые зубы. – Может, у него спросим?

Искатель Лодок поднял голову и посмотрел на Самар Дэв прикрытыми глазами.

– В замёрзшем времени, – сказал он тихо, – Сакув Арес говорил о Ненайденном.

– Сакув Арес не был богом, Искатель Лодок. Он был смертным с охапкой умных слов. Легко предостерегать. Остаться и помочь приготовиться к грядущему куда сложнее!

– Сакув Арес дал нам тайны, Самар Дэв, и благодаря им мы приготовились в замёрзшем времени, готовимся теперь и будем готовиться в Ненайденном.

Карса хохотнул:

– Если бы я путешествовал тут с Сакувом Аресом, не думаю, что мы бы о чём-то спорили.

– Вот и путешествуй в обществе варваров... – прошептала под нос Самар Дэв.

тоблакай резко и неожиданно сменил тон:

– Захватчики, которые вторглись сюда, считают себя цивилизованными. И поэтому они убивают анибаров. Почему? Да потому, что могут. Им не нужны другие причины. Всем им, Самар Дэв, Карса Орлонг даст ответ. Этот дикарь не глуп, не доверчив и, клянусь душами моего меча, я дам им ответ.

Неожиданно наступила ночь. В тихом лесу было холодно.

Откуда-то далеко с запада раздался волчий вой, и Самар Дэв увидела, как Карса Орлонг улыбается.

Когда-то очень давно Маппо Коротышка стоял бок о бок с тысячью других трелльских воинов. На вершине Орстанцкого хребта, глядя вниз, на долину Байер-Экар, названную так в честь узкой, каменистой реки, которая текла на север к далёкому, мифическому морю. По крайней мере, мифическому для треллей, которые никогда не уходили так далеко от своих родных степей и долин. На холме, внизу, на западном берегу реки, где-то в пятнадцати сотнях шагов от них, выстроились отряды нэмильской армии, во главе которой в те дни стоял грозный генерал Сайлан'матас.

К тому моменту множество треллей уже пало, не от битвы, а перед искушениями жизни, что кипела у торговых факторий, фортов и поселений, которые превратили пограничную полосу в мутное, эфемерное понятие – и ни во что больше. Маппо и сам спасся бегством из такого поселения, найдя пристанище среди ещё не склонивших голову горных кланов.

Тысяча воинов треллей лицом к лицу с армией в восемь раз больше их собственной. Булавы, топоры и мечи гремят о щиты, обещая своей песней лишь смерть. Этот звук, подобно грому, катится вниз, в долину, где птицы летают до странности низко и бешено, как если бы в ужасе забыли о безопасном убежище на небесах и предпочли лазать по зарослям и кустарникам, роиться и кружиться вокруг серых деревьев, которые прижимались к реке с обеих сторон.

На другой стороне долины вражеские войска постоянно сменяли друг друга. Лучники, пращники, тяжёлые копейщики и внушающие ужас нэмильские катафрактарии, тяжёлые конники – в броне, с круглыми щитами наготове, с копьями, упёртыми в стремена. Они рысью двигались к дальнему крылу войска, давая понять, что намереваются атаковать с фланга, как только пехота и воины треллей сойдутся в бою посреди низины.

Река Байер-Экар не была достойной преградой. Воды в ней было едва по колено; катафрактерии легко перейдут. Было видно Сайлан'матаса, который в окружении свиты выезжал перед войском на дальнем гребне. Над ужасающим командиром развивался флаг – змеевик на чёрном шёлке, отделанном золотой нитью. Прямо над ним воздух словно расходился трещинами, оголяя бездну. Когда свита пересекла гребень, руки с оружием взмыли в небо, отдавая честь генералу, но никакого боевого клича не последовало. Такова была традиция в специально отобранной армии этого человека. Такая тишина казалась зловещей, пугающей и предвещающей смерть.

А мятежных степных треллей в свою первую битву вёл старейшина по имени Тринигарр. Старейшина, которого почитать могли только с насмешкой, старик, чей кладёзь мудрости и советов давно иссох. Старик, который мало говорил. *Тринигарр, молчаливый и наблюдательный, словно ястреб.* За этими словами следовала обычно кривая ухмылка или даже смех.

Благодаря своему воздержанию, он теперь стоял во главе войска. Остальные трое старейшин за пять ночей до того решили отведать шаманское варево из сока плачущей джегуры, чьи бусины сочились на острые лезвия три дня, пока кактус пропитывался водой с примесью восьми специй. Этот шаманский отвар позволял видеть и слышать богов земли. Но не в этот раз. В вырытую вокруг растения яму с водой незаметно упал и утонул ядовитый паук, известный как «антилопа». Примесь его яда вызвала у выпивших зелье старейшин глубокую кому.

Кому, из которой, как оказалось позже, им не суждено было выйти.

Множество молодых бойцов, голодных до крови, жаждали встать во главе войска, но старые традиции нельзя было нарушать. Ведь, по сути, старые традиции треллей были сердцем этой войны. Вот почему командовать войском предстояло Тринигарру, *настолько мудрому, что ему не нашлось что сказать.*

Теперь старик стоял перед воинами на этом судьбоносном гребне, молча и спокойно наблюдая за новыми и новыми шеренгами вражеских войск, пока объезжающая с флангов кавалерия где-то в трёх тысячах шагах к югу и северу наконец-то не повернула вниз, чтобы начать спуск к реке. По пять подразделений с каждой стороны. В каждом по сотне крайне дисциплинированных, бронированных солдат благородного происхождения: братьев, отцов, сыновей, диких дочерей и свирепых жён, – все как один ведомые жаждой крови, которая была частью нэмильского стиля жизни. Среди этих подразделений были целые семьи, и каждое состояло, в основном, из родни, всеобщим голосованием выбиравшей себе в капитаны одного из своих. Вот почему они стали самой устрашающей кавалерией к западу от Ягг-одана.

Тринигарр наблюдал за врагом, а Маппо Коротышка за своим вождём. Старейшина ничего не предпринимал.

Катафрактерии пересекли реку, развернули коней к центру и заняли удобные для выжидания позиции. На склоне прямо напротив треллей пешие солдаты начали спускаться вниз: передовые стрелки уже пересекли реку, за ними последовали средние и тяжёлые пехотинцы, укрепляя на этой стороне реки позиции и ожидая подхода основного войска.

Воины-трелли до сих пор кричали, надрывая глотки, но интервал между криками возрастал, паузы между ударами оружия о щиты становились дольше, и это всё порождало что-то вроде страха. Их боевая ярость сходила на нет, и все смертные страхи и сомнения, которые любой вменяемый человек ощущает перед битвой, вновь возвращались в их сердца.

Увидев, что на завоёванной позиции им не оказывают сопротивления, солдаты раздвинулись шире, чтобы освободить место под пребывающие на восточную сторону реки отряды основного войска. На их пути из кустов выскочил олень, скачками передвигаясь между отрядами.

Веками трелли сражались в своём диком боевом безумии. Бой за боем, в обстоятельствах похожих на эти, к этому моменту они уже мчались бы вниз по холму, набирая скорость. Каждый воин пытался бы обогнать других и снискать славу бойца, который первый достиг ненавистного

врага, – славу обычно посмертную. Орда навалилась бы как лавина, используя преимущество треллей в размерах, чтобы врезаться и откинуть передовой строй войск противника, сломить фаланги и начать резню.

Иногда это срабатывало. Чаще – нет. О, первое столкновение часто сбивало с ног ряд за рядом вражеских солдат, иногда вышвыривало их тела далеко и высоко в воздух, а однажды такой удар *усадил целую фалангу на задницы*. Но нэмилы выучили эту тактику, и теперь их отряды продвигались вперёд, выставив перед собой пики. Обычный трелльский натиск насадил бы воинов на эти смертельные железные шипы, а вражеские подвижные квадраты, натренированные быстро перемещаться как назад, так и вперёд, просто не ощутили бы столкновения. И трелли были бы сломлены или убиты на месте, оказавшись в когтях нэмилских пик.

Но поскольку трелли ничего не делали, застыв на хребте как вкопанные пугала, перед рекой на своём скакуне вновь появился Сайлан'матас. Его взгляд устремился вверх, будто пытаясь просверлить невозмутимый разум Тринигарра. Генерал, очевидно, был недоволен. Если сейчас начинать наступление, его войскам придётся подыматься вверх по холму, что дало бы трелям преимущество при последующей атаке. Недоволен, как подозревал Маппо, но не особо взволнован. Фаланги его войска были отлично натренированы и могли спокойно разойтись, оставляя несущимся вниз трелям смертоносные тоннели из торчащих пик. Хотя обходящая с флангов кавалерия только что утратила львиную долю своей эффективности, учитывая то, что генерал оставил их на прежних позициях. Маппо видел, как из свиты Сайлан'матаса выезжают двое посланников, направляясь в разные стороны долины. Он прикажет катафрактариям передислоцироваться наверх, на один гребень с треллями, где всадники смогут зажать врага в тиски. Эти манёвры вынудят треллей развернуть собственные фланги, хотя это едва ли поможет, ведь трелли не обучены тактике обороны от кавалерийских атак.

Как только катафрактарии развернули коней и начали восхождение, Тринигарр широко развёл руки. Этот жест был сигналом, который ряд за рядом передавали назад, к скрытому от нэмилцев склону горы, откуда он растягивался на юг и север, к отдалённым и замаскированным отрядам воинов-треллей, которые расположились практически напротив ничего не подозревающих отрядов кавалерии. Теперь эти воины начали подниматься к гребню, которого они достигнут намного раньше, чем катафрактари на своих нагруженных бронёй конях. Но они не остановятся на вершине. Вместо этого они минуют её и побегут вниз, к долине, прямо навстречу коннице. Трелли не умеют встречать кавалерийские атаки, но они могут сами броситься на кавалерию, если напор и сила на их стороне, как сегодня.

С западной стороны реки поднялась пыль, а с ней появились звуки бойни. Это пятнадцать сотен треллей, которых Тринигарр отправил пересечь Байер-Экар три дня назад, обрушились на слабо защищённый обоз.

В долине под ними мельтешили вестники. Маппо видел, как генеральская свита застыла на месте, а их кони начали вертеться в разные стороны, как бы дополняя замешательство офицеров, окружавших Сайлан'матаса. На дальних флангах показались трелли, которые, издав боевой клич, ринулись смертоносным потоком на замешкавшийся и сбитый с толку строй всадников.

Сайлан'матас, который совсем недавно мысленно расставлял свои войска для атаки, неожиданно осознал, что думает уже не о бойне, а о том, как организовать необходимую оборону. Он разделил армию пехотинцев и отправил половину легионов рысцей бежать на дальние фланги, а боевые рога трубили катафрактариям сигнал отступления. Лёгкую кавалерию, которая осталась на той стороне реки и предназначалась для погони и добивания обращённых в бегство треллей, генерал отправил галопом на подмогу не видимому отсюда обозу, но сначала им нужно было преодолеть крутой склон, и когда они были уже на полпути, восьмисот треллей показались на вершине, выставив наголо собственные пики, которые были в полтора раза длиннее нэмилских. Их позиция позволяла выставить пики наискосок, под тем же углом, что

и склон. Лёгкая кавалерия неравномерно достигла этой ошетилившейся линии и уже пыталась развернуться назад. Копья пронзали лошадей, а те, вставая на дыбы, падали вниз по склону, ломая ноги задним коням. Солдаты прыгивали с сёдел, теряя всё преимущество, а строй воинов-треллей начал спускаться по склону, врубился в дезориентированные ряды противника, неся нэмильцам смерть.

Генерал остановил центральное наступление по склону и приказал перестроиться для четырёхсторонней обороны: пики сверкали и колыхались, словно шерсть на загривке загнанного в угол зверя.

Некоторое время Тринигарр стоял неподвижно и смотрел, *мудрый в молчании*, – теперь же слегка повернул голову и взмахнул правой рукой, подавая сигнал, после которого тысяча треллей за ним сомкнули ряды, давая пройти колоннам лучников.

«Лучники» – не совсем подходящее название. Среди них и правда были воины, вооружённые длинными изогнутыми луками с такой силой натяжения, что ни один человек не справился бы с ними, и стрелами длиной почти с метательные копья с оперением из вытянутых, затвердевших кусков кожи. Тем не менее, кроме них, были и метатели копий с атлатлями¹, и пращники разных видов, в том числе – вооружённые древковыми пращами. Воины тащили за собой двухколёсные тележки, набитые большими, тонкими мешками, которые будут разрываться при попадании во врага, высвобождая то, что сейчас кишело внутри.

Шестьсот лучников, многие из них женщины, которые потом будут шутить, что ради этой битвы опустошили свои юрты. Они вышли на склон и шли вместе с первоначальным отрядом, который теперь двигался несколькими колоннами.

Вниз, навстречу сердцу нэмильской армии.

Тринигарр шагал среди них, неотличимый от любого другого воина ничем, кроме своего возраста. На время он закончил командовать. Каждая часть его тщательного плана сработала, и исход битвы теперь зависел от храбрости и ярости юных воинов и их вожаков. Этот жест Тринигарра был и вправду самым ярким знаком уверенности в их силах.

Началась битва, которую будут измерять взмахи оружия. Старейшина сделал всё, что мог, чтобы обратиться к внутренней силе, присущей треллям, и одновременно поставить на место нэмильцев с их хвалёным генералом. И вот, под крики птиц, на глазах у испуганного оленя, который всё ещё в страхе скакал по холмам, начался день и началась битва, прославленная пролившейся кровью.

На западном берегу реки нэмильские лучники выстроились в боевой порядок, чтобы вести огонь сразу и на восток, и на запад, вновь и вновь выпуская залпы смертоносных стрел, вызывая волны криков и приглушённого стука наконечников о деревянные щиты. Так было, пока наступающие воины-трелли, разделавшиеся с лёгкой кавалерией, не перестроились под их огнём, перейдя на рысь, с пиками в руках, разбив первым же касанием строй лучников и небольшой охранный отряд стрелков. После этого копейщики ударили в спины тех лучников, что стреляли на восток, через головы нэмильского квадрата, в наступающие отряды треллей. И началась бойня.

Первый залп треллей обрушился на фалангу, пронзая огромными снарядами щиты и доспехи. Когда войска подошли ближе, за стрелами последовали дротики, и в первых рядах нэмильской армии образовались бреши, сумятица и толкотня между солдатами, которые пытались занять место погибших. Но их встретили метательные топоры, а когда армия была уже в двадцати шагах от врага, над рядами треллей взмыли древковые пращи, раскручивая и швыряя за передние ряды нэмильцев мешки, которые, ударяясь о пики, раскрывались, высыпая сотни

¹ Атлатль – древнейшее устройство для метания копий или дротиков, в земных реалиях использовались со времён позднего палеолита. – *Прим. ред.*

чёрных скорпионов. *Вот тогда женщины и смеялись, говоря, как они опустошили свои юрты ради этого подарка ненавистным нэмильцам.*

Маленькая сама по себе деталь, но в тот день, в тот миг она стала последним камешком под колесом фермерской тачки – и ось треснула. Вопли паники стёрли всю память о дисциплине. Крепкие, холодные клешни скорпионов прямо на шее, пробираются под пластины доспехов, наручи и перчатки, падают на просунутую в петлю щита руку... А после следует свирепое, ядовитое жало, колющее словно коготь, вызывающее агонию, охватывающую всё тело. Этого было достаточно, более чем достаточно. Казалось, фаланга взорвалась на глазах у Маппо, превратившись в разбегающиеся силуэты, визжащие и кружащиеся в диком танце, отбрасывающие прочь оружие и щиты, сдирая с себя шлемы и куски брони.

Стрелы и дротики впивались в толпу, а те, кто выбегал из неё, натыкались на поджидавшие их булавы, топоры и мечи треллей. И Маппо, бок о бок со своими боевыми товарищами, пылая боевой яростью, нёс холодную смерть.

Великий генерал Сайлан'матас умер, раздавленный ногами своих же солдат. Никто так и не понял, зачем он спешил, встречая атакующих треллей. Его лошадь нашли, когда та рысью прискакала обратно к обозу, поводья были аккуратно намотаны на луку седла, а стремяна закинуты на сиденье.

Катафрактарыев, этих ужасающих, чистокровных всадников, вырезали, как и половинчатые легионы пехотинцев, которые прибыли слишком поздно и вместо помощи, просто погибли среди мельтешивших в панике лошадей и воющих, смертельно раненых, вельмож.

Нэмильцы увидели тысячу воинов и решили, что ровно столько треллей им и противостоят. Шпионы дважды подвели их. В первый раз, когда среди горных племён преднамеренно пустили на попечение вечно шепчущим ветрам слухи о том, что союз треллей распался, а во второй – в дни перед битвой у Байер-Экара, когда Тринигарр отправлял свои кланы, раздав каждому конкретную задачу, точно просчитав место, где будет проходить битва, ведь трелли хорошо знали местность. Потому им не составило труда незаметно пробраться сюда в безлунные ночи и искусно прятаться днём среди бугров и изгибов долины.

Тринигарру – старейшине, который провёл свою первую битву, – предстояло провести ещё шесть, всякий раз – вновь отбрасывая нэмильских захватчиков, пока не будет подписан договор, который передаст людям все права на трелльские степи и холмы, а старик, который так редко говорил, умрёт пьяницей в переулке, много лет спустя после того, как последний из кланов сдастся, покинув свои родные земли, ведомый голодом, после того, как нэмильцы и их полукровные трелльские разведчики долгое время будут вырезать стада бхедеринов.

Маппо слышал, что в последние годы язык Тринигарра развязал алкоголь, и он часто говорил, наполняя воздух неразборчивыми, бессмысленными словами и остатками воспоминаний. Так много слов, среди которых ни одного мудрого, сменили некогда мудрейшее из молчаний.

В трёх шагах позади Маппо Коротышки шёл Искарал Прыщ, Высший жрец и признанный Маг Дома Тени, ведя своего жуткого черноглазого мула и непрестанно болтая. Его слова наполняли воздух, кружили, словно высохшие листья на плавном ветру, – да и ни важность, ни значимость этих слов от листьев не отличалась. Болтовню перебивали только шлёпанье мокасин и копыт, которые освобождались от болотной грязи, только чтобы вновь в неё окунуться, а также редкие удары в ответ на укусы насекомых и всхлипывания вечно больного насморком носа Прыща.

Для Маппо стало очевидным, что он слышит мысли Высшего жреца: бессвязный, беспечный монолог безумца то выплёскивался на ветер, то неожиданно прерывался. И каждый проблеск гениальности был всего лишь фантазией, таким же неверным следом, как и тот, по

которому они шли. Этот якобы краткий путь теперь грозил целиком поглотить их. Затянуть в пучину тёмного торфа, который навеки останется перед их ослепшими глазами.

Трелль был уверен, что Искарал Прыщ решил покинуть его и уйти с Могорой – если она и вправду вернулась домой, в скальный монастырь, а не бежит где-то среди зловонных деревьев и зарослей мха. Но что-то ещё необъяснимое изменило его решение, и эта деталь волновала Маппо куда больше всех остальных.

Он бы хотел, чтобы это была одиночная погоня. Именно трелль отвечал за Икария, что бы там ни решили Безымянные. В их суждениях не было ничего праведного, эти жрецы уже не раз предавали его.

Они заслужили вечного врага в лице Маппо – и, возможно, однажды он навестит их и наконец выразит своё недовольство должным образом.

Жестоко использованный и обесчещенный духовно, Маппо видел в них предмет своей ненависти. Он был стражем Икария. Его другом. И ему было понятно, что новый друг ягга действовал с лихорадочной поспешностью беглеца, знал, что за ним охотятся, знал, что он соучастник в огромном предательстве. И Маппо не смиляется над ним.

Ему не нужна была помощь Искарала Прыща, более того, Маппо начал подозревать, что помощь высшего жреца не была плодом его благородства, как это казалось раньше. К примеру, они якобы должны были пересечь это болото за два дня. Искарал утверждал, что так они придут к берегу на пару дней раньше, чем если пойдут высокогорной тропой. Но два дня быстро превратили в пять, а конца и края болоту не видно. Чего трелль пока не мог понять, так это зачем Искаралу, а значит – и Дому Тьмы, пытаться его задержать.

Икарий был оружием, которым не рискнёт воспользоваться ни смертный, ни бог. То, что Безымянные считают иначе, лишь указывает на их безумие и безграничную глупость.

Совсем недавно они отправили Маппо с Икарием в Треморлор, Дом Азатов, который был способен навеки заточить Икария. Именно заточение входило в их планы, и хотя Маппо взбунтовался и, наконец, пошёл против их воли, трелль понял ещё тогда, что их замысел не был лишён смысла. Эта резкая и необъяснимая смена планов укрепила веру трелля в то, что древний культ сбился с пути или же – что власть в нём узурпировала какая-то соперничающая фракция.

Раздался внезапный визг Искарала Прыща, и огромная тень скользнула над двумя путниками, прежде чем исчезнуть. Маппо поднял глаза, высматривая хоть что-то среди огромных веток, с которых свисал, подобно бороде, мох. Он ничего не видел, но до сих пор ощущал холодный ветер, который тянулся следом за... чем-то. Трелль перевёл взгляд на верховного жреца.

– Искарал Прыщ, в этом болоте что, водятся энкар'алы?

Глаза маленького человечка были широко открыты. Он облизал губы, невольно собирая языком размазанные внутренности комара и втягивая их в рот.

– Понятия не имею, – сказал он, вытирая нос тыльной стороной ладони. Вид у него был как у младенца, пойманного на каком-то ужасном преступлении. – Нам стоит пойти назад, Маппо Коротышка. Это была ошибка... – Жрец покачал головой. – Он мне верит? Как он может не верить? Прошло пять дней! Мы не пересекли эту часть болота, его северное ответвление, нет, мы идём по нему вдоль! Энкар'ал? Боги милостивые, да они людей жрут! Это был энкар'ал? Хотелось бы! Но ведь нет. Если бы только. Быстро, великолепный гений, придумай, что тебе сказать! – Он почесал белую щетину на лице и засиял в улыбке. – Это всё Могора! Это её вина! Её идея!

Маппо огляделся. Северное ответвление болота? Чтобы попасть сюда, они должны были срезать на запад, это бы уже оказалось первым признаком того, что всё идёт наперекосяк, но разум Маппо в те дни был затуманен. Да и сейчас – настолько ли прояснился его рассудок.

Но теперь трелль ощутил, как, будто жар угольков, в нём начал разгораться гнев. Он повернул направо и двинулся вперёд.

– Куда ты? – спросил Искарал, ускоряясь, чтобы не отставать. Мул за спиной жалобно заревел.

Трелль не утруждал себя ответом. Он изо всех сил сдерживал желание свернуть цыплячью шею мерзкого человечка.

Некоторое время спустя земля начала ощутимо подниматься, стала суше, и кое-где спелые стали пробиваться лучи солнца, выглядывая из-за берёз.

На опушке прямо перед ними, полусидя-полулёжа, на валун опиралась женщина. Высокая, с кожей цвета чистого пепла, длинными и прямыми чёрными волосами, вольно свисающими ниже плеч. Серебром сверкнула кольчуга, надетая поверх серой рубахи с капюшоном и гетр из бледной, гладкой кожи. Высокие сапоги, сделанные из кожи какого-то чёрного чешуйчатого создания, доходили до колен. На поясе висели две рапиры с гардами-чашками.

Она ела бордово-красное яблоко.

Крупные, чёрные глаза с глубоким и длинным эпикантусом² пристально уставились на Маппо с выражением вялого пренебрежения и слабого веселья.

– Вот как, – прошептала она. – Вижу, тут не обошлось без руки Ардаты. Тебя исцелила Королева Пауков – ты заводишь опасные связи, Страж. – Её свободная рука прикрыла рот, глаза расширились. – Как грубо с моей стороны! Ты ведь уже не страж. Как же мне тебя звать, Маппо Коротышка? Отвергнутый? – Она выбросила яблоко и выпрямилась. – Нам с тобой нужно многое обсудить.

– Я тебя не знаю, – ответил трелль.

– Меня зовут Злоба.

– Очень подходит, – сказал Искарал Прыщ, – ведь я уже тебя ненавижу.

– Союзникам не обязательно быть друзьями, – ответила она, презрительно окинув взглядом жреца. Её глаза на мгновение сузились при взгляде на мула, затем она сказала: – У меня нет друзей, и я не ищу дружбы.

– С таким то имечком, как «Злоба», это неудивительно...

– Искарал Прыщ, Гончие хорошо потрудились, чтобы избавиться от Деджима Нэбрала. Точнее сказать, я начинаю понимать, какую тонкую игру они ведут, учитывая близость Дераготов. Твой хозяин умён, отдаю ему должное.

– Моему господину, – прошипел Искарал Прыщ, – нет нужды вступать в союз с такими, как *ты*.

Она улыбнулась, и эта улыбка по меркам Маппо была очень красивой.

– Высший жрец, я не жду ничего ни от тебя, ни от твоего хозяина, – её глаза вновь смотрели на трелля. – А вот тебе, Отвергнутый, я нужна. Мы с тобой будем странствовать вместе. Услуги Мага Дома Теней больше тебе не потребуются.

– Ты так просто от меня не избавишься, – сказал он с неожиданной улыбкой на лице, которая должна была показаться вкрадчивой, но затею слегка портили останки комара, размазанные по грязным, кривым зубам. – Как бы не так. Я буду, словно пиявка, скрытая в складках одежды, жадно высасывать твою жизненную силу. Я буду, как клыкастая летучая мышь у тебя под выменем, жадно пить твои сладкие соки. Я буду мухой, которая жужжит прямо в ухе, чтобы сделать из него дом и отложить там личинок. Я буду комаром...

– Раздавленным твоим губошлёпством, Высший жрец, – утомлённо бросила Злоба и жестом отправила его прочь. – Отвергнутый, в полулиге отсюда берег. Там есть рыбацкая деревушка, в которой, увы, уже не бьёт ключом жизнь. Хотя нам это не помешает.

² Напомним, что эпикантус – особая складка у внутреннего угла глаза, более или менее прикрывающая слёзный бугорок и в нашей реальности характерная для монголоидной расы – один из характерных же признаков Аномандра Рейка. – *Прим. ред.*

Маппо не двинулся.

– Какие у меня причины, – спросил он, – стать твоим союзником?

– Тебе понадобятся мои знания, Маппо Коротышка, ведь именно я когда-то была одной из Безымянных, которые освободили Деджима Нэбрала, чтобы он уничтожил тебя, и новый Страж занял твоё место рядом с Икарием. Возможно тебя это удивит, – добавила она, – но я рада, что т'рольбарал провалил своё задание. Я объявлена Безымянными вне закона, но это лишь приносит мне радость, если не удовлетворение. Хочешь ли ты узнать, что задумали Безымянные? Хочешь ли узнать, какая судьба ждёт Икария?

Он уставился на неё и спросил:

– Что ждёт нас в той деревне?

– Корабль с продовольствием и своего рода командой. Чтобы догнать нашу добычу, нам предстоит пересечь полмира, Маппо Коротышка.

– Не слушай её!

– Замолчи, Искарал Прыщ, – прорычал Маппо, – или проваливай отсюда.

– Дурак! Очень хорошо, теперь мне ясно, что я не просто нужен, а жизненно необходим. Без меня ты, дурачина, просто пропадёшь! Но ты, Злоба, берегись! Я не позволю тебе предать этого глупого, но почтенного воина! И следи за словами, иначе ты доведёшь его до безумия!

– Если он так долго терпел твою компанию, жрец, – сказала она, – у него иммунитет к любому виду безумия.

– Тебе стоит прикусить язык, женщина.

Она улыбнулась.

Маппо тяжело вздохнул. *Ах, Прыщ, тебе бы следовать своим собственным предостережениям...*

Мальчику было девять лет. Он некоторое время болел, не понимая, что дни сменяют ночи, изредка приходя в себя, видя размытые силуэты, наполненные болью глаза родителей и странные взгляды двух младших сестёр, которые будто бы начали представлять жизнь без старшего брата, его вечных издёвок и мучений, которые он обязан был приносить им, чтобы казаться надёжным товарищем в глазах таких же жестоких детей, живших в этой деревне.

Потом он снова пришёл в себя – и помнил то возвращение в сознание как отдалённый, закрытый со всех сторон стенами, покрытый чёрной ночью колодец, где звёзды плавали вокруг, слово водяные клопы. В этот раз в комнате мальчик был абсолютно один. Проснувшись от жажды, он нашёл возле кровати ведро с мутной водой и деревянную ложку из рога, которой его мать пользовалась только по праздникам. Просыпаясь, собираясь с силами, чтобы дотянуться до ложки, зачерпнуть ею воду в ведре, едва справляясь с её весом, и залить прохладную жидкость в потрескавшиеся губы, чтобы остудить горячий и сухой, словно кузнечный горн, рот.

Однажды он вновь очнулся и в третий раз пришёл в себя. Несмотря на слабость, он смог сползти с кровати, поднять ведро и выпить остатки воды, откашливая вкус влажной грязи и песка со дна. В гнезде, которое голод свил в его желудке, теперь было полно пустой скорлупы, а его внутренности клевали тоненькие клювы и царапали маленькие когти.

Длинное и утомительное путешествие привело его наружу, где он прищурился от резкого солнечного света. Слишком резкого и яркого – настолько, что он ничего не видел. Вокруг него повсюду звенели писклявые голоса. Они наполняли улицы и текли с крыш, разговаривая на неведомом ему языке. Смех, веселье... но от этих звуков он похолодел.

Ему нужна была вода. Ему нужно было победить этот яркий свет и вновь обрести зрение. Узнать, откуда идут эти радостные звуки, – неужели в деревню пришёл караван? Труппа актёров, певцов и музыкантов?

Его что, никто не видит? Он стоит на четвереньках, лихорадка отступает. Жизнь возвращается к нему...

Что-то толкнуло его в бок, и на ощупь мальчик дотянулся до лапы и загривка собаки. Мокрый нос скользнул по его предплечью. Похоже, здоровый пёс, решил он нащупав поверх мышц на лапе толстый слой жира, а потом наткнувшись на огромный, выпирающий живот. Теперь он слышал и других собак, которые собрались вокруг него, прижимаясь всё ближе, изгибаясь от удовольствия с каждым его прикосновением. Все они были жирными. Недавно что, был пир? Забили скот?

К нему вернулось зрение, более ясное, чем когда-либо прежде. Мальчик поднял голову и осмотрелся.

Голоса, которые он слышал, принадлежали птицам. Грачи, голуби и стервятники расселись вдоль пыльных улиц, с визгом отскакивая из-за обманных рывков деревенских собак, которые присвоили себе валяющиеся то там, то тут остатки тел, чаще всего просто кости и почерневшие на солнце сухожилия. Черепа разгрызены собачьими зубами и вылизаны до блеска.

Парень встал на ноги, пошатнувшись от внезапного головокружения, которое довольно долго не проходило.

Спустя некоторое время он смог повернуться и посмотреть на родительский дом, пытаясь вспомнить, что видел, пока полз через комнаты. Ничего. Никого.

Вокруг него кружили собаки, отчаянно желая, чтобы он стал их хозяином. Они виляли хвостами, ходили из стороны в сторону, выгибая спины и дёргая ушами при каждом его движении, тыкаясь носами в ладони. Парень понял, что они были толстыми потому, что съели всех.

Потому, что все умерли. Его мать, отец, сёстры и все остальные в деревне. Собаки принадлежали всем и никому, они проживали жизнь в страданиях, жестоком голоде и соперничестве, но теперь в праздности набили животы. Сытость принесла им радость, и всё соперничество было забыто. Мальчик видел в этом что-то глубокое. Детские иллюзии отступили, обнажая правду этого мира.

Он двинулся в путь.

Вскоре он оказался на перекрёстке, сразу за самой северной усадьбой в деревне, стоя посреди своры своих новых питомцев. Прямо в центре перекрёстка дорог и троп торчал указатель из груды камней.

Голод прошёл. Взглянув на себя, он понял, насколько исхудал. Кроме того, он увидел странные фиолетовые узелки, выпирающие на суставах, запястьях, локтях, коленях и лодыжках, вовсе не болезненные. Казалось, они стали хранилищем какой-то иной силы.

Он смог понять сообщение на груде камней, ведь его растил пастух и ему доводилось выпасать стадо. В сообщении было сказано, что надо идти на север, в холмы. Что там его ждёт убежище. А это значит, там были уцелевшие. Понятно, почему его бросили – против синезыкой лихорадки лекари были бессильны. Души живут и умирают благодаря собственной решимости или от её отсутствия.

Мальчик видел, что на склонах не пасутся стада. Наверное, не встретив сопротивления, с холмов спустились волки или другие жители деревни увели скот с собой. Ведь в убежище тоже будут нужны такие вещи, как вода, еда, молоко и сыр.

Он направился по северной тропе, собаки бежали следом.

Он видел, что они счастливы. Рады, что он ведёт их за собой.

А солнце над головой, что раньше слепило его, перестало донимать глаза. Мальчик пришёл в себя и переступил порог, в четвёртый и последний раз. Он понятия не имел, когда это закончится.

Младшая Фелисин утомлённым взглядом уставилась на щуплого юнца, которого к ней привели Выхолощенные послушники. Очередной уцелевший, который ищет в ней смысл, наставление и что-то, что поможет ему поверить, что его не сломят и унесут за собой ветры болезни.

Он был Разносчиком, об этом свидетельствовали опухоли на руках и ногах. Скорее всего, это он заразил всю свою деревню. Узлы гноились, выпуская инфекцию в воздух, и все остальные умерли. Он прибыл к воротам города утром в компании двенадцати полуодичавших собак. Разносчик, но здесь, в этом месте, это не повод для изгнания. На самом деле, наоборот. Кулат возьмёт мальчика под своё крыло, научит его путям паломничества, даст ему новое призвание – нести чуму в этот мир и среди выживших после его прихода собирать приверженцев новой религии. Веры Изломанных, Покрытых Шрамами, Выхолощенных – различного рода секты, членство в которых определялось увечьями, которые чума нанесла каждому выжившему. И самые редкие и ценные из них – Разносчики.

Всё происходило так, как предвидел Кулат. Прибывали уцелевшие. Сначала горстками, потом сотнями. Их тянула, вела сюда рука бога. Они начали откапывать давно похороненный город, селясь в домах среди призраков давно умерших горожан – горожан, которые до сих пор населяли комнаты, коридоры и улицы, молча и неподвижно глядя на перерождение своего города. На их бледных, размытых лицах бушевали эмоции – от негодования до настоящего ужаса. Вот как живые могут испугать мёртвых.

Пастухи прибывали с огромными стадами овец, коз и долговязым скотом, называемым «эрага», хотя многие думали, что они вымерли тысячи лет назад. Кулат сказал, что их дикие стада нашли в холмах, и собаки вновь принялись за работу, ради которой их разводили, – защищать стада от волков и от серых орлов, которые могут спокойно утащить в своих когтях телёнка.

Прибыли ремесленники и начали создавать изображения, порождённые болезнью и лихорадкой. Бога в цепях, толпы Изломанных, Покрытых Шрамами и Выхолощенных.

Изображения, нарисованные на горшках и стенах древней смесью красной охры и крови эрага, каменные статуи Разносчиков. Ткани с крупными узлами шерсти, отображающими чумные узелки, лихорадочных цветов образы, окружающие центральные изображения самой Фелисин, Ша'ик Перерождённой, что несёт истинный Апокалипсис.

Она не знала, как ей со всем этим быть. Её вновь и вновь смущало всё, что она видела, все признаки поклонения и обожания. Со всех сторон её окружал ужас физического безобразия, пока она не ощутила себя хладнокровной, притуплённой до полной бесчувственности. Страдания стали отдельным языком, а сама жизнь для неё сделалась синонимом наказания и заточения. *Вот она – моя паства.*

До сих пор её последователи удовлетворяли все её прихоти кроме одной – нарастающего сексуального желания, отражающего изменения в её организме, созревание её женственности, начало кровотечения у неё между ног и новый голод, приносящий мечты об избавителе. Она не жаждала прикосновений рабов, ведь рабство – это то, что с удовольствием выбрали эти люди. Все они, обитатели града, который называли Ханар-Ара, Городом Павших.

С полным ртом камней, Кулат пробормотал:

– В этом и беда, высочество.

Она моргнула. Она его не слушала.

– Что? Что за беда?

– Разносчик, который прибыл нынче утром с юго-западной дороги. И собаки, которые слушаются только его.

Она рассмотрела Кулата, старого ублюдка, который признался в похотливых снах о вине так, будто сам рассказ доставлял ему большее удовольствие, чем он мог вынести, будто сам рассказ его пьянит.

– Объясни.

Кулат пососал камни во рту, проглотил слюну и указал рукой.

– Посмотрите на эти бугорки, высочество. Это бугорки болезни, это множество пастей синего языка. Но они уменьшаются. Они высохли и сходят на нет. Он сам так сказал. Они

становятся меньше. Он Разносчик, который однажды перестанет им быть. От этого ребёнка однажды не будет никакой пользы.

Пользы. Она вновь посмотрела на него, теперь уже внимательнее разглядывая суровое угловатое лицо, которое казалось старше своих лет. Ясные глаза, исхудавшее тело, которое теперь вновь поправится, ведь теперь у него есть пища. Юный мальчик, который вырастет в мужчину.

– Он останется во дворце, – сказала она.

Глаза Кулата расширились.

– Высочество...

– Я всё сказала. В раскопанном крыле, где есть двор и конюшни, он может держать своих собак...

– Высочество, были планы превратить раскопанное крыло в ваш личный сад...

– Больше не перебивай меня, Кулат. Я всё сказала.

Мой личный сад. Эта мысль позабавила её, пока Фелисин тянулась за кубком с вином. *Ну да, и посмотрим, как он тут разрастётся.*

Продолжая молча размышлять, Фелисин не увидела внезапно помрачневший взгляд Кулата за миг до того, как он поклонился и развернулся.

У парня было имя, но она даст ему новое. Имя, которое лучше подходит её видению будущего. Спустя некоторое время она улыбнулась. Да, она назовёт его Крокусом!

Глава пятнадцатая

*Старик, бывший солдат,
заклёпки позеленели, глаза
обрамляет ржавчина,
стоял, словно внезапно очнулся
среди бездны резни, получив
удар в спину, когда побежал,
когда молодые клинки изгнали
его с поля.
Выглядит как обещанье,
что лишь глупец пожелает
увидеть исполненным,
знамёна славы
жестикуют
под ветром над его головой,
голые, точно призраки,
разбитые черепа, трепещущие губы,
распахнутые в молчанье рты.*

*«О, услышьте меня, – вопиёт он
на своей воображаемой вершине, —
– и я расскажу: о богатствах и
о наградах, о своём величье,
лицо моё молодым предстанет, как те,
что я вижу перед собой... Услышьте!»*

*А я всё сижу за столом тапу,
на пальцах жир жареного мяса,
разбитый кубок жемчужиной блестит
на жарком солнце, вино
водою разбавлено, чтоб укрепить
союз густого и жидкого,
но равно вкусного.
Рукою подать до него,
этого смутяна, этого
бредящего трубача,
который когда-то стоял
сомкнув щиты со мною,
пьяный и покрасневший
от вина и скрытого страха,
за миг до того, как сломался,
сломался и побежал, —
а ныне зовёт новое поколение
на войну, на звонкую битву,
но почему же? Что ж, потому,
что он однажды сбегал. Но слушай:
солдат, что однажды бежал,
обречён бежать и до смерти,
вот в этом, почтенный судья,
причина, единственная причина
тому, что мой нож нашёл его спину.*

*Он был солдатом, словами
он меня пробудил ото сна.*

*«Защита Бедуры» из «Гибели короля Квалина
Троса Беллидского», записана как песня авторства
Рыбака, город Малаз, последний год правления
Императрицы Ласии*

Ното Бойл, армейский лекарь, картулианец по рождению, бывший священник Солиэль, стоял посреди опьяняющего благоухания, навевавшего воспоминания о склепах. Высокий, тонкий, с кожей цвета дублёной козьей шкуры, с бесцветными волосами, чьи пряди трепал ветер, он походил на согнувшийся побег. Между позеленевших зубов торчала рыбья кость. Эту привычку он подцепил так давно, что нынче между зубов у него образовались круглые дыры, а дёсны так задрались, что улыбаясь, он смахивал на скелет.

До сего момента он всего раз улыбнулся (когда поздоровался), и Ганос Паран считал, что этого раза было более чем достаточно.

Сейчас лекарь то ли печалился, то ли изнывал от скуки.

– Не могу быть уверен, капитан Добряк, – сказал он наконец.

– Насчёт чего?

Тот моргнул, серая вспышка утонула в жёлтом тумане.

– Так у вас ведь был вопрос ко мне, разве нет?

– Нет, – ответил Паран, – приказ.

– Да, точно, я это и имел в виду.

– Я приказал тебе отойти.

– Первый Кулак очень болен, капитан. От этого визита никакой пользы, вы лишь помешаете ему спокойно умереть. И вероятно, заразитесь смертельной болезнью.

– Нет, не заражусь. И именно с его умиранием я хочу разобраться. А теперь, как бы то ни было, я хочу его видеть. Это всё.

– Капитан Речушка...

– Капитан Речушка больше не командует, лекарь. Командую я. Теперь прочь с дороги, пока я не назначил тебя копать в лошадиных кишках, а с учётом того, как паршиво их кормят в последнее время...

Ното Бойл изучал рыбий позвоночник в своей руке.

– Я отмечу это в своём журнале, капитан Добряк. Так как я главный лекарь Воинства, есть некоторые вопросы насчёт субординации на данный момент. В конце концов, при обычных обстоятельствах я куда выше капитанов по званию...

– Обычные обстоятельства кончились. Я начинаю терять терпение.

Слабая гримаса отвращения.

– Да, я из первых рук знаю, что происходит, когда вы теряете терпение, не важно, насколько справедлив ваш гнев. Это мне пришлось, напомню, лечить разбитую челюсть капитана Речушки. – Он шагнул в сторону от входа. – Прошу вас, капитан, входите.

Паран со вздохом обошёл лекаря, откинул полог и вошёл в палатку.

Сумрак, горячий и густой воздух, полный благовоний, которые с трудом скрывали смрад болезни. В первой комнате стояли четыре койки, которые занимали командиры рот, но лишь двое были знакомы Парану. Все они спали или были без сознания, конечности прикрыты потевшими одеялами, шеи в пятнах заразы, дыхание хриплое, будто пение призрачного хора. Потрясённый, капитан прошёл мимо и вошёл в дальнюю комнату, где лежал лишь один пациент.

В тусклом неясном свете Паран уставился на фигуру на койке. Он сперва решил, что Дуджек Однорукий уже мёртв. Постаревшее бледное лицо покрывали тёмно-пурпурные фурун-

кулы, глаза покрылись коркой и слизью. Язык цвета арэнской стали так распух, что не помещался во рту, торчал из приоткрытых губ. Лекарь – вероятно, Ното Бойл – покрыл шею Дуджека припаркой из грязи, пепла и глины, теперь высохших и смахивавших на рабский ошейник.

Некоторое время спустя Паран услышал вдох Дуджека, неуверенный звук, вызвавший снова и снова слабое дрожание грудной клетки. Затем Дуджек выдохнул – с трескучим при-свистом.

Боги! Этот человек не дотянет до утра.

Капитан понял, что сжал губы до онемения, и ему трудно сосредоточиться. *Проклятое благовоение, это же д'байянг.* Ещё с полдюжины ударов сердца он смотрел на тщедушную съёжившуюся фигуру величайшего из современных полководцев Малазанской империи, затем развернулся и вышел вон.

Сделав всего два шага, он услышал тихий голос:

– Ты кто такой, Худ тебя побери?

Паран посмотрел на говорившую женщину. Та полулежала в постели, достаточно высоко, чтобы взглянуть на капитана. Тёмная кожа, лишённая морщин, которые оставляет долгая жизнь в пустыне, с огромными, очень тёмными глазами. Круглое лицо окаймляли слипшиеся от пота волосы, коротко стриженные, но всё же выдающие природные завитки. Болезнь обострила черты лица, сделав взгляд ещё более глубоким и выразительным.

– Капитан Добряк...

– Да Бездна тебя побери. Я служила с Добряком в Натилоге.

– Что ж, это неожиданно. А ты у нас?..

– Кулак Рита Буд.

– Одно из свежих назначений Однорукого, видимо, потому что я впервые слышу это имя.

Даже не представляю, откуда ты.

– Из Шал-Морзинна.

Паран нахмурился:

– Запад Нэмила?

– Юго-запад.

– И как тебя занесло в Натилон, Кулак?

– Во имя Трёх, дай мне воды, чтоб тебя.

Паран осмотрелся, нашёл флягу и поднёс ей.

– Ты – дурак, – сказала она. – Раз пришёл сюда. Теперь умрёшь вместе с нами. Воду придётся залить мне в рот.

Он снял крышку и придвинулся ближе.

Она закрыла свои невероятные блестящие глаза и откинула голову, открыв рот. Рубцы на её шее потрескались, истекая прозрачной жидкостью, как слезами. Сжимая флягу, он смотрел, как вода льётся ей в глотку.

Женщина лихорадочно сглотнула, подавилась и закашлялась.

Он отодвинул флягу.

– Хватит?

Женщина кивнула, снова закашлялась, затем выругалась на неизвестном языке.

– Этот проклятый дым, – прибавила она по-малазански. – Так дерёт глотку, что уже и не поймёшь, что глотаешь. Стоит закрыть глаза, сны д'байянга набрасываются на меня, как Красные Ветра.

Он стоял, глядя на неё сверху вниз.

– Я покинула Шар-Морзинн... в спешке. На торговом корабле Синих морантов. Деньги на проезд закончились в городке под названием Дёготь, на генабарском побережье. Оттуда я добралась до Натилога, а там уже голод так мешал мне думать, что я записалась в армию.

– И куда направлялась?

Она скривилась:

– Настолько далеко, насколько хватило бы денег, дурень. Те, кто переходит дорогу Трём, долго не живут. Спасибо благим Опоннам, они за мной не пришли.

– Трём?

– Правители Шал-Морзинна... последнюю тысячу лет. Ты, кажется, узнал название империи, что уже очень много.

– Я знаю только название, оно есть на некоторых малазанских картах.

Она хрипло рассмеялась:

– Малазанцы. Знали достаточно, чтоб первое своё посещение сделать последним.

– Я даже не знал, что мы там бывали, – сказал Паран.

– Император. И Танцор. Императорский флагман, «Вывих». Боги, одного судна хватило, чтоб Трое задумались. Обычно они просто уничтожали чужеземцев – мы ни с кем не торгуем, даже с Нэмилом. Трое презирают чужаков. Пожелай они, уже захватили бы весь континент, включая Семь Городов.

– Не завоеватели, значит. Неудивительно, что никто о них не слышал.

– Ещё воды.

Он подчинился. Закончив кашлять, она посмотрела ему в глаза:

– Ты так и не сказал мне: кто ты на самом деле?

– Капитан Ганос Паран.

– Он мёртв.

– Ещё нет.

– Ладно. Так зачем лгать?

– Дуджек меня списал. Официально у меня нет звания.

– Тогда что ты здесь делаешь, во имя Худа?

Он улыбнулся:

– Долгая история. Сейчас мне нужно сделать лишь одно – отплатить долг. Я в большом долгу у Дуджека. Да и нехорошо, когда Богиня болтается в мире смертных, особенно та, что наслаждается страданиями.

– Они все наслаждаются страданиями.

– Тоже верно.

Рита Буд обнажила ряд ровных зубов, покрытых пятнами болезни.

– Капитан, ты же не думаешь, что, если бы мы знали, что Полиэль в храме, мы бы вообще пошли туда? А у тебя нет этого оправдания. Значит, ты просто сошёл с ума, как по мне.

– Капитан Речушка наверняка с вами согласна, Кулак, – сказал Паран, опуская флагу. – Мне пора идти. Я был бы благодарен, Кулак Рита Буд, если бы вы звали меня капитан Добряк.

Он направился к выходу из шатра.

– Ганос Паран.

Что-то в её голосе заставило его обернуться, хоть он уже дошёл до выхода.

– Сожги моё тело, – сказала она. – Идеально, если мои лёгкие наполнят маслом, так, чтоб взорвалась грудная клетка, высвобождая для полёта мою загубленную душу. Так это делается в Шал-Морзинне.

Он замешкался, затем кивнул.

Снаружи Паран наткнулся на лекаря, Ното Бойла, стоявшего на своём посту и изучавшего капельку крови на рыбьей кости, прежде чем отправить её обратно в рот.

– Капитан Добряк, – сказал он, отдавая честь. – Всадник Хурлокель вас искал. Как я узнал от него, вы планируете нечто... отчаянное.

– Если альтернатива – просто сидеть и ждать, пока они умрут, лекарь, я готов рискнуть и сделать нечто отчаянное.

– Ясно. И как вы планируете совершить этот ваш налёт? Учитывая, что вас ждёт встреча с самой Серой Богиней. Сомневаюсь, что даже вашей репутации хватит, чтоб заставить солдат идти на Великий храм Полиэль. По правде, я сомневаюсь, что вы заставите их даже войти в Г'данисбан.

– Я не беру с собой солдат, лекарь.

Худощавый лекарь задумчиво кивнул.

– Ох, значит, армия из одного человека, да? Одобряю, – прибавил он, вызываясь глядя на Парана. – Я слышал рассказы о вашей выдающейся... свирепости. Это правда, что вы как-то повесили фалах'да на балконе его собственной башни? Хотя он и был союзником Империи тогда. В чём там он провинился? Ах да, выбор цветов для наряда в первый день Праздника Императора. *Какие* там цвета он имел наглость надеть?

Паран некоторое время разглядывал лицо лекаря, затем улыбнулся:

– Синий и зелёный.

– Но эти цвета сочетаются, капитан.

– Я сроду не претендовал на художественный вкус, лекарь. Так о чём там мы говорили? Ах да, армия из одного человека. Верно. Я намерен взять с собой одного человека. Вместе мы нападём на Серую Богиню, чтобы заставить её покинуть наш мир.

– Думаю, вы сделали правильный выбор, – сказал Ното Бойл. – С учётом того, что его ожидает, Хурлокель демонстрирует впечатляющее спокойствие.

– Ему не о чем волноваться, – сказал Паран, – ведь он со мной не идёт. Ты идёшь.

Рыбья кость пробила верхнюю губу лекаря. Недоверие, смешанное с ужасом в глазах. Он выдернул из губы ранившую его иглу и отшвырнул, зажав рану обеими руками. Глаза будто готовы были вывалиться из орбит.

Паран похлопал его по плечу.

– Ранку промой, хорошо? Отправляемся через полколокола, лекарь.

Он сел на сундук с обмундированием, медленно откинулся назад, пока не коснулся спиной стены палатки, затем вытянул ноги.

– С тем, что я задумал, – сказал Паран, – стоило бы напиться до полусмерти.

Хурлокель не сумел выдавить улыбку.

– Прошу вас, капитан. Нужно сворачивать лагерь. Сократить потери. Я прошу вас отказаться от этой затеи, которая приведёт лишь к смерти ещё одного хорошего солдата, не говоря уж о противном, но умелом лекаре.

– А, да. Ното Бойл. Некогда жрец Солиэль, богини-сестры Полиэль.

– Бывший жрец, капитан. Отрёкшийся, лишённый власти и силы.

– Солиэль. Госпожа Исцеления, Милосердия, Богиня, Плачущая Целительными Слезами. Она, небось, уже целый океан наплакала, как думаешь?

– Мудро ли насмехаться над ней в такой час, капитан?

– Почему нет? Чем её пресловутая бесконечная скорбь о судьбах смертных помогла им хоть в чём-то, Хурлокель? Легко плакать, будучи далеко, ничего не делая. Подумай только о тех, кто выжил, – тех, чей дух сражался в боях, чья сила воли отказалась согнуться перед лицом Худа. – Он ухмыльнулся, глядя на крышу палатки. – Так называемые дружелюбные, милосердные боги, именно они должны ответить за всё. – Паран взглянул на стоявшего перед ним человека. – Худ свидетель, остальные прямые и безумно честны в своей подлости, признаем это. Но предлагающие помощь, сочувствие и всё прочее, оставляя на самом деле всё на произвол судьбы, – будь я проклят, Хурлокель, они за всё это ответят!

Всадник смотрел на него немигающими огромными глазами.

Паран отвернулся:

– Прости. Некоторые мысли мне стоит держать при себе. Увы, это мой давешний недостаток.

– Капитан... ваши глаза... на секунду они... *вспыхнули*. Как у животного.

Паран посмотрел на него:

– В самом деле?

– Я готов поклясться, чем угодно, капитан.

Ганос Паран рывком поднялся на ноги:

– Передай мои приказы офицерам. Армия выступает через четыре дня. Через три дня я хочу в полдень увидеть их при полном обмундировании, с оружием наголо, готовых к смотру. И к моменту выступления, я хочу, чтоб этот лагерь был чист, все галюны закопаны, а отбросы сожжены. – Он взглянул на Хурлокеля. – Солдат нужно занять делом, они загнивают изнутри. Запомнил, Хурлокель?

Разведчик улыбнулся, затем повторил приказ Парана слово в слово.

– Хорошо. И обязательно донеси до офицеров, что скулить и томно валяться на койках им больше не светит. Скажи, что порядок движения будет зависеть от них – самые опрятные пойдут впереди, остальные будут глотать за ними пыль.

– Капитан, куда мы направимся?

– Понятия не имею. Подумаю об этом позже.

– А что с Первым Кулаком и прочими в той палатке?

– Вероятно, они довольно долго будут мало на что способны. А пока...

– А пока вы командуете Воинством, сэр.

– Так точно.

Хурлокель неожиданно отдал честь, развернулся и вышел из палатки.

Паран уставился ему вслед. *Прекрасно, хоть кого-то это всё радует.*

Вскоре они с Ното Бойлом уже сидели на лошадях на краю лагеря, глядя вниз, на ровное поле, тянувшееся до городских стен, что были сложены из выгоревшего песчаника, покрытого царапинами, символами, отпечатками рук и нарисованными скелетами. На таком расстоянии до них должны были долетать городской шум, пыль и дым, а огромные ворота должны были быть распахнуты для толп торговцев, лоточников, пастухов со стадами и рабочих. Квадратные башни при воротах должны были охранять солдаты.

Единственным заметным движением стала стайка голубей, поднимавшихся и падавших вниз, будто изысканная армада воздушных змеев, подхваченных штормовым ветром; да ещё голубоватые скворцы и шумные вороны сгрудились кошмарной армией на зубчатых стенах.

– Капитан, – сказал лекарь, снова сжимавший губами рыбью кость – проделанная ею дыра покраснела, припухла и была покрыта какой-то мазью, – вы верите, что я способен напасть на то, что само по себе несёт мне проклятие?

– Я думал, ты отрёкся, – сказал Паран.

– Именно так. Я даже не могу молить Солиэль о милосердной защите. Возможно, вы слепы настолько, что не замечаете истину, капитан, но я вам скажу: я вижу, как воздух клубится на этими стенами – это дыхание хаоса. Вихри взмывают ввысь, мне дурно от одного взгляда на них. Мы с вами умрём, оба. Не дальше, чем в десяти шагах от ворот.

Паран проверил меч на поясе, затем подтянул ремень шлема.

– Я не настолько слеп, как ты думаешь, лекарь. – Он закончил осматривать город и собрал поводья. – Держись ближе ко мне, Ното Бойл.

– Капитан, похоже, ворота закрыты. Нам не рады.

– Плевать на проклятые ворота, – сказал Паран. – Ты готов?

Лекарь глянул на него безумными глазами.

– Нет, – сказал он тонким голосом, – я не готов.

– Тогда поехали, – сказал Паран, подгоняя лошадь.

Ното Бойл бросил ещё один, последний взгляд через плечо на сотни смотревших им вслед солдат.

– Боги! – прошептал он. – Почему я не среди них?

Затем он поторопился догнать капитана Добряка, который как-то повесил невинного человека на башне. *И он снова делает это... со мной!*

Однажды её отправили на охоту за младшим братом, отслеживать его через половину города – о, он знал, что она идёт за ним, знал, что послали именно её, единственную, кто был способен ухватить костлявую лодыжку, притащить его назад и трясти, пока мозг не вылетит через уши. Той ночью он вёл её по дикой тропе. Десятилетка полностью вышедший из-под контроля, глаза сияли, как отполированные во рту шарики, белоснежная улыбка кривее, чем волчий оскал, сплюснутые костлявые конечности и извивающееся коварство.

Он собирал... вещи. Тайно. Пряди волос, обрезки ногтей, гнилые зубы. По одной, как выяснилось, от каждого члена их огромной семьи. Сорок два человека, если считать четырёх-месячную Минаралу, – а он посчитал, мелкий гадёныш. Это невероятное безумие превратилось в армию омерзительных куколок, которым он причинял мелкие, но непрерывные мучения, чтобы утолить свою жажду зла, но и этого оказалось мало её брату, истинно верившему, что он предназначен для бóльших злодеяний. Не удовлетворённый куклами-подобиями, он создал из палочек, лозы, рогов и шерсти крошечное стадо из сорока двух овец. Запертых в загоне из палочек на полу чердака. Затем из одного из молочных зубов, недавно вырванных собственными руками, он сделал подобие волчьего клыка, а потом из клочков шерсти – волка, которому принадлежал этот клык, размером точь-в-точь, чтоб одним укусом проглотить куклу-овечку.

Охваченный безумием магии, он поместил своего волка посреди стада.

Крики и вопли посреди ночи в доме за домом, порождённые ужасающими кошмарами в вонючей панике и ланолине, топот копыт, отчаянная скачка, безнадёжная схватка. Укусы и удары огромного воющего волка, чудовища, игравшего с ними всеми – о, она долго, долго будет помнить эту пытку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.